Малиновский Александр Станиславович
родился 20 февраля 1944 г. в с. Утёвка
Нефтегорского района Самарской области.
После средней школы поступил
в Куйбышевский политехнический институт.
С 1968 г по 2000 г. работал
в нефтехимической отрасли.
Прошёл путь от рабочего
до генерального директора
нефтехимических заводов.
Заслуженный изобретатель России.
Доктор технических наук.
Почётный нефтехимик России.
Член Союза писателей с 1997 г.
Автор более двадцати книг прозы и поэзии.
В настоящее время – профессор
на кафедре «Общая химическая
технология и промышленная экология»
Самарского государственного университета.
Живёт в г. Самара.

ISBN 978-5-904319-15-1
9 785904 319151

Русское эхо

Александр Малиновский

Под старыми клёнами

Александр
Малиновский

Под старыми клёнами

ББК 84 (2 Рос=Рус) 6
М 19

Малиновский А.С.

М 19 Под старыми клёнами: Повести для детей и взрослых. — Русское эхо: Самара, 2009. — 144 с.

978-5-909319-15-1

В этой книге представлены три повести известного писателя Александра Малиновского, объединённые не только любовью к природе, но и желанием показать окружающий мир глазами людей разных возрастов — неслучайно главные герои первых двух повестей, помещённых в книге, дети, которым помогают познавать мир взрослые. Впрочем, не только люди рассказывают об окружающем мире. В третье повести этой книги читатель увидит мир глазами животного — очаровательной кошки Симы.

Книга будет интересна как для детей младшего и среднего школьного возраста, так и для их родителей, бабушек и дедушек.

978-5-909319-15-1

© Малиновский А.С., 2009.
© Русское эхо, 2009..

Под старыми клёнами

Мои новые знакомые

Я жил спокойно в деревне у знакомых и писал в тишине книжку о взрослых. И вдруг приехали гости: Андрей Иванович — бывший лётчик, а теперь пенсионер и его внук — первоклассник Алёшка. Пятилетняя Настя, внучка хозяина дома Сергея Ивановича, в тот же день перебралась к ним жить и у нас получилась большая компания.

...Самый весёлый и разноголосый в году месяц май уже прошёл. Наступил июнь, и стало меньше днём птичьих голосов и на затравевшей улице, и в подступившем к самому дому молоденьком леске.

Зато у Чураевых во дворе под клёнами загомонили ребячьи голоса, по-птичьи звонкие и призывные: гости приехали — и с гостями больше стало во дворе ребятишек.

Компания получилась у нас шумная и весёлая.

Июнь — самый мой любимый летний месяц. Ворота в лето!

Я всё меньше и меньше стал писать свою книгу о взрослых и начал ходить со всеми в лес, на рыбалку, и потихоньку записывать, что случалось с нами.

Мне было интересно это делать.

Мои дети давно выросли и разъехались кто куда. И стал я забывать, какие они были маленькими.

...Так я и провёл целый месяц с ребятишками в деревне.

А когда приехал в город и собрал свои листочки, на которых делал заметки, получилась книжечка с маленькими рассказами о моих новых знакомых Алёшке, Настеньке, Денисе и Ромке.

Двор Чураевых

Двор у Чураевых большой.

Когда два брата Сергей Иванович и Андрей Иванович жили здесь вместе и были ещё школьниками, они со своими одноклассниками посадили в один ряд вдоль улицы вперемежку карагачи и берёзы.

Теперь берёз растёт в этом ряду всего пять, а карагачи сохранились все и стали большими деревьями. На них почему-то нравится больше чем где-либо шумным грачам сооружать свои гнёзда. Почти на каждом карагаче по два гнезда у них.

Карагачи все годы разбрасывали вокруг себя семена. Теперь везде: во дворе Чураевых, вокруг дома — растут и взрослые деревья, и маленькие карагачата.

А клёны пришли во двор из леса.

Семена клёнов и карагачей прибивает к забору, завалинке, к любой изгороди и они, укореняясь, тянутся на свет дружно и настойчиво.

Три клёна — один перед окнами дома в палисаднике с почерневшим штакетником и два во дворе — стали такими старыми и огромными, что под ними всегда, в любой солнечный денёк, тень.

Солнечные лучи не проникают через живую зелёную завесу — и под деревьями всегда прохлада. Эти три клёна росли, когда дед

Сергей и дед Андрей были ещё маленькими, а речка Ветлянка, которая под боком, была намного шире и глубже.

В этот прохладный уголок часто собираются ребятишки. Землица здесь вытоптана крепенько ногами не одного ребячьего поколения.

В верхушках деревьев птичий гомон и щебетня, а под деревьями — детский смех. Такой двор у Чураевых!

Даже речка Ветлянка к вечеру становится тише, будто прислушивается: что там, во дворе?

А во дворе сегодня ребята уговорили деда Сергея поиграть с ними в школу. Они уже играли два дня назад и всем понравилось. Двор Чураевых теперь — школа.

Поставили длинную скамеечку и на ней расселись ребята: Алёшка, Настя, соседский Денис и совсем маленький его брат, трёхлетний Ромка, которого я раньше не видел.

Ромка, Денис и их дед приехали в деревню отдыхать на прошлой неделе.

— У меня сегодня много дел, — начал свой урок дед Сергей, усевшись на огромный пень около стола, — поэтому я задам только несколько вопросов, потом получите домашнее задание, хорошо?

— Хорошо! — сразу все ответили хором.

— Что мы изучали прошлый раз, кто напомнит?

— Мы говорили о том, какие животные живут у нас в доме и в лесу, — ответил Денис.

— Молодец, — похвалил Сергей Иванович, — не забыл!

— А теперь напомните мне, кто из них как кричит? Настя, как кричит петух?

Настя встала, деловито поправила светленькое своё платьице, потом раскинула руки в стороны и тряхнула головкой:

— Ку-ка-ре-ку! Ку-ка-ре-ку!

Глаза её были в это время закрыты, а веснушки на лице смешно шевелились.

— Молодец, — одобрил учитель, — а утка?

Настенька села на скамейку, склонила на бочок головку:

— Кря-кря-кря!

— Отлично, Настя! Ставлю тебе пятёрку! Ты у нас, наверное, будешь артистка.

Учитель оглядел всех задорно и спросил:

— А кто скажет, как кричит волк?

Все притихли и стали глядеть на Алёшку, он самый старший из ребят — должен знать! Но он почему-то молчал.

Тогда встал радостный Дениска и сказал:

— Я знаю!

— Говори, — разрешил учитель.

Дениска набрал побольше воздуха в лёгкие и прокричал, смешно погрозив кулаком:

— Ну, заяц, погоди!

Все разом засмеялись, а учитель, сделавшись тоже весёлым, спросил:

— Ты где слышал, чтобы так волк кричал?

— В телевизоре. Кино же было, мультики. Когда он догонял зайца, так и кричал.

— Вот слушайте, как кричит волк,— Сергей Иванович сложил ладони рупором и поднёс к губам:

—У...у...у... — раздалось протяжно и тревожно.

—А теперь попробуйте вы сами.

Ученики сложили ладони, как это сделал учитель, и во дворе стал раздаваться разноголосый вой:

—У...у...у...у...

У кого получилось страшно, а у кого — смешно.

— Вы у меня голодные, что ли, все? Завыли хором. Сейчас я вам пирожков с картошкой напеку, — выглянув на крыльцо, смеясь, сказала бабушка Вера.

Когда ученики навылись вдоволь, учитель объявил домашнее задание. Каждый должен был придумать стихотворение, о чём он сам захочет: «у кого к чему душа прилепилась», — так сказал Сергей Иванович.

Почему дед Андрей остался на земле

— Дедушка Андрей, почему ты летал-летал всю жизнь в небе на самолётах, а жить остался на Земле, в Москве? — спрашивает Настя.

Дед Андрей возится с удочками в тенёчке у клёнов.

Он посмотрел внимательно на Настю и сказал так:

— Керосина не хватило.

— Бензина, — поправил Алёшка.

— Нет, самолёты летают на керосине.

— Да..., — разочарованно произнёс Алёшка. — А что это такое — керосин?

— Топливо, такое же, как бензин, из нефти.

— Вон у бабушки Веры коптюшка в бане горит, она заправлена керосином.

— Баня и самолёт? — засмеялся Алёшка. — Как-то не сходятся они вместе.

А Настю не интересует керосин.

— Деда, а если бы керосина хватило, ты бы улетел или остался?

— Конечно, Настя, я полетал бы и потом вернулся. Вон, птицы летают, а гнёзда у них на земле.

— Не у всех, — возражает Настя, — у некоторых птиц гнёзда на деревьях, ближе к небу. Вон, на том берегу, цапля живёт — птичище огромное. У неё гнездо на самом большом дереве, почти в небе.

— Я тоже хотел остаться поближе к небу — год проработал после выхода на пенсию в диспетчерской аэропорта. Но... сократили... — как бы отвечая и на мой немой вопрос, сказал Андрей Иванович.

Насте непонятно, о чём говорит дед Андрей, и она замолчала. Но ненадолго. Взглянула на всех, проговорила, как будто сама себе:

— На небе места много и на земле много, всем места хватит — и птичкам, и человекам!

Мы все заулыбались.

— Верно же?

— Верно-то верно, — сказал задумчиво Андрей Иванович, — но вот я люблю ландыши весной и бересклёт осенью. А они только на земле растут.

— А кто такой бересклёт? — спросил Алёшка.

— Не кто, а что! Это кустарник. Мы с тобой его видели. Я показывал, в овражке у речки.

— Я его и не запомнил.

— Это оттого, что он летом неприметный, — пояснил Андрей Иванович, — листья бледно-зелёные, цветочки махонькие. Но придёт осень и он преобразится: куст становится лиловым и пурпурным и идёт от него особый золотистый свет. А в листве — словно кто-то развесит оранжево-красные фонарики. Жалко, что вас не будет здесь осенью, удивились бы!

— Я буду, — возразила Настя, — значит, увижу красоту!

— Ну, вот, Настя, тебе больше повезло, чем нам, — порадовался за неё Андрей Иванович.

«Ты, Витю видел?»

Последней прилетает из далёкой Индии в наше лесостепное Заволжье красногрудая чечевица. Прилетела в свой срок и вот с верхушки вяза печально так спрашивает:

— Ты, Витю видел? — такая у неё песня.

Мы идём с Настей по лесной дороге, взявшись за руки, и я отвечаю почти машинально:

— Не видел, нет у нас таких.

— Ты с кем разговариваешь? — спрашивает моя спутница.

— А ты разве не слышишь, — говорю, — птаха уже в который раз спрашивает:

— Ты, Витю видел?

— Правда! — говорит Настя и повторяет вслед за птицей:

— Ты, Витю видел?

— Нет, — отвечаю теперь им обеим, — не видел. — И невольно смеюсь.

Настя стоит серьёзная. Смотрит на меня в упор и говорит:

— А вдруг у неё сыночек Витя и они потеряли друг друга? Что теперь нам делать? Как помочь?

Когда подошли к затравевшему озеру, подала голос золотистая иволга. Печальный и нежный зов её, как дуновение, прошёл по тальнику и затих. Словно замолчала робкая флейта, пропав в дупле огромной старинной ветлы.

Не знающий грусти бодрый дятел тут же заполнил наступившую паузу гулкими ударами клюва по сухому дереву.

И грусть прошла.

Деловитый дятел, не жалея себя, словно барабанщик, готов был построить под свою дробную музыку весь птичий окрестный мир.

Чикалки-чирикалки

— Мой отец — молоковоз, — говорит важно Настя.

Они сидят с Алёшей на кухне и бабушка Вера, пока не готов завтрак, угощает их молозивом — молоком от недавно отелившейся коровы. Бабушка его томит в печке и ставит на стол в большой плоской чашке.

— Добавь «чик», — подсказывает бабушка.

— Бабуль, мне непонятно!

Бабушка Вера поясняет:

— Молоковоз — это машина, которая перевозит молоко. Если добавить к этому слову «чик» — получится «молоковозчик», почти как у Алёшки дедушка: «лётчик».

— Тогда самолёт, на котором летал мой дедушка, будет называться просто «лёт», да? — спрашивает внук. — Если без «чик», он же летает не сам, а дедушка рулит.

Бабушка Вера молчит. Она не знает, что сказать. Чуть помолчав, произносит:

— Ну, вас, чикалки-чирикалки вы мои. Голову сломаешь с вами.

— Бабушка, — спрашивает Настя, — а почему у нашего дедушки Сергея такое большое тулбище. Он поэтому на самолёте не летал, а на машине ездил? Не умещается в самолётной кабинке?

— Не тулбище, а туловище, — смеясь, поправляет бабушка, — чудишь ты нарочно, что ли?

Алёшка тоже недоумевает:

— Мой дед летал на самолётах и здоровый, не хромает. А дед Сергей работал шофёром, у него спина болит и он два раза попадал в аварию. Он мне говорил. Значит шофёром работать опаснее, чем лётчиком? Машинам на земле тесно. Чтобы не сталкиваться, надо летать?

— Вот будет под клёнами ваш урок, там и спроси, — отвечает бабушка Вера.

Козочка Мариша и поролон

У бабушки Веры две козы. Одна большая и одна маленькая такая, а похожа на взрослую.

Бабушка Вера говорит, что коза Мариша хотя и маленькая, но старше своей сестры Ариши. А не выросла она оттого, что, когда была совсем молоденькой и глупой, съёла кусок поролона. Часть удалось у неё изо рта вынуть, а небольшой кусок она всё же проглотила. После этого козочка чуть не померла, но всё же её выходили. А рост прекратился.

— Отпоили козьим молоком — очень оно оказалось полезным, — сказала бабушка Вера и как-то особенно посмотрела на Алёшку.

Алёшка как услышал, что она сказала, сразу заволновался. Это все заметили, потому что он стал ходить около бабушки Веры и что-то думать так сильно, что лицо изменилось.

— Что с тобой случилось? — спросила бабушка Вера и в её глазах засверкали искорки.

— Я вчера нечаянно жвачку проглотил, — с досадой проговорил Алёша.

— Жвачка не из поролона, — сказала Настя, — вырастишь, ты же не козлик. — Она с надеждой посмотрела на бабушку.

Алёшка стоял молча. Лицо его покраснело.

— Не беспокойся, вот сейчас принесу стакан козьего молока, выпьешь и ничего не будет, — обнадёжила бабушка Вера.

Когда Алёшка выпил козье молоко, бабушка Вера и Сергей Иванович тихо друг другу незаметно улыбнулись: до этого Алёшка наотрез отказывался пить козье молоко. Все пили, а он не хотел: говорил, что оно чем-то пахнет непривычным.

«Сплю в оркестре»

Короткие июньские ночи украшены своими певцами. Самым первым недалеко от дома в леске, где-то во втором часу ночи, просыпается соловей. Он, видимо, раньше всех чувствует зарождение утренней зари. Ночь-то в июне не больше воробьиного носа.

Часто в это же время вслед за соловьём подают голоса и жаворонки.

В четвёртом часу начинает греметь вёдрами во дворе бабушка Вера, готовясь доить корову и выгонять её в стадо.

К этому времени уже целый хор голосов: иволга, овсянка, зяблики и все остальные, кто только может подать голос, встречают песней новый летний день.

Я рассказал Алёшке о ночных певцах.

С первого дня ему определили спать в деревянных сенях, в отличие от Насти, которая спит в доме в спальне за лёгонькой занавеской с красивыми полевыми цветочками.

Стены у сеней сделаны из широченных деревянных плах, но они не очень толстые. Потолка у сеней нет — сразу тесовая крыша, поэтому всё, что творится во дворе, все звуки легко долетают в сени.

Но, оказывается, он многого не слышит. Устав за день от множества дел и впечатлений, сразу засыпает.

И даже петуха не слышит.

А сегодня заявил:

— Я сплю в оркестре!

— Как это? — спрашиваю.

— Ну, когда засыпаю, то курочки кому-то жалуются в сарае:

— Ко-ко-ко...

Потом корова пыхтит.

Свинья хрюкнет, а поросята всё повторяют за ней.

Кот любит под крышей лазить. Он обязательно мяукнет, когда я уже почти уснул.

А потом, во сне, что ли, Цыган гавкнет и замолчит: сам не знает, для чего. Цепью дёрнет, как будто проверяет её — цела или нет?

А ещё воробей утром: чик-чирик! Как на скрипке. Воробей самый маленький, а как бы самый главный — прямо под ухом зачирикает — и уж никого не слышно. Воробей — солист?

Корова Жданка

Корова Жданка блудливая — так говорит и Вера Михайловна, и пастух Иларион.

Со Жданкой часто что-нибудь случается. Прошлым летом она сломала себе правый рог. Засунула зачем-то голову в травокоску, которая стояла в дальнем углу двора. Железо оказалось крепче рога.

Жданка почти никогда не приходит домой из стада сама. Её надо обязательно искать и пригонять кому-нибудь домой. Когда её обнаруживают за чьим-либо сараем или банькой, она торопит-

ся скрыться в высокой траве или кустах. И её не сразу выгонишь оттуда. Её никогда не дождёшься — поэтому, наверное, и назвали животину Жданкой.

— Зачем её каждый вечер искать? — возмущается Алёшка, — мы уже знаем все её места, где она скрывается. Давайте капканы поставим и она сама попадётся!?

В ответ на такое Алёшкино предложение бабушка Вера только укоризненно покачала головой. И непонятно: досадует она на свою шкодливую корову или на предложение внука.

И пастух недоволен коровой:

— Куда она — туда и всё стадо. Она всех заманивает за собой. Вожак!

Бабушка Вера слушает его и соглашается, что корова с характером. Она вздыхает, но куда деваться — корову бабушка любит.

Больше Жданки в стаде ни одна корова так много молока не даёт, хотя все о двух рогах — вот и приходится Чураевым терпеть её проказы.

У коровы Жданки и сынок её — пёстрый телёнок Ветерок — тоже проказник. Вчера он изжевал висевшую на верёвке синюю Алёшкину майку и она теперь совсем стала негодной.

— Яблоко от яблони недалеко падает, — сказала бабушка Вера, — какова мать таков и сыночек.

— Сыночек и правда весь в яблоках, — согласился Алёшка, поглаживая пятнистый бок Ветерка.

— Бабушка Вера, — говорит Алёшка, а если бы телёнок проглотил целиком мою майку, он бы, как Маришка, не вырос, маленьким остался?

— Мог бы совсем подавиться и помереть, — отвечает бабушка Вера, — вовремя ты её у него отобрал.

Телёнок Ветерок стоит на своих слабых ещё ногах и доверчиво смотрит прямо на Алёшку, будто знает, что он его спас.

Спаситель гладит ему морду и глядит прямо в глаза. Они у Ветерка большие и красивые.

Алёшка трогает пальцем толстые губы телёнка и обнимает за шею.

— И ты любишь этого губошлёпа, — говорит бабушка Вера, — что же мне с вами, такими, делать-то?!

Пескари клюют

В прохладной низине за подворьем Чураевых, где собрались в колок вперемежку берёзки, осинки и татарские клёны, ещё источают на смуглом песчаном теле овражка тонкий аромат светло-фарфоровые ожерелья ландышей. И рядом на полянке цветёт медуница. Нет теперь там уже сиреневых нежных колокольчиков. Ушла их пора. Незабудки отвоёвывают себе облюбованное местечко на полянке.

А дикий клевер и жёлтые лютики, по праву и в свой срок, заявляя о приходе лета, соткали дивный ковёр перед самыми окнами весёлого дома с клёнами.

Если пройти по этому большому летнему ковру совсем немного, не более пяти минут, то окажешься на берегу речки Ветлянки.

А когда войдёшь в речку и пошевелишь ступнями в песке, пескари сразу подплывают стайкой и начинают щекотать пальцы.

Их видно, этих бойких рыбёшек, они такие шустрые в воде. Алёшка стоит и смеётся, обе ноги его сразу атаковали быстрые стайки.

— Пескари, как цыплята, клюют мои пальцы! — удивляется он.

— Настя, попробуй и ты! –предлагает дед Сергей.

— Страшно мне, деда.

— Что ж страшного-то, — откликается дед Андрей, — вот раньше, рассказывают, на Волге нельзя было опустить ногу из лодки в воду— рыба хватала и отрывала её. Такая крупная водилась. Вот когда страшно было!

— А теперь такая рыба куда подевалась, — спрашивает Алёшка, — какой её хищник съел?

— Экология такая, — говорит дед Андрей.

— Экология — страшней акулы, она проглотила большие рыбы? — удивляется Настя. — Она самая огромная, получается?

— Экология — это не рыба, — поясняет Сергей Иванович.

— А кто же тогда?

— Давай я расскажу про это на уроке. Хорошо?

— Я согласная, только скажи: пескари вырастают в огромных рыб?

— Нет, конечно. Они маленькие на всю жизнь.

— Тогда они скучные, потому что всегда одинаковые, — делает свой вывод Настя. И не торопится заходить в воду.

Побаивается, наверное, вот и мудрит.

Черепаха и муравей

Черепаху принёс Андрей Иванович.

У неё был тёмно-оливковый панцирь с мелкими светло-жёлтыми пятнами. Нашёл он её у заросшего песчаного озера.

— Я ещё, когда был маленьким, — по-детски улыбаясь, говорил бывалый лётчик, — находил двух черепах. Они там давно живут. И до сих пор не перевелись, удивительно!

Черепаха была важная и спокойная. Она совсем не боялась людей и, когда Настя сбегала и принесла капустный лист, черепаха начала его есть.

— А как она зиму переносит, она же любит жару? — думает вслух Алёшка.

— Это болотная черепаха, — поясняет Сергей Иванович. — Она давно приспособилась жить в наших краях. Зиму она проводит под водой.

— А как дышит?

— С помощью специального мешка, или пузыря, который у неё в задней части тела. Это её лёгкие. Когда очень жарко или сильно холодно, черепахи впадают в оцепенение — спячку. Так они переживают плохую погоду. Она может несколько месяцев не есть, если нет пищи.

— А детки у черепахи бывают? — спросила притихшая Настенька.

— Я не видел, — ответил Сергей Иванович, — но мне рассказывали, что в мае она роет задними лапками на берегу ямку и откладывает яички. Их у неё бывает от пяти до десяти штук. А к осени из яичек вылупляются черепашки. Они вырывают себе в земле ходы и в них зимуют.

— Знаете, что я придумал? — сказал Денис, — давайте черепаху положим на раму с колёсами от сломанной машины, она начнёт ногами отталкиваться от земли и быстро-быстро поедет. Вот ей радость будет — а то она от скуки такая зелёная. Ей скучно так медленно двигаться.

Денис любит всё делать быстро. Он и на велосипеде гоняет быстрее всех, поэтому так и говорит.

— Ей скучно медленно жить, — продолжает он. Ему стало самому смешно, как сказал, и он весело засмеялся.

Около черепахи оказался коричневый большой муравей. Все

сразу увидели его. Черепаха повернула вбок и накрыла муравья. Все замерли.

— Как танк, наша черепаха, она его раздавит, — проговорил Алёшка.

Но не успел он это сказать, как муравьишка выскочил с другой стороны черепахи и быстро помчался к траве.

Мы начали смеяться над муравьём, а Алёшка задумчиво проговорил:

— У нас на уроке в школе Ирина Владимировна читала нам стихотворение, я запомнил:

— Я наступил на муравья —
А вдруг у него семья?

Алёшкины слова расстроили Настю:

— У муравья детки и у черепахи могут быть детки, а мы её не пускаем к ним? Давайте её отнесём туда, где взяли.

Черепаха словно догадалась, что решается её судьба, она остановилась, высунула ещё больше свою головку и стала смотреть на всех.

Денис молчал, поправляя руль своего красивого велосипеда. И непонятно было, как он относится к предложению Насти.

Я видел, что Алёшке не хочется отпускать черепаху: такая редкая находка. Но было и жалко её.

Вышла во двор бабушка Вера и поддержала Настю:

— Вам игрушки, а ей каково, поиграете и бросите... У нас во дворе и так всякой живности хватает.

Андрей Иванович посмотрел на всех и сказал:

— Тогда давайте голосовать.

Все подняли на него глаза.

— Кто за то, чтобы отпустить черепаху, поднимите руки!

Все подняли руки, кроме Алёшки. Он сидел на траве около черепахи, не двигаясь.

Настя посмотрела на него, как взрослая: сверху вниз долго и ничего не сказала.

Алёшка под взглядом её синих больших глаз глубоко вздохнул и медленно поднял руку.

В тот же вечер мы отнесли черепаху на её озеро.

Радуга над речкой

Когда речка под боком, сразу за огородами, жизнь намного интереснее.

Ночью шёл дождь. Утром он ещё накрапывал, а к полудню появилось солнце. И всё вокруг ожило.

Река стала блестеть, и появилось много пчёл и шмелей.

Дед Андрей, Алёшка, Настя и я решили пойти порыбачить на речку. Всякий настоящий рыбак знает, что рыба после дождя клюёт лучше.

Когда мы шли, песок на тропинке был ещё сырой и на траве блестели капли дождя, а в низинках стояли лужи.

Наша компания добралась до речки быстро: огороды не такие уж и длинные, а кончаются они на берегу Ветлянки.

Мы стояли на высоком берегу, а речка была внизу под нами. Она светлой лентой уходила слева направо от нас к горизонту и там пропадала из глаз.

Мы не спешили спускаться к воде — больно уж красивое место. Стояли, любовались. И тут поднялась радуга — высокая и чистая. Радуга — как большая дуга — перекинулась с одного берега на другой.

Все семь её цветов украшали теперь и речку Ветлянку, и дальний луг, и широкое, просторное небо. А над головами нашими зазвенели жаворонки.

— Ребята, сказал я, — смотрите: река как большая белосеребристая лошадь, а радуга — дуга с колокольчиками — жаворонками. И всё это мчится далеко-далеко в степь и ещё куда-то дальше...

— А мы мчимся вместе с ними, так ведь! — воскликнул Алёшка. — В большой такой телеге из этой поляны! Нас мчит наша речка! Куда-то далеко-далеко!

— Туда, где вы с Настей будете взрослыми, — сказал Андрей Иванович.

— И где вы будете непременно счастливыми, — добавил я.

Настя рассматривала, присев, белоголовую ромашку в медовопахнущей траве. Она не согласилась:

— Я не хочу уезжать, — спокойно возразила она.

— Я счастливая уже здесь, где папа, мама, деда, баба, Алёшка, — она посмотрела на меня мельком и улыбнулась: — и все остальные — тоже...

Мы все разом заулыбались. И Настя добавила:

— Вот видите, как нам всем здесь хорошо! И весело!

И, правда: было так хорошо! Летний день был замечательный. И впереди у нас была ещё рыбалка!..

Настино стихотворение

Под старыми тенистыми клёнами у Чураевых опять идут школьные уроки.

— Кто готов рассказать своё стихотворение — таково у нас было дамашнее задание, — говорит дед Сергей и смотрит на своих слушателей.

Все молчат, а Дениска начинает толкать Алёшку: давай ты! Алёшка молчит. Тогда встаёт Настя.

— Стихотворение про маму, — говорит она.

Я смотрю на неё и тоже волнуюсь. Настя отнеслась серьёзно к домашнему заданию. Пришла ко мне и всё допытывалась, как я пишу свою книгу, откуда в голове берутся мысли такие? Где я беру слова, из которых можно делать настоящую книжку.

— Стихотворение про маму, — повторила она.

Ребята ещё больше притихли. И во дворе зазвучал голос Насти:

Я у мамы в глазах,
Мама у меня в глазах,
Я у Алёшки в глазах,
Алёшка у меня в глазах,
Мама у нас в глазах,
А мы все у мамы в глазах.

Все сначала удивлённо молчали. Когда Настя закончила, громко захлопали в ладоши. А Ромка свалился со скамейки и не заплакал, а тихонько снова залез на своё место и захлопал в ладоши, когда все уже перестали хлопать.

Дед Сергей подошёл и погладил по головам и Настю, и Ромку.

Когда игра в школу закончилась, я подошёл к Насте:

— Видишь, и у тебя получилось стихотворение, а говорила, не знаешь, откуда брать слова.

— Это потому, что я всех люблю, вот и получилось, — пояснила Настя. И радостно засмеялась.

Меткий промах и кувалда

Настя, Алёшка, Денис, Ромка и я только что вернулись из леса. В молодом сосняке смотрели, не появились ли белые грибы, подосиновики, а на лугу — шампиньоны. Мы ничего не нашли. Очевидно, рано ещё, хотя три дня назад была шумная гроза и сплошной стеной хлынула на знойную землю живительная, несущая рост влага. Стоит, очевидно, ещё подождать денёчка два и повторить свой поход.

Мы, приморившись, сидим в тени наших друзей-клёнов.

Большая бабочка-капустница порхала-порхала по двору и села на край нашей скамейки. Денис снял свою адидасовскую спортивную кепку и стал подкрадываться к бабочке. Она вспорхнула, но тут же села на другом краю доски. Мы все наблюдали за его охотой. Наконец-то он изловчился и совсем было накрыл бабочку кепкой. Но бабочка вылетела из-под неё в самый последний миг и стала виться сначала над головами у нас, а потом поднялась совсем уж высоко. Напрасно Денис ладонями, сложенными лодочками, пытался всё же поймать её. Неуловистой оказалась кепка фирмы «Адидас».

— Какой меткий промах! Надо же! — то ли удивившись, то ли с досады воскликнул Денис.

Мы дружно рассмеялись. Он помолчал немного и тоже начал смеяться.

Пока Денис охотился за бабочкой, я обнаружил на рукаве своей куртки клеща. Быстренько всех заставил осмотреть друг друга. Больше клещей не было. Даю пояснения:

— Ребята, клещ может быть очень опасным, он — разносчик болезней. Его трудно чем-либо раздавить, даже ногой не получится.

Я ступаю на него пяткой своего тяжёлого ботинка, но клещ продолжает ползти по земле.

— Его даже, наверное, трактором не раздавишь, — продолжаю я, — а он очень вреден, потому что от него можно заразиться.

— Ерунда, — говорит Алёшка, — можно от него отделаться: надо положить его на ровное железное место и несколько раз ударить кувалдой, которая стоит в сенях.

— А почему несколько раз? — спрашивает Денис.

— А чтобы попасть, — деловито отвечает Алёша.

Ласточки и кот

В большой сельнице, где хранят сено, живут ласточки. Там у них два гнезда. Гнёзда они сделали из глины под листами шифера на деревянной перекладине.

Ласточки залетают в сельницу через дверь, а когда она закрыта, то через небольшое отверстие вверху двери.

Вот около этого отверстия и повадился лежать соседский кот. Устроится на длинном выступающем конце перекладины и наблюдает за птицами.

И что у него на уме, нетрудно догадаться.

Когда отважная ласточка пролетает мимо него в отверстие, он взмахивает лапой, словно примеривается, как ловчее схватить птицу. Но пока не решается на это.

Ласточки, когда кот сидит рядом, беспокойно кричат, прежде чем залететь в сарай, словно жалуются и просят о помощи: «Люди, разве вы не видите, помогите нам!». Но всё равно залетают: там же у них дети.

Я предложил снять дверь, чтобы она не закрывала вход. Алёшка сказал, что надо сделать отверстие побольше, а дверь не трогать. Но лучше всех сообразила Настя:

— Давайте эту деревяшку, на которой сидит кот, отпилим и кот упадёт!

Мы так и сделали. Прогнали кота. Я взял ножовку, и хотя перекладина была из толстой сухой берёзы, быстро отпилил выступающий её конец.

Кота мы больше около сельницы не видели, а ласточки спокойно стали летать к своим гнёздам.

И слышны были только крики маленьких птенцов в гнёздах, а взрослые ласточки жаловаться перестали.

Плоды просвещения

Из-под клёнов во дворе доносится смех, там сегодня идёт урок. Я вышел из своего подвальчика и потихоньку приблизился к клёнам. Урок в самом разгаре:

— А теперь, дорогие мои, — спрашивает учитель, — скажите, что представляет из себя наша планета Земля?

Отвечает Алёшка:

— Это такой круглый шар с деревьями, землёй, железом, это, как там ещё (он чешет затылок): с мухами, комарами, лягушками. И замолкает.

— Ещё с людьми, — вспоминает он.

— А ещё?

— Ну, это — шар, который крутится вокруг солнца и никогда не оторвётся никуда.

— А кто из людей населяет земной шар, кроме русских, знаешь?

— Да, знаю, — говорит Алёшка и начинает перечислять:

— Немцы, французы, иностранцы эти, турки...

— Иностранцы — это не национальность, — говорит учитель. — Я потом поясню разницу. А кто такие китайцы, знаешь?

Наступает пауза. Алёшка не знает, как ответить. Тогда встаёт Денис и бодро говорит:

— Китайцы — это люди, которые едят китов!

Все начинают громко смеяться.

...Но не только учитель задаёт вопросы, на которые не сразу ответишь.

Под конец урока Денис недоумевает вслух:

— Деда Сергей, а почему слова бывают разнобокие?

— Не понял, например? — спрашивает учитель.

— Ну, вот, пила, например: то она в мастерской — ею пилят дрова, а то говорят: пила молоко, пила воду?

— Ты ещё знаешь такие слова?

— Знаю.

— Какие?

— Вот, когда мы ехали на автобусе из города в деревню сюда, по радио сказали: «Трупы артистов, этого, Большого театра готовятся к поездке за границу». И никто не смеялся.

Учитель таких вопросов не ожидал. Он сидит за столом и почёсывает затылок.

— Да... — произносит он и молчит.

А потом объявляет:

— К следующему уроку заготовьте все вот такие, как Дениска говорит, «разнобокие» слова. Будем разбираться: с какого бока их употреблять.

Птичка на ниточке

Жара наступила такая, что кажется, будто вода в реке так устала, что и не течёт совсем.

Всё отдыхает. Всё в ленивом полусне.

А пчёлы трудятся в луговых цветах и звенят на разные лады их голоса.

Над головой, прикрыв ладонью глаза, видишь странную птицу пустельгу — грозу мышей и насекомых. Она, еле подрагивая крыльями, зависла в воздухе на одном месте.

— Птичка на ниточке висит, глядите! — крикнула Настенька и стала махать руками.

Птичку и впрямь будто кто вывесил в огромном душном помещении напоказ, как механическую игрушку. Она и на голос не реагирует:

— Ниточка оборвётся и птичка разобьётся... Ниточка оборвётся и птичка разобьётся... — кричит Настя.

Птичка повисела-повисела на ниточке на одном месте, потом резко и быстро заскользила вниз к реке и пропала в серебряных бликах над водой. Будто невидимую ниточку кто-то чикнул ножницами.

И остались на высоком берегу только звенящие пчёлы в цветах и мы с Настенькой.

— Зря я крикнула, — говорит Настя, — мы теперь с тобой без птички совсем одинокие. Она нас бросила. И скворцы улетели, и пустельга оторвалась от ниточки.

— Не горюй, Настя, — успокоил я, — ведь у нас с тобой есть ещё ласточки, которые живут в сельнице у Чураевых.

— И правда, — обрадовалась Настя, — как же я забыла про них, они же совсем «наши».

Пахталка

Вчера бабушка Вера сказала при всех за ужином деду Сергею:

— Что же это мы, Сергей Иванович, так и будем теперь брать пахталку у Климановых, будто свою не можем починить либо новую сделать? Не хочется просить каждый раз.

— Опять сливки накопились? — спросил Сергей Иванович.

— Накопились. Три вечера на сепараторе пропускала молоко.

— А что это такое, пахталка? — поинтересовался Алёшка.

— Мини-мини-маслозавод, — отозвался дед Сергей.

Потом он пожевал задумчиво вислый кончик усов и сказал решительно:

— Ладно, бабка, будет тебе пахталка, а ребятишкам — масло.

...Сегодня утром мы с Алёшкой вслед за Сергеем Ивановичем пошли в его мастерскую. Сарайчик, в котором мастерская, всегда был закрыт на большой висячий замок.

Ни я, ни Алёшка никогда в нём не бывали. Нам было интересно.

То, что мы с Алёшкой увидели, когда Сергей Иванович открыл широкую и тяжёлую дверь, нас поразило.

Все полки в мастерской были заполнены инструментом. Здесь были и ножовки разной величины, и пассатижи. Были и рубанок, и большой внушительный фуганок. И долото, и коловорот.

Разных размеров буравчики лежали наготове в ровном ряду, будто ждали своего хозяина: когда же он их будет куда-нибудь вкручивать. На большом крючке висела почти новенькая дрель, а рядышком на крючке поменьше — паяльник.

На верстаке около точильного круга лежали большие ножницы, которыми стригут овец.

Но самое удивительное было то, что стояло в углу справа. Это был деревообрабатывающий станок. Старинный! Это видно было сразу. Привод у него был ножной: большое железное колесо, величиной с велосипедное, соединялось широким ремнём с маленьким валиком, укреплённым на верху станины.

Я позавидовал Сергею Ивановичу. Если у человека такой инструмент, значит, он много умеет делать сам. Таких людей я сильно уважал.

— Станок настоящий? Он работает?! — воскликнул Алёшка.

— Конечно, смотри!

Сергей Иванович поставил ногу на полочку внизу, толкнул легонько левой рукой большое колесо, и оно закрутилось под нажимом его ноги.

Большое металлическое колесо вращалось степенно и медленно, а маленький деревянный валик — быстро.

— Вот между этим валиком и стойкой зажимаем деревянную заготовку и обрабатываем её, — пояснил хозяин мастерской. — От моего деда ещё агрегат остался, а работает отлично.

— А что на нём можно делать? — не терпелось Алёшке.

— А что захочешь, всё можно и делать. Вот специальные резцы.

Он достал с полки похожие на стамески приспособления.

— Вот этими штуками и вырезаешь. Заготовка лучше всего липовая или берёзовая. Она вращается, а ты только успевай. Рука должна быть твёрдой. Мой дед точил ножки к столам, диванам, стульям. Тогда любили резную мебель. Он мастер был делать пряхи. Раньше они в каждом почти доме были.

...Пахталку мы сделали за один день.

Сергей Иванович быстро нашёл в своей чудесной мастерской две тонкие, но такие крепенькие дощечки и у нас на глазах по шаблону, сделанному из картона, начертил на них фигуры, похожие на большие кувшины. Затем острым топором ловко стесал всё лишнее.

— Вот вам боковинки для пахталки, а вот наждачная бумага — убирайте все заусенцы с дощечек.

Мы с Алёшкой с готовностью повиновались: задание важное и ответственное.

Пока мы трудились над порученным заданием, Сергей Иванович вытащил из-под стропилины, что под самой крышей, большой лист тонкой гибкой фанеры и начал вымерять нужные размеры. Потом — пилить.

После того, как он закончил пилить, у него получились два ровных фанерных прямоугольника.

Мы поставили обе боковушки на верстаке и стали их с торцов огибать фанерой, а Сергей Иванович тут же ловко вколачивал блестящие гвоздочки.

Вскоре сооружение наше уже могло стоять само на верстаке.

— Ещё дно и крышу сделать — и готово! — радовался Алёшка.

— Нет, — объяснял Сергей Иванович, — самое главное-то мы ещё не изготовили.

— А что самое главное в пахталке? — допытывался Алёшка.

— А чем пахтать, чем сбивать масло. Это мотовильце — мешалка из двух деревянных лёгких рамочек. Их надо поместить в пахталку вовнутрь, надев на металлический стержень, у которого на конце, выходящем наружу — рукоятка. Её будем вращать по кругу, как заводилку у машины.

Пока мы наждачной бумагой чистили сработанную конструкцию, Сергей Иванович изготовил мотовильце.

Всё спорилось в его руках. Только что трудно было представить, из чего сделать металлический стержень, а он взял толстую проволоку, выпрямил её — на одном конце сделал рукоятку, а на другом, зажав в тиски, быстро нарезал резьбу под две одинаковые гаечки.

— А почему две гаечки? — спрашивает Алёшка, зорко наблюдая за всеми действиями в мастерской.

— Голова, а для того, чтобы ими фиксировать стержень, навернув их с разных сторон боковушки, когда мы сделаем отверстия.

— Правильно как! — удивился Алёшка, — чтобы не проскальзывал штырь?

— Конечно!

Когда сделали крышку пахталке и прибили дно, конструкция была готова.

Бабушка Вера тщательно помыла её горячей водой и просушила на солнце. После ужина все собрались на кухне испытывать агрегат в действии.

Опробовать пахталку доверили Алёшке и он первый начал крутить рукоятку мотовильца.

Не быстрое это дело — превратить сливки в масло.

За вечер все поочерёдно попробовали крутить железную рукоятку. В пахталке, куда Вера Ивановна залила две больших банки сливок, булькало, урчало, но, когда мы нетерпеливо открывали крышку, масла не было. Потом начали появляться маленькие комочки в сливках и мы обрадовались — скоро что-то произойдёт! На улице уже было темно.

...Когда стало трудно поворачивать рукоятку у пахталки, Алёшка открыл крышку.

Большой масляный ком прилип к мотовильцу и оттого тяжело стало поворачивать рукоятку.

— Ура,— закричал Алёшка — получилось!

Мы все: и Настя, и Денис, и я — тоже закричали «ура», как одна команда, у которой общая победа.

Пахтанье — творожистую сыворотку, которая осталась, когда были вынуты куски масла, бабушка Вера разлила по кружкам. Все стали пить её и нахваливать. Было вкусно.

Масло поместили в стеклянные банки. Когда каждый попробовал свой бутерброд с маслом, все согласились, что вкуснее никогда ничего не ели.

— Я своему папе скажу, чтобы он тоже сделал пахталку, — загорелся Денис, — он конструктором на заводе, где самолёты делают, работает. Пахталку сделает классную

— Не надо просить, — сказал Алёшка.

— Почему?

— Я, когда долго сегодня пахтал, то сильно устал и стал думать, и придумал: чтобы пахтать, надо хорошо перемешивать, правильно? — рассудительно проговорил Алёшка.

— Правильно, — согласился раньше всех и пристально стал смотреть на Алёшку Сергей Иванович.

— А, если так, давайте к красивому велосипеду Дениса приделаем бидончик со сливками, хорошо закроем его — и пусть он целый день гоняет на велосипеде. Будет такое же масло. Верно?

— Верно,— загорелся Денис, — можно на рамку, а можно на багажник.

— Только в бидончик надо положить две чистые деревяшки вместо мотовильца, чтобы перемешивали лучше сливки, — добавил Алёшка.

— Ты, Алёшка, головастый, молодец, — сказал Сергей Иванович.

— Здорово! — удивился Денис, — просто гоняешь по улице сам себе, а там как бы фабрика молочная работает!

— Не фабрика молочная, а маслозавод, — уточнил Алёшка.

— Повезло мне здорово, — сказал Алёшка, когда мы уже расходились спать.

— Повезло потому, что масло вдоволь теперь будешь есть? — спросил я.

— Нет, — сказал Алёшка, — потому что у нас есть Сергей Иванович — такой Мастер на все руки. — Он немножко подумал и добавил:

— И потому, что я теперь тоже умею пахталки делать. Я всё запомнил!

Сорока-белобока

Алёшка долго смотрит на пролетающую над огородом сороку и делает вывод:

— Сорока — неправильно сделанная птица.

— Почему? — спрашиваю.

— Она летает боком и трещит сильно. Всегда попадается на глаза и мешает видеть остальных.

— Если бы не было сорок, другие птицы страдали бы больше, — отвечаю я.

— Почему? — удивился Алёшка, — ей, когда ветер дует, длинный хвост мешает летать, а когда по земле ходит — она неуклюжная, ну — неуклюжая, какая от неё помощь?

— Зато, — говорю я, — она всегда первая оповещает лесных обитателей о приближении человека или хищника и они успевают укрыться в листве. Ты заметил, сам же говорил, что она всегда на глазах и всегда трещит при опасности. Лесные обитатели её недолюбливают, но знают: она всегда предупредит.

Однажды я наблюдал, как сорочья пара строила гнездо на рябине.

Они так слаженно и искусно укладывали клювами принесённые ими сухие палки, что я поразился.

Гнездо они смастерили за две недели.

И не осталось за ними никакого строительного мусора, внизу под деревом. Почти все палочки они подобрали и использовали в строительстве своего дома.

Они так поступали, будто знали, что на них смотрят люди и надо показать своё мастерство.

Алёшка смотрит удивлённо на меня и, кажется, не торопится поверить.

От сороки, похоже, он такого не ожидал.

Поговорить бы...

Школьные уроки под клёнами не только веселят ребятишек. На последних двух уроках дед Сергей рассказывал про Миклухо-Маклая, Робинзона Крузо, Горького, царя Петра I. И вот результат.

Полдень. Все разбрелись спать, а Алёшка сидит в тенёчке на лавочке задумчивый.

Спрашиваю:

— Что, старина, грустишь?

— Я думаю.

— И о чём же ты думаешь?

— Я думаю: хорошо бы нам собраться всем вместе и поговорить!

— Ну, давайте после сна поговорим.

— Нет, хорошо бы собраться нам всем: мне, Миклухе-Маклахе, царю Петру, Горькому, Гарри Поттеру и всем остальным, кого не помню уж... И поговорить.

Я уже понял, в чём дело, но по инерции продолжаю спрашивать:

— О чём же поговорить?

— Ну, как о чём? О жизни, конечно!..

Редкая птица — козодой

Коза Мариша обычно пасётся на обрыве у реки.

В сумеречье мы с Настей и дедом Сергеем пошли за ней. Мариша паслась не одна — там ещё были соседские козы и телята.

Вдруг из-под Мариши выпорхнула быстрая серая птичка, похожая на стрижа, и, перелетев в ту сторону, где были другие козы, пропала из глаз.

— Что за странная птица, — сказал я, — ни разу не видел.

— Это козодой, — ответил Сергей Иванович.

— Такое смешное название, — удивилась Настенька.

— Это потому, что раньше люди думали, что она доит коз.

— Как это, дедуль?

— Эта птица кормится всегда около животных, которые привлекают к себе разных насекомых. У козодоя широкий, как мешочек, рот — вот он им и хватает то бабочку, то жучка какого из-под животных — и не разберёшь в сумерках, что он делает. А он уничтожает большое количество вредных насекомых.

— Получается, что люди неправду про неё думают? — допытывалась Настя.

— Я ни разу не видел, чтобы козодой доил скотину. Скорее всего, птица этого не делает. Люди ошибочно так думают о ней. Так и живёт она — без вины виноватая.

— А кто же всем скажет, что она не виноватая, — загоревала Настя.

— Трудно ответить, — признался Сергей Иванович, — ты вот узнала.

— И я теперь знаю, — вырвалось у меня.

Жажда общения

Я заметил их, когда вышел по тропинке из зарослей краснотала на опушку, а нагнал на подъёме в гору.

Как нетрудно было догадаться, два моих случайных попутчика — дед с внуком — возвращались с озера, куда они ходили, скорее, на прогулку, чем на рыбалку.

Кроме свежесрезанных двух удочек с короткими лесками да ржавых крючков на них, больше у моих попутчиков ничего не было.

Деду — седому, грузному, то и дело громко и заразительно смеявшемуся, лет за шестьдесят, внуку едва перевалило за три года.

В нём я запоздало узнал Ромку, брата Дениса, и мы поздоровались за руку.

Познакомились мы и с его дедом. Его зовут Альбертом Львовичем. Он первый раз приехал в эти места. Дед у Ромки большой и голова у него красивая и большая. Он — профессор.

...Мы идём по просёлку теперь вместе, и вскоре я начинаю понимать и дедов весёлый смех, и их беспрестанные остановки на дороге. Идут два человека, открывающие мир. Один — впервые, другой — заново.

Впрочем, не только веселье озаряет их лица. Порой смех смолкает и лицо мужчины становится задумчивым...

У околицы на обочине дороги нас встречает вечная беспокойная спутница просёлочных дорог — трясогузка.

Увидев её, внук тут же спрашивает:

— Деда, кто это?

— Птичка.

— Нет, кто это?

— Ну, как кто? Я же сказал: птичка. Такая же маленькая, как и ты.

— Нет, деда, ну, нет! Кто? Как зовут её?

— Ах, вон что! Зовут птичку трясогузка.

Внук тут же выдёргивает свою ладошку из дедовой руки и бежит к кочке с трясогузкой.

Вскоре возвращается с плачем.

— Ну, что теперь?

— Трясогузка улетела быстро и далеко.

— И что же?

— А как же я?

— А что с тобой случилось?

Внук потерянно смотрит на деда. В глазах досада и обида на его непонятливость:

— Я не успел сказать ей, что меня зовут Ромка.

Цветочные часы

Сегодня под клёнами учитель Сергей Иванович рассказывал, как определять время, если кто заблудится и у него нет часов.

— Деда, ты раньше часто блудил в лесу, поэтому и научился? — спрашивает Настя.

— Нет, мне мой дед ещё рассказывал, я и запомнил. И вам советую, запоминайте, пока жив. Будьте наблюдательны в лесу и в поле.

Ребята внимательно слушают.

— Вот, когда вы все сладко ещё спите, ровно в семь часов белая кувшинка раскрывает свои лепестки лицом к солнцу. И её красивая фарфоровая головка весь день поворачивается к дневному светилу.

Под вечер зелёный бутон её, как створки часов, закрывается и он тонет в озёрной воде.

А теперь посмотрите на поляну за нашими воротами, есть ли там одуванчики?

Ученики побежали к изгороди из длинных жердей. Искали глазами жёлтенькие головки цветков и не нашли. Ребячьи головки, как одуванчики, торчали над изгородью недолго.

— А утром были, — сказал Денис, когда все садились на скамейку.

— Верно, утром были, потому что одуванчик раскрывается в пять — шесть часов утра, а к двум — трём часам дня гаснет.

— Сколько, значит, сейчас времени?

— Больше трёх часов, — ответил шустрый Денис.

— Молодец, быстро соображаешь! — похвалил учитель.

— А кто помнит, где у нас растёт большой куст шиповника?

— Прямо около обрыва у реки, где тропинка кончается, — вспомнил Алёшка, — он сейчас весь красный от цветов.

— Правильно, красный, потому что его цветки раскрываются в четыре часа утра, когда баба Вера встаёт сгонять корову в стадо, —

я несколько раз это проверял. А сворачиваются цветки в бутоны, не скажу, когда, сами понаблюдайте и мне доложите. Хорошо?

— Хорошо, — согласились все разом.

— Деда, а я вчера смотрел, как осы мух ловят там, где норки у них около шиповника как раз, только выше. Так пахнет там сильно цветами жёлтыми. Как они называются?

— Или таволга цветёт, или это жёлтый донник. У него горьковатый запах.

— Завтра покажешь? — спрашивает дед.

— Конечно, — соглашается Алёшка, — я ещё одно там гнёздышко покажу вам всем. Оно в зарослях.

— Это которое у самой речки на ивовой тонкой ветке подвешено, как колыбелька? — спросил учитель.

— Да!

— Как же ты её углядел? И птичку видел?

— Видел, — ответил Алёшка, — я долго высматривал, она рыжая.

— И на головке у неё чёрная косыночка, верно?

— Верно, — согласился Алёшка.

— Это очень редкая птичка, тебе повезло, а зовут её ремез, — говорит Сергей Иванович, — она искусный ткач, такое гнездо умеет делать — загляденье. Правда, певец из неё никакой.

— Деда, как ты всё успеваешь видеть и знать?! Непонятно мне.

— Долго живу здесь, что ж непонятного-то? — с улыбкой ответил Сергей Иванович. — Не одни сапоги истоптал, а уж и ноги наполовину.

Я слышу их разговор и думаю:

«Надо и мне посидеть, покараулить у речной водицы. Может, и я увижу эту редкую птицу — ремеза. Алёшка вот увидел!»

Про китов и их детёнышей

— А у китов детки бывают? — спрашивает Настя.

— Конечно, — отвечает Алёшка, — как у всех.

— Тогда я видела китёнышей в нашей рытвине. Их там ужас сколько!

— Это не китёныши, — смеётся Алёшка, — придумала! Это головастики, из них лягушки вырастают.

— Лягушки вырастают?! — удивляется Настя, — так неинтересно! Я думала по-другому.

— А как ты думала?

— Ну, я думала, что маленькие эти китёныши уплывают от нас далеко в океан. И, пока плывут долго до своего океана, вырастают в китов больших.

Океан же далеко и большой — вот и киты становятся большие.

— Ты, Настя, фантазёрка у нас большая, — сказала подошедшая бабушка Вера, — как только в твоей головушке умещается всякая всячина.

Сказала так и ласково взяла светлую Настенькину косичку, как птичку, в свою большую ладонь.

— Бабушка Вера, вы так с Настей похожи друг на друга бываете, — удивился Алёшка, — только одна большая, а другая — маленькая.

— Ага, — быстро проговорила Настя, тряхнув головой, — мы с бабушкой — как кит с китёнышем, выходит.

Она ещё раз тряхнула головой: так ей стало смешно! И весёлая её косичка выскочила из бабушкиной большой ласковой ладони и запрыгала, как трясогузка.

Жаворонки

Жаворонков в небе слышали многие, а вот какая эта птаха на вид, мало кто знает.

Я тоже с детства знаю, как поёт эта звонкая и радостная птица. Но ни разу не видел её близко на земле, только в небе — высоко над головой.

Наблюдательный Сергей Иванович заметил, где жаворонки иногда садятся, и мы решили понаблюдать за ними.

У него есть настоящая подзорная труба, она увеличивает в шестьдесят раз сильнее, чем бинокль.

У этой трубы удобный чехол и тренога.

Напротив того места, куда прилетают жаворонки с просяного поля, Сергей Иванович установил на треноге эту подзорную трубу и позвал нас. Мы пришли втроём и стали ждать, укрывшись в траве.

Пролетали разные птицы.

Сорока потрещала-потрещала слева от нас на сухой ветке осины и улетела, успокоившись.

Совсем рядом от нас из-под жёлтых соцветий корзиночек

пижмы — дикой рябинки — вылетела маленькая птичка и мы даже не успели её узнать.

— Наверное, у неё там гнездо, — сказал Сергей Иванович, — вот она и таилась от нас. Не хотела, чтобы мы его обнаружили. Но не выдержала.

— Я пойду проверю? — спросил Алёшка.

— Не надо, мы же жаворонков ждём, всё испортишь. Вот лучше обрати внимание: узорчатые листья пижмы всегда повёрнуты с севера на юг. Если запомнишь — не заблудишься в лесу.

— Здорово как! — отозвался Алёшка и стал глядеть в трубу.

— Смотрите, что я обнаружил, — вдруг зашептал он, — целый муравейник, а раньше мы его не замечали.

Я припал к окуляру.

Там, за широко раскрытыми навстречу утреннему солнцу венчиками полевого вьюнка, посредине цветов красного клевера, под засохшим вязом возвышался муравейник, дом-бастион.

Ай да Алёшка, какой молодец. Обнаружил такое чудо. Рыжие муравьи!

Муравейник похож был на шлем богатыря Ильи Муромца.

Жара стоит несносная, а они трудятся вовсю, разбежавшись по своим тропинкам. Кто волочит за собой гусеницу, кто муху, либо совсем маленькую сухую палочку. Все заняты. Все куда-то торопятся. Некоторые, встретившись на секунду, постоят друг против друга, словно передают важные сведения. И вновь разбегаются: работы много.

А вокруг стрекочущий на все лады мир, состоящий из множества насекомых, и среди них милые сердцу кузнечики.

Тёплый воздух июня поднял с земли на опушке и в луговине герань, васильки, иван-чай. В красно-белое и васильковое одевается земля.

И всё время, пока мы ждём жаворонков, за нами подглядывают анютины глазки.

Ещё в памяти стоят изысканные белоснежные ландыши, а здесь, на просторе, всё больше и больше с каждым днём становится красного и жёлтого цвета.

...Наступил краткий момент тишины: ни птичьего вскрика, ни мышиного шороха — даже странно.

— Завтра будет, наверное, дождь, — говорит Сергей Иванович, — смотри какой большой паук неподвижно сидит среди паутины. Он чувствует ненастье.

И вдруг, смолкнув, подносит палец к губам:

— Ти-хо, — шепчет он, — смотрите!

Вот они! Жаворонки!..

Четыре пташки спланировали на маленький островочек песка.

— Алёшка, смотри в окуляр!

Алёшке не надо подсказывать. Он сам быстро повернул трубу куда надо и стал наблюдать.

Долго смотрит, потом делает вывод:

— Наш петух красивее, чем жаворонки.

— Ну, то петух, кто ж спорит, — соглашается тихо Сергей Иванович.

Когда подошла моя очередь смотреть в трубу, я был удивлён. Звонкая, радостная в воздухе птаха, дарящая чудесные трели, оказалась внешне не яркой. Но в её оперении была своя особая прелесть: крылья и хвостик у неё тёмно-бурые, со светлыми каёмками по наружным опахалам крыльев. Спинка у птицы охристо-буроватого цвета, а грудь — беловато-глиняного цвета с пестринками на горле и зобе.

Когда я всё это перечислил Алёшке, он ещё раз посмотрел в трубу и согласился, что птичка нарядная.

Жаворонки деловито копошились в песке, что-то выклёвывая.

— Что они делают? — спросил я.

— Наверное, клюют необходимые им минералы, — предположил Сергей Иванович.

— А питаются они чем?

— Просяными зёрнышками, семенами вики, коноплёй. Да мало ли чем... ячменём... Мой приятель когда-то держал жаворонков у себя дома в клетке.

Услышав это, я вначале удивился, а потом опечалился. Стало жалко этих весёлых птичек. Зачем же их держать в неволе? Пускай они поют под небесами. Там песни звонче. И душе веселее от простора.

Мама всегда в детстве говорила нам, что жаворонки приносят детям и всем людям после долгой холодной зимы долгожданное лето красное. Она пекла из теста жаворонков и они у неё получались всегда красивые.

Мы весной забирались с братом на крышу нашего дома и звали жаворонков скорее прилететь, лето красное принести на крыльях. А мать стояла внизу и улыбалась — и была красивая такая!

И вдруг — таких птиц в клетку! Это несправедливо.

Созрело лето

Во второй половине июня ночи становятся всё короче и короче. Такие, что «заря заре руку подаёт» — только разгорится на небе вечерний закат, а уж, глядишь, утренняя заря нарождается.

Дни длинные. И светлые-светлые!

Не наступил пока солнцеворот — 22 июня, после которого день начнёт убавляться, а ночь на прибыль пойдёт.

Тогда возврат солнца с лета на зиму начнётся.

Созрело лето.

В вечерние и утренние часы птицы ещё поют, но днём им уже не до этого: в лесу, в поле, у реки — везде пернатые добывают корм для птенцов.

Птицы все в заботах: надо быстрее своих деток на крыло поставить:

Опустела во дворе в листве клёнов скворечница. Скворчата к середине июня выпорхнули на волю. И улетели со своими родителями. И не слышно теперь их голосов.

И радостно за них, что всё вовремя успели сделать, и грустно: не услышишь теперь их пение до следующей весны.

И я подумал: вот уедут ребятишки все по домам, начнётся учебный год, и двор Чураевых опустеет, как большая скворечница.

И грустно будет его хозяевам. И клёнам скучно будет. Привыкли они к весёлым голосам и птиц, и детворы...

Но, что ж теперь поделаешь? Так всё складывается.

Да и долго ещё до конца лета.

Зачем грустить раньше времени.

Перемирие

Вчера вечером Рома принёс свой красивый набор игрушек фирмы «Лего» и они с Настей долго на столе под клёнами собирали замысловатые конструкции.

К ним присоединился Алёшка. Но в чём-то он оплошал. Как так получилось, я не видел, но оказалось, что, махнув рукой, он задел Насте по голове. Ей стало очень обидно и она начала плакать.

Алёшка успокаивал Настю. Видно было, что ему досадно.

— Настенька, ну, я же не специально, Денис один раз мне тоже нечаянно в лоб залимонил мячиком — я не плакал и не обижался!

— Тебе он залимонил мячиком, а ты мне не мячиком, — не унималась Настя, — мне больнее.

Так она и ушла спать обиженной, когда позвала её бабушка Вера. Алёшка выглядел потерянным.

...А сегодня утром я вышел на шум во двор из своего маленького прохладного подвальчика, где ночую, и увидел необычную картину: Настенька сидит верхом на Алёшке и своими крохотными кулачками молотит ему по спине. Алёшка ни капельки не сопротивляется.

Возню их увидела и бабушка Вера. Она тоже вышла на шум:

— Настя, Настя, так нельзя, что же ты делаешь?

Настя деловито и весело поясняет:

— Я Алёшку апельсиню!

Настя и Алёшка поворачивают к нам лица — они у них смеющиеся. Нам стало всё понятно: это они так мирятся и им обоим от этого весело.

Кто сильнее и кто дольше живёт?

Сегодня Сергей Иванович занят, у него много работы в лесу, поэтому урок под клёнами ведёт Андрей Иванович.

Учитель читает книжку про животных.

Кто дольше всех живёт? — этот вопрос интересует всех сидящих на скамейке.

— Американская секвойя, или мамонтовое дерево, по утверждению различных учёных, — читает медленно Андрей Иванович, — имеет предельный возраст 2500-4000 лет, при высоте ствола свыше ста метров и диаметре в десять метров.

— Ничего себе, деревце, — удивляется Денис, — как упадёт на землю, шишек всем наделает сколько?!

— Шишек? — громко начинает смеяться Алёшка, — ну, каких шишек! Мокрое место останется от тебя, если упадёт.

Андрей Иванович поправляет очки, они у него плохо держатся. У них только левая дужка на месте, а правой нет. Вместо неё пока временно жёлтая верёвочка к уху привязана. Когда мы наблюдали за жаворонками на лугу, маленький винтик выскочил из очков и упал в траву. Мы его долго искали и не нашли. На нём держалась дужка. Такой важный маленький винтик — без него Андрею Ивановичу теперь неудобно.

Алёшка спросил:

— А из животных кто дольше живёт?

— На Галапагосских островах, где обитают гигантские черепахи, и сейчас встречают долгожителей, которым более ста лет.

— А как узнают, что черепахам столько лет, ведь они не говорящие? — сомневается Денис.

Андрей Иванович вновь подтягивает жёлтенькую верёвочку. Молча водит пальцем по странице и потом радостно говорит:

— Вот, в книжке ответ есть!

И поясняет:

— На панцире черепахи каждое лето откладывается роговое вещество в виде небольших валиков. Когда температура на улице падает, рост валиков прекращается.

Получается, что по роговым валикам можно подсчитать число прожитых черепахой лет. Как по кольцам роста в стволе деревьев.

В лондонском зоопарке живёт черепаха, которой больше трёхсот лет, — продолжает он.

— Эту старушку можно считать самым старым на Земле животным.

При слове «старушка» Настя хихихнула и уронила мячик.

— Иногда крокодилы тоже доживают до трёхсот лет.

— А слоники сколько живут? — интересуется, вылезая из-под скамейки, куда закатили красный мячик, Настя. — Они такие огромаднющие бывают!

— А вот такие огромные животные, как слоны, живут всего до семидесяти лет, а киты — всего до пятидесяти лет.

— А дождевой червяк, сколько живёт, — этого в книжке нет? — Настя подошла к деду Андрею и пытается заглянуть в книжку, — он никому не интересный, червяк, да?

— Ошибаешься, Настя, вот написано, дождевой червь живёт до десяти лет, почти столько же, сколько собака и кошка, которые иногда доживают и до восемнадцати лет. Лошадь и верблюд живут не более 30 лет. Корова — до двадцати пяти лет.

Дикие хищники доживают до сорока — пятидесяти лет, например, тигр и медведь.

— А кто из них сильнее, медведь или тигр? — поинтересовался давно молчавший Денис.

— Конечно, медведь, у него ведь такие лапы! — ответил Алёшка.

— Зато у тигра больше пасть и огромные когти, — возразил Денис, — он его быстрее загрызёт. Он ещё и хитрее.

— Их, наверное, нельзя сравнивать, они разные, поэтому трудно сказать, кто сильнее, — говорит дед Андрей.

— А вот и нет, — возразила Настя, — я знаю, как узнать! Зачем мы спорим: надо поехать в город, в зоопарк, где мы были с папой. Там есть медведь и тигр. Вот у них и надо спросить, кто сильнее? И всё станет ясно! Правильно я говорю?

Беда с козочкой Маришей

За домом Чураевых, в противоположной стороне от речки Ветлянки, есть переулок, а в переулке гать — место, куда все выбрасывают, валят в топкое место всякую всячину, не нужную в хозяйстве.

Сколько раз бабушка Вера говорила Насте:

— Не ходи по гати босиком, ноги поранишь.

Настя позабыла бабушкин наказ и чуть было не поплатилась за это.

Спасла её козочка Мариша.

Так Настя и Мариша подружились, что часто ходили вместе.

Бабушка Вера радовалась всегда, глядя на них, и говорила:

— Ах, вы, мои козочки, обе — две одинаковые!

Она так говорила, наверное, потому, что обе они и весёлые, и шустрые такие. Или оттого, что они одной масти: Мариша вся коричневая и Настя загорелая такая. Светло-каштановые вихры её на голове веселят глаза.

То Мариша забежит вперёд, то Настя — так они и резвились вместе на дворе, на выгоне. Будто на резиночке друг к другу привязаны.

...На гати есть тропиночка. Около неё кто-то и высыпал золу из печки вместе с незатухшими углями.

Весёлая Мариша, когда они с Настей бежали наперегонки, наступила правой передней ногой в печной жар и спалила себе не только шерсть, но и кожу.

...Я принёс на руках Маришу во двор и Вера Михайловна с Сергеем Ивановичем начали её лечить. А мы все помогали.

Сначала козочка не понимала, как надо себя вести, всё пыталась вырваться. Не давала как следует мазать ногу постным маслом и накладывать марлевую повязку.

Но потом поняла, что ей помогают, и присмирела.

...Теперь вместо того, чтобы резво бегать, как она это часто делала прежде, Мариша, перевязанная, лежит у крылечка и грустно смотрит на всех, кто подходит к ней.

Ей положили большой пучок травы, Сергей Иванович принёс две больших ветки, которые она всегда любила глодать своими крепкими зубами. Но теперь ей это стало неинтересно.

Настя сидит возле Мариши на крылечке и тихо всхлипывает:

— Бедненькая моя, — говорит она, заикаясь, — вместо меня ты наступила на угли.

Слёзы текут у неё по щекам. Она их даже не замечает. Так жалко Маришу!

Лист семижильника

Это растение имеет своё научное название, но мама моя звала всегда его семижильником.

Растёт семижильник обычно в тени, на влажных местах, чаще на лесных дорогах и вдоль них, где они проходят по оврагам и вблизи озёр. В степи семижильник встречается значительно реже.

Его везде безжалостно мнут копыта лошадей, колёса телег. По нему, обжигающему босые ноги прохладой, бегают ребятишки, забравшись вглубь леса.

До поры до времени его не замечают. Но, когда нога деревенского мальчишки наткнётся на битое стекло либо гвоздь и рана начнёт гноиться, обязательно найдётся человек, который вспомнит об удивительных свойствах семижильника. И он, этот прохладный зелёный лист, своими семью жилочками, как добрыми щупальцами, накроет рану. Пройдёт время и рана очистится. Опухоль спадёт, а он, ещё недавно зелёный, засохнет, пожелтеет и пропадёт совсем. И опять все забудут про это неприметное растение. Но забудут только до поры.

Завидная судьба у семижильника.

Коршун и цыплёнок

По улице бежит женщина. Она машет руками и кричит:

— Кшу, кшу!!! Кшу!!! Бандит проклятый!

А высоко в небе над домами не спеша летит большой коршун.

— Утащил цыплёнка! Какой бандит! — продолжает шуметь женщина.

Мы выбежали на середину двора, а Сергей Иванович, увидев в небе коршуна, быстро побежал в погребицу и вышел оттуда, уже не спеша, с ружьём.

Большая птица спокойно летела в небе, никого не боясь. Она верила в свою безопасность. У неё были крылья, а у людей — только короткие руки и ноги. И как женщина на земле ни кричала, полететь за птицей никто не мог. Коршун это знал, поэтому и не торопился улетать в лес.

Как только коршун оказался над нашими головами, Сергей Иванович выстрелил. Ружьё так сильно стрельнуло, что заложило в ушах.

Стрелок оказался метким.

...Когда мы выбежали со двора и приблизились к лежавшей в траве птице, она ещё была живая и целое, не перебитое её правое крыло, как маленькое живое весло, загребало под себя воздух. Но вскоре затихло. Левое крыло совсем не двигалось.

А где же цыплёнок? Мы начали смотреть вокруг коршуна.

И вдруг из-под большой хищной птицы, похожей на маленький самолёт, выскочил жёлтенький комочек — это был цыплёнок — и присел рядом.

Он либо сильно напугался, либо ничего не понял. Сидел себе задумчиво и никуда не бежал.

— Свою хозяйку не узнаёшь!?— радостно проговорила женщина и взяла цыплёнка в руки.

— Тётка Клава, а может, он не твой? — смеясь, сказал Сергей Иванович, — мало ли их тут, хищников, летает.

— Мой, мой, — отвечала женщина, — этот бандит два дня назад унёс уже одного его братика, прямо со двора, как и этого. Я выскочить из избы не успела.

Когда шли к дому, она дала Насте понести цыплёнка. Мы все шагали около Насти. Цыплёнок был совсем маленьким. У него не оказалось ни одной царапинки.

Как мы ловили раков

Утром, когда все позавтракали, Сергей Иванович предложил пойти на озеро ловить раков. Мы согласились. А тут Денис с Ромкой пришли и тоже присоединились к нам.

— А как мы их будем ловить? — спросил Денис.

— Вот придём, тогда увидишь, — отвечал опытный Сергей Иванович.

— А ты ловил когда-нибудь раков? — спрашиваю я Алёшку.

— Нет.

— Ты сюда раньше не приезжал?

— Всего один раз, давно было. Дед Андрей летал на самолётах — некогда было, а папа почти всегда на работе. А если дома, то сидит около компьютера. Мы с мамой зовём его компьютерный ворон. Он эту, как её, диссертацию пишет.

— Всё с вами понятно, — покачал я головой.

Когда мы пришли к озеру Лопушному, Сергей Иванович срезал в тальнике четыре короткие, чуть больше метра, удочки и привязал к каждой леску — белую нитку от обыкновенной катушки, которую он взял у бабушки Веры.

— Нате вам всем по удочке, — сказал он.

Роме он удочку делать не стал. А тот и не собирался рыбачить. Он уже возился в мокром песке, сооружал башню-крепость.

Себе я сделал удочку сам.

Настя тоже взяла удочку и теперь стояла, наматывая нитку на палец.

— А где же крючки? — удивился Денис.

— А они нам не нужны, — поучал Сергей Иванович, — смотрите, что надо делать!

Он снял брюки и вошёл в воду. Чуть потоптавшись, нагнулся и достал сразу несколько ракушек. Ракушки были все в тине, но, когда он их ополоснул хорошенько в воде и протёр рукой, они засверкали на солнце красивыми узорами.

Затем Сергей Иванович раскрыл ракушки большим ножом и извлёк мясо. Ловко привязав мясо ракушки на конец лески каждой из удочек, он воткнул снасть прямо в воду в метре от берега.

— Всё, рыбалка началась! — весело объявил он.

— Началась? — удивился Алёшка, — так просто? А как же он попадётся, рак, если крючка нет?

— А зачем крючки?

Рак клешнями захватывает мясо. Как только увидишь, что нитка натянулась, тащи её потихоньку наверх, перебирая обеими руками. А увидишь в воде на ниточке сидящего рака с мясом в клешнях — хватай его снизу правой рукой — он твой!

— Такая разве бывает рыбалка? — засомневался Денис.

— Смотри, у тебя уже сидит, вынимай, давай!

— Давайте в первый раз хватайте вы, — попросил Денис, а я потом уж...

Сергей Иванович подошёл к удочке и стал потихоньку вытаскивать леску.

— Хоп! — сказал он весело и выбросил большого рака на берег.

Рак плюхнулся на спину в траву и захлопал тугим хвостом. Потом перевернулся и тихо пополз к воде.

— В ведро его! — скомандовал Сергей Иванович.

— А как? — спросил Денис.

— Возьми сзади, со стороны хвоста за панцирь пальцами — и все дела...

Денис подкрался к раку сзади, но потом замер: рак будто догадался, что его схватят сейчас, он начал поднимать свои клешни попеременно вверх. Они у него были похожи на ножницы.

Денис оказался парень не промах. Один миг — и рак в его руке. Теперь он в воздухе продолжал шевелить клешнями, но было уже не так страшно.

Когда натянулась леска у Алёшки, он начал подкрадываться к удочке.

— Да иди спокойно, только не шуми и всё, — подсказывал Сергей Иванович.

— Сидит! — радостно зашептал Алёшка, — такой здоровенный!

— В воде они все большие, — отозвался Сергей Иванович.

— Эх, — удручённо произнёс Алёшка, — рак, как пуля: сорвался и задом в глубину — я моргнуть не успел.

— И всё же проморгал рака, — засмеялся Денис.

— А ты-то совсем ещё не пробовал даже, — отозвался Алёшка.

Скоро лески натянулись на всех удочках. Надо было действовать.

Алёшка и Денис поймали каждый по раку, а Сергею Ивановичу повезло — на одну приманку вцепились два рака и оба оказались в ведре.

Настя попросила, чтобы на её удочку ловил я, что и было сделано.

Её удочка оказалась уловистой.

Когда ведро больше чем наполовину запомнилось раками, Алёшка предложил:

— А давайте их здесь и сварим!

Мы все согласились, похвалив Алёшку за предложение.

Я пошёл искать рогульки для костра, Алёшка, Настя и дед Сергей — собирать дрова.

Когда уже развели костёр, Сергей Иванович начал смеяться. Он подошёл к ведру, в котором шуршали, словно переговариваясь раки, и поднял его в руке перед собой:

— Ребята, у нас же ведро полиэтиленовое, оно расплавится. Промахнулись мы малость. Не получится. Да и соли у нас нет. Алёшка, сбегай за ведром и солью!

Алёшке предложил свой вариант:

— А давайте пойдём домой, в огороде около колодца возьмём железное ведро и сварим раков, соли возьмём дома. В огороде хорошо будет, там скамеечки, — добавил он для убедительности.

Мы снова согласились с Алёшкой и пошагали домой. Ведро с добычей нёс Алёшка, а Настя ему помогала.

Раков в огороде мы сварили удачно, а вот дальше у нас было происшествие.

Не сразу, но потихоньку все научились есть раков. Даже Настя самостоятельно старалась очистить самый лакомый кусочек рака — хвостик, который почему-то называется шейкой.

Так всем было вкусно!

Когда все раки уже кончились и мы посматривали на зелёный старенький чайник, который не торопился закипать, Денис произнёс:

— Смотрите, что у меня на животе, чешется так!

Он задрал на животе свою сиреневую майку и все увидели красноватые пятна на коже и сыпь.

— У тебя и на лбу пупырышки красные, как ветрянка, — удивилась Настя.

Когда уже разливали чай, у Дениса, кроме сыпи на животе и пятен появились три волдыря. И мы не на шутку забеспокоились.

— Ты по крапиве бегал? — спросил Сергей Иванович.

— Нет, кажется, не бегал, — ответил спокойно Денис.

— Тогда вот что, — сказал Сергей Иванович, — быстро идём к твоему деду, заберём его и сгоняем в районную детскую больницу. Мало ли что? Только бы мой дружок Николай с машиной дома был.

— А деда его зачем забирать, у него же нет волдырей? — удивилась Настя.

Сергей Иванович и Денис ушли, а мы остались в огороде.

Когда Сергей Иванович вернулся, он пояснил, что у Дениса оказалась аллергия на раков. Такая реакция организма. Денис никогда не ел раков, поэтому никто не знал, что ему нельзя.

Врач дал Денису таблетки, сейчас он сидит дома.

...Утром Денис пришёл к Чураевым. У него не было даже следов от вчерашнего происшествия. И выглядел Денис не пострадавшим, а даже наоборот, каким-то особенным.

Он важно заявил:

— Доктор сказал, что я держался молодцом и, когда вырасту, этой болезни у меня не будет. Надо расти скорее, вот и всё!

Настина обида

Вчера вечером бабушка Вера и Алёшка о чём-то вдвоём на лавочке у дома тихо разговаривали.

Настя это видела и ей стало завидно.

Сегодня утром бабушка Вера рассказывала, как они когда-то с Алёшкой ели малину в саду у колодца, а в это время прибежал радостный сын её Саша и объявил, что родилась Настя.

— Было жарко, жарко-начало июля уже...

— А Алёшке сколько лет тогда было? — нетерпеливо спрашивает Настя.

— Три годика было, мы с ним везде уже ходили вместе. Хоть куда: в магазин ли, на речку...

На лице Насти — обида. Она даже всхлипнула и стала смотреть перед собой, не поднимая головы.

— Внученька, что с тобой? — спрашивает ласково бабушка Вера.

— Что, что? — медленно говорит Настя.

Она поднимает голову и глаза её, очень грустные и большие, смотрят на бабушку. Из них, кажется, вот-вот польются слёзы.

— Когда меня ещё даже не было, вы все Алёшку уже три года любили, — сказала так и мизинчиком левой руки стала тереть глаз у носа.

Но слезинка не успела выскочить.

Бабушка Вера погладила шершавой ладонью Настенькин лоб и успокоила:

— Вот придумщица. Я вас одинаково люблю обоих. Не бери в голову.

Глаза у Настеньки становятся после таких слов бабушки ещё больше и красивее, а веснушки на щеках — весёлыми. Она смотрит на бабушку и ничего не говорит: всё и так понятно.

Сон под утро

— Почему в Москве у нас метро есть, а в деревне нет? — спрашивает Алёшка.

— На десять дворов метро? — бабе Вере сделалось смешно и она сказала сквозь смех:

— Сядешь в метро и выскочишь из деревни — не успеет вагон остановиться — деревня уже кончилась!

— Не-е-е, — возражает Алёшка, — между деревнями метро надо бы. То грязь, то пыль, а так — чик и готово! Все сухонькие.

— Метро делают там, где людям тесно, не разойтись — вот они и лезут под землю. Не от хорошей жизни это. Без свежего воздуха живут, бедняги, — убеждённо говорит бабушка Вера, — а у нас ходи и дыши, сколько надо!

— Ни одного дома нет у нас двухэтажного, а в городе дома огромные и многоэтажные. Они лезут все вверх, — продолжал Алёшка.

— Оттого и лезут вверх, что воздуха и места мало.

— А зачем тогда они, если воздуха мало, как муравьи, которых мы нашли, лезут в одну кучу, раз столько места много везде.

Алёшка показал на выгон перед домом, на широкий просторный Ильмень за рекой, уходящей далеко-далеко к горизонту.

— А шут их знает, — ответила бабушка Вера, — некогда им думать. Суетятся в делах. Вот ты приехал, перестал суетиться — огляделся, подумал и удивился: почему так? А они — нет.

— Они не удивлённые ещё, — подытожил Алёшка услышанное. И покачал по-взрослому головой. И не понятно было: соглашается он с бабушкой Верой или сомневается...

— Вон почему дядя Саша уезжает, — шутливо кивнула в мою сторону Вера Михайловна, — спроси его.

— Да, правда, дядя Саша, не надо уезжать, — проговорил Алёшка и тронул меня за руку, — тут интересно же. Каждый день что-нибудь новое. Мы так подружились отлично с Вами!

Мой отпуск, к сожалению, кончался и я не мог больше оста-

ваться, поэтому только потрепал Алёшкин белокурый чуб и ничего не ответил.

А вечером в мой подвальчик пришли Алёшка и Настя.

— В саду у бабушки Веры так много сейчас спелой малины, зачем уезжать, — говорила Настя, — и уже огурчики первые, пупляточки в тепличке есть! Бабушка сказала: «Золотая пора идёт, скоро будут помидоры спелые».

...Мне не хотелось уезжать. И, когда ребята ушли, я долго не мог успокоиться. И не работалось мне в ту ночь над рукописью, и заснуть не мог.

Взрослые заботы тянули меня в большой шумный город, а душе моей не хотелось отлепляться от тихой деревушки у реки Ветлянки. От моих старых и новых знакомых, вернувших меня на целый месяц в самое дорогое, что было у меня в жизни — в моё деревенское детство.

Уже засыпая, как маленький, загадал я: если знакомый соловей за палисадником в черёмухе запоёт и возьмёт голосом не менее семи коленец, то мне суждено приехать на следующее лето к Чураевым. И ничто меня не остановит. А если не возьмёт — видимо, не судьба.

Моя знакомая птаха не подвела меня. Соловей выдал семь коленец кряду.

Но я-то знал: он способен на большее. Соловей малость помолчал и рассыпал в листву фарфоровые колокольца словно в память о недавно ещё красовавшихся в ложбинке ландышах. Это восьмое колено было самое красивое!

...Когда заснул, приснилось, будто иду я росным утром по просёлочной песчаной дороге.

Солнце едва начало золотить верхушки больших деревьев.

Иду я давно. Издалека, к Чураеву дому. И стоит окрест такая тишина, будто нагнулся я над тихим и чистым незащищённым родничком и не решаюсь тронуть его губами...

...А навстречу мне идёт Настя. И так она похожа, оказывается, на девочку из моего детства! Только звали ту девочку по-другому.

Девочка из моего детства, став взрослой, уехала далеко в большой город, и больше никогда мы не виделись.

Она, наверное, меня забыла давно.

А я, после того, как познакомился с Настей, часто вспоминаю её...

2003 г.

Однажды в зимние каникулы

Настины тайны

Я приехал к Чураевым в деревню в конце декабря. Мы не виделись целых полтора года. Самая младшая из Чураевых — внучка Настя — сильно подросла. Теперь ей почти семь лет.

Она такая же непоседа, какой была раньше. Когда появляется в горнице у Чураевых, светлые её косички так и порхают перед глазами. Как птички в летнюю пору!

И комната тогда становится другой. Освещенная Настиными лучистыми глазами, как летняя поляна с душистым разнотравьем, радует она душу. И будто нет за окошком зимних холодов. И бесприютно-печальные дни декабря уже не кажутся тусклыми и серыми. Всё больше чувствуешь желанное обилие света. Вот грянет настоящий снегопад и словно в хрустальной ландышевой свежести ядрёными листьями капусты захрустит под ногами снег...

— И смех, и грех, — говорит бабушка Насти — Вера Михайловна, — теперь-то страсти улеглись. А когда в прошлый раз летом все разъехались, Настя горевала сильно. Всё письма писала, чаще Алёшке.

Засмеялась весело и добавила:

— Не справлялась с буквами. Начинала, например, писать слово, а в нём буква «о». И доходило у неё до слёз.

— Почему? — спрашиваю.

— Она никак не могла начало и конец буквы соединить в круг. Он у неё получался всё больше и больше. Рукой вела по бумаге и выезжала с листка. Беда! А помогать писать не давала. Говорит: секрет. Читать написанное не позволяла. Слово с меня взяла, что не буду подглядывать. Какие уж у неё секреты с вами со всеми, не знаю? Она и вам писала?

— Да.

— И что там, в её каракулях?

— Я храню эти письма отдельно, как очень дорогие.

— Беда с вами, — покачала головой Вера Михайловна, — и этот молчит! Кругом тайны.

Говорит и улыбается Настиной улыбкой. И я невольно улыбаюсь.

Кто приносит зиму?

Нынешний декабрь — особенный. Снега совсем мало. Жёсткие струйки позёмки, извиваясь, ползут за окнами чураевского дома.

Берёзки, которые сбились в кучку совсем недалеко на высоком берегу речки, кажется, не выдержат напора ненастья. Сломаются и их не станет. Или сбегут вниз по обрыву в реке туда, где слабее ветер. Там стоят деревья более сильные, привыкшие переносить жёсткое наступление зимы. С ними заодно легче.

Три клёна над избой нависли могучими великанами. В такие дни своими оголёнными ветвями они не укрывают, как летом, двор. Наоборот, стараются пропустить как можно больше тёплых солнечных лучей.

Но откуда теплу взяться? Солнце в полдень поднялось багровым холодным кругом в серо-голубом воздухе над горизонтом, да так и повисло, скучая. Себе не нравится.

Декабрь — месяц-студень. Куда деваться, будет ещё холоднее. Выпадет много снега — в нём спасенье живому. А пока всё вокруг насторожилось, затаилось. И зверь, и птица, и деревья. Перезимовать надо!

Мы с Настей стоим в комнате у окна. Нам тепло. Цветки крепенькой герани заглядывают за окно в лютую стужу. Лепестки тихо колышутся.

— Переговариваются между собой, — шепчет Настя, — удивляются зиме, как и мы?

Оконное стекло всё в сказочных узорах. Причудливые хризантемы, папоротники, пальмы нарисовал на стекле декабрь.

К Новому году Дед Мороз начал готовиться основательно. Он не только заузорил стёкла. И сосульки развесил, как гирлянды, во дворе на кленовых ветках!

Неустойчивая промозглая погода скоро пройдёт.

— Задача у декабря, — говорю Насте, — дать разбег зиме, поставить её на ноги. Впереди солнцеворот — настоящее начало зимы. Тогда солнце начнёт по небосводу тянуться выше и выше.

— Все сейчас боятся зимы, — отзывается Настя. — Вот герань! Откуда она взялась, если на морозе ей жить нельзя? А улететь, как птичка, на юг она не может... Её бабушка Вера спасла, внесла в дом.

— Родина герани, кажется, в Африке, — отвечаю я.

— Семечко, как птичка, прилетело к нам из Африки? Или принесли птицы? — спрашивает Настя.

— Скорее всего, человек привёз росток. Посадил. Он не пропал — выросло растение.

— Да... — призадумалась Настя. Чудно как! Человек специально ездил в Африку?

— Не знаю.

— И ещё непонятно мне, — говорит она, — кто нам вообще зиму приносит? За ней же никто не ездил. Если лето приносят жаворонки, то, наверное, зиму — пингвины. Но они у нас не живут... Ветер приносит тогда?

Не дожидаясь ответа, рассуждает дальше:

— Вот принёс ветер морозную снежинку. Она не пропала. Взяла и выросла! Нахолодила вокруг себя целые сугробы. Лёд получился. Потом — целая зима вышла. Зима уходит, а лето приходит — они договорились так?

Вера Михайловна громко из кухни, второй раз уже, зовёт нас обедать. Некогда беседовать, потому отвечаю Насте:

— Давай, когда приедет Алёшка из Москвы, попросим твоего дедушку Сергея Ивановича провести урок на эту тему. Как это делали летом. Алёшке тоже будет интересно знать, откуда берётся зима. Хорошо?

— Хорошо, — как эхо, отзывается Настя, — скорее бы все приехали. И Денис с Ромкой из Самары. Все-все наши!

Письмо от Алёшки

К Чураевым, кроме моих писем, приходили и другие послания. Четыре — от Алёшки, одно — от Дениса из Самары. Настя хранит их в особой шкатулке в доме деда. Сегодня пришло ещё одно письмо от Алёшки. Его принесла Настина мама Любовь Васильевна.

Настя пришла из школы прямо к бабушке. Они втроём сидят

Народная библиотека Самарской губернии

за столом, я — на диванчике. Настя читает письмо:

«Дорогая Настя! Я очень соскучился. Одному без самых близких друзей грустно.

В Москве сейчас всё нормально. Были выборы эти. Сейчас мама с папой говорят про них. Мне не интересно. Папа говорит, что я не городской человек. У меня в голове лес да путешествия. Это не совсем так. В Москве есть очень красивые места. Например, Третьяковская галерея. Это такой музей, в который один человек Третьяков, представляешь, накупил на свои деньги для всех нас много картин. И подарил сразу всем!

Рядом с нашим домом есть посёлок художников «Сокол». Там много деревьев, детская площадка, качели. А чуть дальше — большое озеро, рядом в лесу — родники. Мы с папой набираем и пьём родниковую воду.

В этом посёлке жили знаменитые художники. Есть даже улицы Репина, Поленова.

В Москве жить тоже можно. Только газа много. Кругом машины. Мне вспомнилась наша корова Жданка. Представляешь, если бы вместо машин было столько коров: Жданок, Зинок, Дочек, Красулей всяких... Сколько было бы молока!

Моё здоровье нормальное. Скоро мне купят мини-компьютер.

Напиши, как у тебя дела? Как дедушка Сергей и бабушка Вера живут? Как там козочка Мариша? Выросла за это время или нет? А у Жданки последний рог целый?».

У Насти затекла нога, на которой она сидела, поджав её под себя. Она встала со стула, пододвинула его чуть ближе к окошку. Уселась, опустив обе неспокойные ноги под стол. И продолжала читать про Алёшкину жизнь:

«Мы вчера с папой играли в шахматы, — писал Алёшка. — Ну, да, конечно, папа выиграл. Но я сражался стойко. Напоследок папа предложил ничью. Я не взял такое предложение. Бился до конца! Потом проиграл.

Приеду, будем с тобой в шахматы резаться.

Настя, по-моему, я уже закончил письмо.

Пока, до свидания!

Вот ещё! Моя мама говорит, что интересно, кто будет у Чураевых быстрее, мы или это письмо? Как только начнутся каникулы, через неделю с дедом поедем к вам. Наперегонки с письмом».

— Пока они на поезде будут мчаться к нам, мне надо, чтобы

деда научил меня играть в шахматы, — забеспокоилась Настя. — Я не умею.

— Когда ж ему учить тебя, — говорит Вера Михайловна, — он торопится до приезда побольше дел переделать. Потом некогда будет.

— Попробуем научить, — говорю я. — Но времени мало.

— А вы умеете? — обрадовалась Настя.

— Да.

— Ой, как хорошо! А то я совсем не держала вас в голове. В ней Алёшка за всех.

Куда уходит лето?

Вера Михайловна успела протопить с утра печку берёзовыми дровами. На кухне теперь тепло. А за окном в чистом поле разошлась пурга. Оголённые ветви клёнов на фоне свинцового неба кажутся чужими и неприветливыми.

Настя смотрит в окошко и вздыхает:

— Бабушка Вера, а где всё-таки зимует лето?

Вера Михайловна строго посмотрела на неё и спросила:

— Ты опять что-нибудь надумала?

— Ничего я не надумала, — отвечает Настя. — Просто так спрашиваю.

— Смотри у меня! Не натвори опять. Месяц декабрь не сродни августу. Замёрзнешь...

Я вопросительно посмотрел на Настину бабушку. И она рассказала о летнем происшествии.

Оказывается, однажды после нашего отъезда Настя ушла за порхающей бабочкой в лес. Её нашли на поляне за километр от дома в цветущем разнотравье, среди пчёл и бабочек.

— Ей скучно было без вас, она и подалась в лес, — закончила Вера Михайловна свой рассказ.

— Бабочка за летом гналась, а я — за бабочкой. Вот и вышло так, — деловито пояснила Настя.

— Вышло так, — уточняет Вера Михайловна, — что искали мы её всей улицей.

— Мне так хочется, чтобы лето вернулось... — не унимается Настя. — Ландышей насобирать бы. Чтобы только от них прохладно было. Не от снега.

Пельмени с мороза

Гости приехали в субботу из райцентра в одном автобусе. Так получилось на радость всем. Морозное утро стало от весёлых глаз ещё искристее. Глядя на розовощёких и подросших Алёшку и Дениса, Вера Михайловна приговаривала:

— Крепенькие-то какие! Словно пельмешки с мороза. Надо же, подросли как! Дайте я вас расцелую.

— Ага, — веселится Настя, — а если бы приехали летом, то были бы варениками с вишней, да?

Всем было и так весело, а тут ещё такие Настины слова!

В полдень Чураевы пригласили всех на пельмени. Не зря Вера Михайловна говорила про них.

После обеда вместо того, чтобы угомониться и отдохнуть немного, Денис вспомнил о зарубках на дверном косяке. Их делал в последний раз Сергей Иванович. Пошли делать замеры и проверять, кто на сколько подрос. Сергей Иванович ставил каждого под жёлтую пластмассовую линейку. Её он держал строго горизонтально, ткнув одним концом в косяк. Шариковой авторучкой делал жирную отметину. Таких отметин с цифрами, датами и именами от прошлых замеров там уже было с десяток.

Насте не терпелось узнать, кто больше всех вырос. Она торопила деда. А он, скосив глаза поверх новых очков, поглядел на неё строго и сказал:

— Погоди немножко. Пока я с ними вожусь, ты за это время ещё подрастёшь!

Настя на время успокоилась. Но потом недовольно посмотрела на Дениса и проговорила:

— Нечестно так, Денис в толстых шерстяных носках. А я почти в никаких, тонюсеньких. Он хитрый.

Когда Сергей Иванович всё посчитал, оказалось, что больше всех вырос Денис. Аж на семь сантиметров, Алёша — на пять, а Настя — на четыре.

— Жаль, Ромка не приехал, может, он чемпион по росту, — улыбаясь, сказал Сергей Иванович.

Настю нисколько даже не расстроили такие результаты. У неё в голове было уже другое:

— Деда, ты летом учителем был у нас. Уроки вёл. А теперь будешь?

— Больно времени мало. Неделя до Нового года и неделя — после. Но, если хотите, давайте завтра первый урок проведём о зиме. Интересно, кто больше знает о ней. Согласны?

Никто не возражал. А у Насти новое предложение:

— Я вам не сказала главную новость, — она поочерёдно посмотрела на Алёшку и Дениса, — я про козу Маришу говорю. После того, как она проглотила поролон и заболела, все думали, что не вырастет. А она стала большой красавицей! Пойдёмте её смотреть! Не коза, а козище какое-то! Посмотрим! И с горки покатаемся! Её дядя Саша сделал. У меня не получается кататься. Я на половинке горы вылетаю из санок. Потом ищу их.

Денису и Алёше стало смешно от её слов. Они стали толкаться. С охватившей их весёлостью места в доме стало не хватать. Мы вышли во двор, в морозный ясный день. И направились к речке, которая, залубенев от холода, стала казаться намного меньше.

Неразлучницы

— В конце огорода стояли две красивые берёзы. Где они? — спохватился вечером Алёшка.

И я заметил, что чего-то не хватает, но не догадался. Алёшка опередил.

— У одной на белой коре было пятнышко такое особенное, как глаз, — говорит он, — мне всегда казалось, что она на меня смотрит, когда бабушка за луком посылала. Берёзе было интересно, что делаю на грядках.

— А я уж отпечалилась о них, — вздыхает Настя, по-взрослому подперев кулачком подбородок. — Теперь почти забыла.

— Деда, расскажи, что с ними? — просит Алёшка.

И Сергей Иванович рассказал.

Прошлым летом застала его на реке непогода. Заметив, как быстро с севера надвигаются тучи, он собрал рыбацкие снасти и поплыл к берегу.

— Дождика большого не случилось — ураган прошёл сильный, — говорит Сергей Иванович. — Я не видел, чтобы ломало деревья. А тут, утром пошёл в огород: лежит берёзка на земле, одна. Вывернуло её с корнем. Метрах в пяти от неё такая же берёзка — целёхонькая. И ветельник кругом целёхонький. Будто ей одной только и судьба такая. С неделю я её не трогал. Рука не

поднималась. Так она и лежала поперёк огорода. Зелёная и нарядная. Будто споткнулась девица. Сейчас подымется, подберет сарафан...

Вера Михайловна, увидев, какие грустные стали лица Насти и Алёшки, проронила:

— У каждого своя судьба, что ж теперь?.. Сам говоришь...

Я слушаю, не решаясь вставить слово. Такой разговор...

— И куда она делась? — спрашивает Алёша.

— Сучки обрубил и отнёс за сарай, где оглобельник. В углу теперь стоит. Без дела.

— А вторая?

— Около неё.

— А почему и вторая там? Как получилось? — растерянно спрашивает Алёша.

— Сам не знаю, что произошло! Никогда такого не видел. И не слыхал, чтоб случалось... Такая же стройная. Около семи метров высотой, вся обычно в золотистых серёжках... А тут, смотрю, когда её сестренки-подружки не стало, пожелтела в один день. Стоит, будто старушка. Я сам заболел, глядя на такое. Не трогал её. Думал, обойдётся. Может, она осень рано почувствовала и пожухла. Простояла зиму. На эту весну не зазеленела. Потемнела вся. Как и её сестричку, убрал в оглобельник. Неразлучницы...

— На них сороки любили сидеть и наблюдать, чтоб вовремя застрекотать своим всем, — шмыгнув носом, глухо сказал Алёша.

— А один раз я видела, птичка чечевица сидела, — говорит Настя.

— Может, скворец? — спросил я.

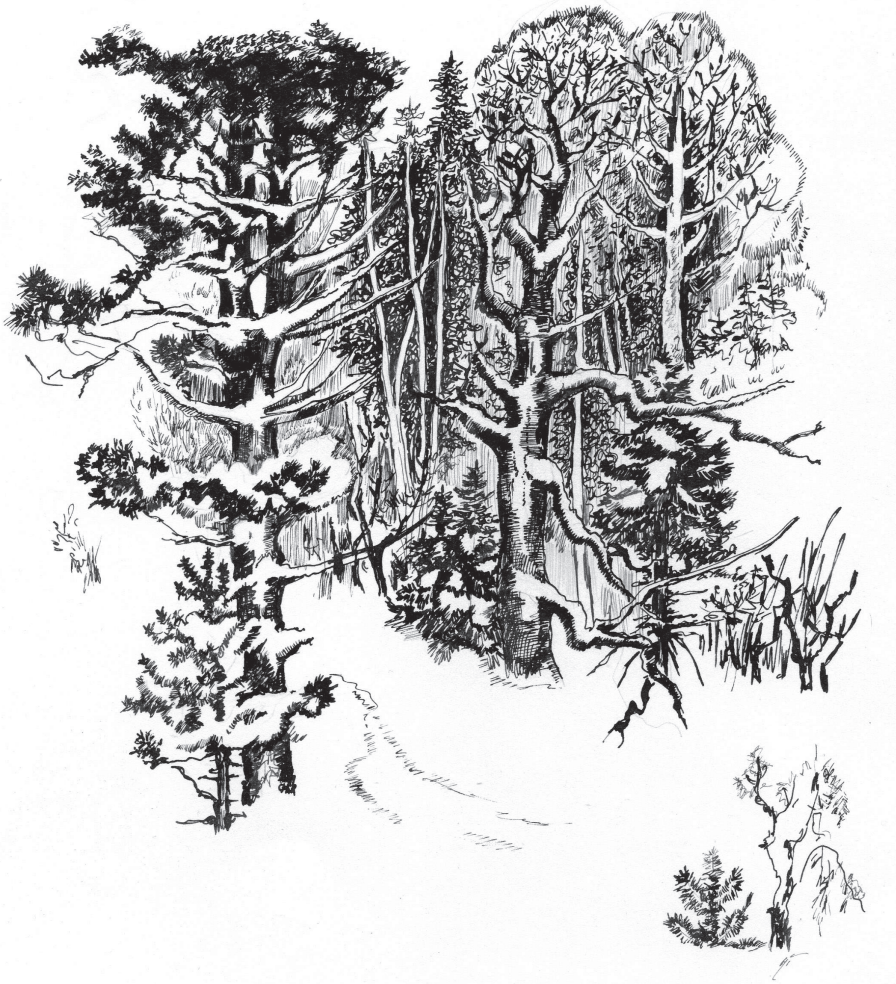
— Нет, это была чечевичка, — уверенно ответила Настя. — Вы же мне говорили, какая она. Как скворец, но головка и грудь красные-красные, остальное бурое.

— Это чечевица, — согласился Сергей Иванович, — Витю искала? Пела?

— Витю-тю видел? Витю-тю? — подхватила Настя.

Она, повеселев, взглянула на меня. Вспомнила нашу встречу с чечевицей в лесу летом. По этой песенке её ни с кем не спутаешь!

Алёшка сидит хмурый. У него, видно, свои воспоминания.



Зимние дары

Эту лощину с суховерхими осокорями в зимнем лесу я обнаружил ещё до приезда ребят. Осенние вёшенки — вот что я увидел на осокорях. Зимние грибы! Редкое дерево стояло здесь без неожиданных волнующих подарков.

Я рассказал о них ребятам. Денис и Алёшка загорелись. Стали просить показать грибное место. Особенно настойчив Денис. Кажется, он из тех людей, которым постоянно необходимы приключения.

Что же! Охота пуще неволи!

Мне самому не терпелось поделиться с ребятами чудом. Вёшенки в таком количестве сам впервые видел.

Мы решили идти на лыжах. Так легче в лесу. Известно, каким у нас в Среднем Поволжье бывает иногда декабрь. То колючая изморозь, то липкий снег идёт. Продувной ветер тоже не лучший попутчик в таких походах.

Нам повезло. Выдался безветренный с лёгким морозцем день. Будто специально для нас приготовленный. Мы отправились на грибную охоту втроём. Настю уговорили остаться дома.

Что может быть красивее зимнего леса, покрытого свежим снегом и инеем! И пускай он не светит летним теплом. Не звенит от птичьих голосов, как летом. Но сколько в нем прелести! И как хороша лыжная прогулка!

После меня в лощине, похоже, никто не был. Я намеренно не торопился показывать грибы. Когда мы спустились в середину лощины, я попросил посмотреть вверх на деревья. Оба моих усердных спутника были поражены:

— Их так много! Грибное нашествие! Неужели они съедобные? — восторгается Денис.

Грибы нависали, как толстые козырьки кепок. По нескольку штук на каждом дереве.

Мы сняли лыжи. Достали припасённые ножи и стали резать чудо-грибы.

— Они не могут быть червивыми, верно, — весело кричит Денис, — зима же?

Высунув кончик языка от усердия, он отделяет жестковатую нарость от дерева.

— Червяки все разбежались от мороза, — не унимается он.

— А как такие грибы варить? — интересуется обстоятельный Алёшка.

— Очень просто, — отвечаю, — часа два надо покипятить, потом покрошить их на сковородку. Нарезать туда лучку, добавить подсолнечного масла и — на огонь!

— Получится блюдо под названием «Зимняя радость», — кричит Алёшка, забравшись на дерево. Он срезает грибы и оттуда сверху бросает их в раскрытый рюкзак.

Скоро рюкзак становится полным. А грибов на деревьях будто не убавилось.

Не спеша тронулись в обратный путь. Рюкзак несли по оче-

реди. Дорогой мы изрядно устали. Когда вышли к дому, на ребят напала весёлость.

— Надо такие осокори посадить около дома, — начал фантазировать Денис. — Чтобы прямо с веранды резать грибы. Никуда не ходить.

— И посадить прямо над погребом, — добавляет Алёша. — Открыл крышку у погреба, залез на дерево и срезай грибы. Они сами летят прямо в погреб. Только банки успевай подставлять.

Во дворе нас встретили Сергей Иванович и Андрей Иванович. Мы ушли за грибами без них. Они были по своим делам в райцентре.

— Что это у тебя в рюкзаке такое тяжёлое? — спросил Андрей Иванович внука.

— Грибы, — с готовностью ответил Алёша, — зимние!

— У нас в погребе и маслята, и опята, и валуи. Солёные. Готовые! — сказал Сергей Иванович. — Если хотите, достану. Пальчики оближете. Чудо!

— Там в погребе — грибы обыкновенные, — ответил солидно Алёша, — а здесь у нас — дары зимы! Правда, дядя Саша?

— Да, — соглашаюсь я, глядя на довольного Алёшу.

А он, снимая рюкзак с плеч, поскользнулся на лыжах и упал под тяжестью грибов. Лёжа на рюкзаке, произнёс звонко:

— Жадность подвела. Много набрали.

Мы поспешили ему на помощь.

Настин подарок

Я подарил каждому из ребят по новой моей книжке «Под старыми клёнами». Написал в ней про наши летние каникулы у Чураевых. Книжка получилась красочной. Отдельные рассказы были напечатаны в газетах ещё до выхода книги. Ребята, прочитав, начали рисовать к ним картинки. Присылали их мне. Набралось более пятидесяти рисунков. Я передал их в издательство. Осенью книжка вышла.

Всем у Чураевых понравились яркие ромашки на обложке книжки. Может, оттого, что теперь зима. Говорили, что корова Жданка и телёночек Ветерок в книжке, как живые. А козочка Мариша и Настя в красном платье всех рассмешили.

— И я хочу написать такую книжку, — загорелась Настя, — но не знаю, как!

— А просто, — подсказала Вера Михайловна, — пиши всем, кого любишь, письма, а потом собери их вместе — вот тебе и книга.

Она не выдержала, рассмеялась:

— Букву «о» ты, слава Богу, писать научилась.

Настя не обиделась на последние слова про букву «о». Ей не до этого.

— А можно так? — она посмотрела вопросительно на меня.

— Конечно, — согласился я.

— Тогда я буду писать всем: козе Марише, Арише, корове Жданке! И... вам, конечно... Я всех люблю.

Через год получится подарок.

— Денис будет отвечать за поросенка Борьку в письмах, а я — за Маришу, и картинки будем рисовать за них и за себя, — сказал весело Алёшка.

Насте показалось, что над ней шутят, и она было нахмурилась. Но все приветливо улыбались и кивали головами.

Она радостно объявила:

— Тогда я буду думать, как назвать мою книжку. Надо что-то особенное.

Сибич

Вчера вечером Вера Михайловна принесла новость. Оказывается, у Пети Лобачёва живёт с осени в избе чибис. Позавтракав, мы отправились смотреть птицу.

Нас подзадоривает Настя:

— Живём и ничего не знаем, а тут такое!..

Она шагает впереди нас с Алёшкой. Мы у неё будто на верёвочке. Когда пришли, чибис был в самодельной большой клетке, которая стояла у окна на лавке. Тонконогий, в белой манишке и чёрном передничке, величиной с небольшого голубя, он вышагивал в клетке, будто журавль.

— Прямо как начальник, — говорит Петя и смеётся, довольный. — Смотрите, — шепчет он и начинает слегка дуть на чёрную тонкоклювую головку птицы. Чибис прикрывает крупные карие глазки в колечках светлых пёрышек и горделиво поворачивает головой.

— Правда, начальник, — радуется Настя, — хотя и с косичкой на затылке. А ты его как-нибудь зовёшь? — спрашивает она.

— Сибич, — произносит Петя и птаха поворачивает к нему голову.

— Я не поняла, — говорит Настя.

— Что ж тут не понимать? — поясняет, чуть важничая, Петя. — Слово «чибис» надо прочитать наоборот.

Настя немного молчит, шевеля губами. Потом радуется:

— И правда! Получается, если наоборот: сибич! Какой ты молодец, придумал!

— Это не я, — весело говорит хозяин такой необычной птицы, — мой папа так назвал.

— А почему? — не унимается Настя.

— Посмотри на птицу! Вроде красивая, а хочется назвать пигалицей. Важная такая, ходит как! А от этого только смешно. Вот и Сибич поэтому, — рассуждает Петя, — всё наоборот.

— А как ты его поймал? — интересуется Алёша.

— Подобрал на лугу в сентябре. Его сородичи уже улетели на юг. Он один жил. У него крыло было раненое. Я летом видел, как часто ястреб налетал на чибисов. Наверное, Сибич в бою пострадал. Чибисы храбрые. Сначала один, который обнаруживает врага, бросается на ястреба. А потом все вместе. Вороны всегда помогают чибисам отбиться от ястреба. Я часто наблюдал это. Под ольхой спрячусь... У чибисов много врагов: собаки, кошки, сороки. И поэтому, когда человек подойдёт близко к его гнезду, он кричит: «Чьии-вы, чьи-ви?». Хочет узнать: свои или чужие? Чего ожидать?

Сибич, будто догадываясь, что его хвалят, важно так переступил полусогнутыми красноватыми ножками. Потом прошёлся из угла в угол в клетке. С ленцой плеснул чёрными, неожиданно большими крыльями.

— Видите? — обрадованно сказал Петя. — Крыло работает, зажило. Он по комнате уже летал немного.

— А кормишь чем? — допытывается Алёша.

— Он любит жучков всяких, личинки. Но теперь зима. Я навозных и дождевых червей запас. В погребе держу в большом тазике с землёй.

— А можно, я чего-нибудь вкусненького ему буду приносить, — загорелась Настя, — например, семечки? Или сушеную рябину, у нас есть.

— У нас тоже всё это есть, — сказал Петя. Подумав, добавил: — Если хочется, приноси.

— Как хорошо! — обрадовалась Настя. — Мы с Алёшкой будем приходить, ладно?

— Ладно, — согласился Петя.

Свиристели

Мы с Алёшкой заметили Дениса, когда поднялись от реки и направились домой вдоль огородов.

— Он, кажется, с воздушкой, — сказал мой спутник, — ворон пугает. Они хитрые. Не подпустят близко.

Когда мы подошли к Денису, он стоял неподвижно около рябины. Той самой, около которой недавно мы любовались с Алёшкой необыкновенными птицами — свиристелями. Этих серодымчатых доверчивых красавиц с бурыми хохолками мы с ним обнаружили два дня назад.

Они дружной стайкой два раза прилетали к рябине. И каждый раз после шумной кормёжки рассаживались на ветвях, уже медлительные и спокойные. У птиц начинались спевки. Как у девчат в хоре или у ворот на лавочке. Нам с Алёшкой казались забавными в морозный солнечный денёк их «три-ли-ли-ли», «три-ли-ли-ли».

Сейчас певучих хохлаток на рябине не было. А Денис молча смотрел на неживую, величиной со скворца, птицу, которая лежала возле его ног. Птица и мёртвая была красивой. Малиновые пёрышки на крыльях её словно горели в снегу.

— Хотел попробовать, возьмёт воздушка или нет, — не поднимая головы, сказал Денис.

Он сам не ожидал того, что случилось.

— Ружьё есть, ума не надо, — Алёшка остановился около него, — обалдел, да? Это же безобидная свиристель!

— Ладно тебе, — вскинулся нервно Денис, — сам, умник, говорил, что ружьё не возьмёт, слабое. Завидуешь! У тебя такого нет.

— Я говорил, когда ты хотел стрелять в ворону, а тут — свиристель. Большая разница.

— Какая разница? — возбуждённо произнёс Денис. — Я даже не знал, как она называется. Такая красивая!

— К вороне подкрадываться надо. И всё равно не получится. А эти доверчивые совсем...

— Верно, — возбуждённо согласился Денис, — сели прямо перед моим носом. Не знаю сам, как на курок нажал. Сначала только прицелиться хотел...

Я смотрел на Дениса и мне вспомнилось, как всего два дня назад Денис приходил к Чураевым с подарком деда. Воздушное

ружьё всем понравилось. Все, кроме Насти, из него по очереди стреляли. То в спичечный коробок, то в бумажную мишень, которую принёс Денис. В тот день и договорились, что в птиц стрелять нельзя. Денис согласился с нами. Но потом несколько раз пытался подобраться к стайке ворон.

А вот сегодня...

Я поднял птицу.

— Что теперь с ней делать? — досадуя и переживая за Дениса, спросил я.

— Не знаю, — чуть слышно ответил стрелок. — Может, деду отнести, чучело сделает. Не пропадать же просто так?..

Я провёл пальцем по оперенью на груди птицы. Ранка от выстрела была еле заметна.

— На, — протянул свиристель Денису.

Он неловко, едва не уронив в снег, взял птицу. Мы с Алёшкой молча повернулись и направились домой.

— Алёшка! — прозвучал за спиной неуверенный голос Дениса.

Мы остановились.

— Чего тебе? — спросил коротко, по-взрослому мой спутник.

— Не говори Насте о том, что я наделал.

— Ладно, — буркнул Алёша.

Я вспомнил, что мы собирались показать свиристелей Насте. Прилетят ли теперь?

Рыбачка Настя

На рыбалке часто происходит что-нибудь необычное. Потому и интересна она. Сегодня мы ловили окуней на речке.

Хорошо! Только спустился от дома под косогор, и ты на льду. Наконец-то холод превозмог надоевшую оттепель. Воздух сухой. Не стало сырого снега. Легко и свежо дышится. Речка залубенела накрепко.

Особая прелесть быть на природе в солнечный морозный денёк! Выпавший снег отражает небесный свет, оттого все вокруг отдаёт лёгкой искромётной голубизной. В такой день и Насте не сидится дома. Как ни отговаривали её, пошла с нами.

Когда бурили лунки и готовили снасть, пришла Вера Михайловна.

— Вот, принесла палатку для Насти.

Она погрозила с напускной строгостью внучке пальцем:

— А ты, как только почувствуешь, что мёрзнешь, беги домой. Анчутка! Отогреешься — вернёшься. Поняла?

— Да, поняла! Только я не Анчутка, я — Настя...

Полиэтиленовую палатку мы установили быстро. В неё заставили забраться Алёшку и Настю. У них на двоих там одна удочка и одна лунка. Хотя ветра нет, но всё-таки около десяти градусов холода. Под плёнкой теплее.

Вскоре услышали, как Алёшка поймал небольшого окунька, и Настя стала просить у него удочку. Ей хотелось самой порыбачить. Но Алёшка не уступал удочку и они начали сердито переговариваться. Обоим не терпелось рыбачить самостоятельно.

Мы с Сергеем Ивановичем насадили на крючки маленьких красных червячков-мотылей и у нас пошёл хороший клёв. Уже вытащили больше десятка окунишек.

У Алёшки привязана на леске небольшая жёлтенькая блесна. На блесну у него не клюёт. Было слышно, что он, уступив удочку Насте, поясняет, как рыбачить, и немного нервничает.

И вдруг в палатке началась возня. Загремело ведро, на котором сидел Алёшка. Потом закричала Настя:

— У нас в лунке китёныш!

Она выскочила наружу, оступилась и упала в рыхлый снег. Сергей Иванович шагнул к палатке и, высоко приподняв её, убрал в сторону.

Алёшка маялся с рыбиной. Мы потом, вспоминая этот момент, подивились его хладнокровию. Если бы он действовал упрямо и резко, потянул леску на себя, она бы, верно, порвалась. Голова рыбы была размером почти с лунку и никак с ходу не попадала в неё.

Когда опытный Сергей Иванович всё-таки извлёк добычу и она забилась в пухлом снегу, Алёшка восторженно определил:

— Сом! Мы поймали сома! С мою руку!

В искрящемся снегу лежало ленивое существо с тёмной спиной, большой продолговатой головой и длинным светлым снизу животом.

— Чумазый какой, — отряхиваясь от снега, удивилась Настя. — Китёныш!

— Не чумазый, — поправил Сергей Иванович, — это налим. Он такой. Сейчас сом, карась, карп — в зимней спячке, их не разбудить. Зарылись в ил и недвижимы. А налима холод бодрит — он выходит на охоту. Речная хрюшка.

— Почему? — наклонившись над добычей, спросила Настя.

— Сама говоришь, что он чумазый. И питается чем попало. Лишь бы проглотить. Такого большого я ещё не ловил!

— Мировой рекорд! Да, дедуля? — воскликнула Настя.

— Не мировой, а мировецкий, — поправил по-своему Алёшка.

А Насте интересно своё:

— Деда, а киты, когда спят, зарываются в ил? Им надо целую траншею тогда копать! Они же огромные! У них трактора нет.

— Что это ты всё про китов, Настя? — не удержался я.

Настя горячо пояснила:

— Мне их так хочется увидеть! Такая моя мечта! Дельфины и киты — самые красивые животные в мире!

— А что же ты так закричала и вывалилась из палатки, когда увидела своего китёныша? — рассмеялся дед.

— Я не ожидала такой встречи!

Случай на речке

Река всегда живая. Даже в лютые морозы она иногда вырывается из ледового плена.

Чуть ниже от того места, где мы вчера поймали налима, на перекате поблескивает тонкой извилистой полоской тёмная вода. Мы знаем про эту промоину и не подходим близко. А вот Денис оплошал. Он потом рассказывал, что съехал с крутого обрыва на лыжах и не понял, как враз оказался в воде. Обнаружил его Петя и поспешил на помощь. Мы с Алёшкой увидели возню в промоине издалека, с высокого берега. Алёшка бросился к ним, а я метнулся к сараю за шестом.

Когда я подбежал, шест уже не понадобился. Денису удалось снять лыжи. И с помощью одной из них Алёшка и Петя тащили бедолагу из полыньи.

Они лежали на толстом льду, покрытом белыми шишаками. Денис полз к ним по тонкому прозрачному льду, под которым разбегались в разные стороны белые пузыри.

На глазах лёд проломился и опять Денис оказался в ледяном крошеве. Но было уже неглубоко. Он по пояс в воде пошёл нам навстречу. Мы подхватили его и, быстро взяв палки и лыжу, трусцой побежали домой. Вторая лыжа ушла под лёд.

Денис молодец, нисколько не испугался. Жалел только, что пропала лыжа. Пока мы бежали, одежда на нём стала от мороза,

как жестяная. Я слышал, как он дрожащим от холода голосом, обращаясь к Алёшке, сказал:

— Ты сильно огорчился, что я свиристель застрелил? Извини.

Алёшка промолчал.

Дома Дениса быстро раздели и бабушка стала натирать его снегом. Все вокруг него, всполошившись, хлопотали. Он молча повиновался.

Когда мы вышли на улицу и направились по своим домам, Алёшка сказал Пете:

— Передавай привет Сибичу!

— Ладно, — отозвался уныло Петя.

Деловой и шустрый Петя выглядел вялым.

— Почему такой кислый? — не удержался я. — Ты же сегодня герой. Вовремя подоспел к Денису, мы только помогали.

— Сибич болеет, — отозвался Петя.

— А что с ним?

— Не знаем. Сидит в клетке, не двигается. Ни на кого не смотрит. Я его выпускал. Даже не летает, как раньше, по комнате. Всё ему неинтересно, нерадостно. Отец говорит, что надо в еду попробовать добавлять соль, мел. Никто чибисов не держит дома, не знают, что с ним...

— Я вчера набрал в огороде ягод черноплодной рябины. Такие крупнющие! Они теперь в избе отогрелись. И тыквенных семечек начистил. Всё для него готовил, — волновался Алёшка, — надо попробовать дать, вдруг понравятся!

— Приходите, — согласился Петя.

Сибич умер

Мы с Алешей понесли Сибичу ягоды черноплодной рябины и тыквенные семечки. Интересно: будет он их клевать или нет?

Но случилась беда.

— Проснулась я рано. Прошла на кухню. Чувствую, что-то не так, — рассказывает мать Пети Анна Ивановна. — Гляжу, а он неживёхонький. Начальничек наш. А, батюшки! Первая мысль, что кошка придушила. Но клетка цела. Не может быть, чтобы кошка.

Мы подошли к клетке. Сибич сидел, будто живой, как в гнезде, подобрав под себя ноги. Головка его с чубатым затылком уткнута в самый угол клетки. Казалось, он своим клювиком сейчас найдёт то, что ему нужно там, а потом, почуяв нас, спохватится. И

как обычно это делают чибисы, сорвётся заполошно с места. Вихляя, взлетит! При чём тут клетка! Зачем она ему?

Анна Михайловна просунула черенок деревянного половника через прутики. Подтолкнула Сибича снизу. Он завалился набок. Красные его ножки, так недавно важно и потешно ступавшие по деревянному полу клетки, повисли нелепо над животом. Тонкий клюв, застряв в проволочках, потянул за собой головку на белой шейке. Шейка неловко вытянулась. Ярко-палевое подхвостье и отороченный чёрной полосою белоснежный хвост — всё было и теперь франтовато. Не верилось, что Сибич неживой.

Ведь он родился, чтобы в луговом раздолье в июле, когда подрастут бойкие чибисята, вместе с ними гомонить весёлыми стайками. Недалеко от своего гнездовья, делая нарядным и пёстрым всё в луговой округе. А уже в августе, сбившись в стаи покрупнее, высоко подняться в синее небо и полететь в дальние тёплые страны...

— В неволе жизнь коротка — известное дело, — вздохнула мать Пети, — отгоревал своё. С тоски, видать, и помер. Последние два дня невесёлый был. Голову под крылышко прятал.

Она хотела было положить Сибича в ведро и отнести за огород на гать. Алёша с Настей в один голос запротестовали. Петя молчал. Он не мог говорить. Лицо его было бледным. Молча, держа на коленях, гладил присмиревшего дворняжку Жульку.

* * *

Мы похоронили Сибича в палисаднике под кустом сирени. Земля была мёрзлая. Петя и Алёшка молча разгребли снег и ломом сделали небольшую ямку. Настя сбегала домой и принесла коробку из-под торта. В неё и положили Сибича.

Домой возвращались молча. Настя уже не плакала вслух. Только варежкой прикрывала глаза.

Дикушка

Какая это радость: оказаться на лыжной прогулке в зимнем лесу! Да ещё вместе с Сергеем Ивановичем, который так много знает и умеет.

На этот раз день выдался замечательный. Прибавка света и январский морозец по-своему оживили всё вокруг. Тусклые и серые дни декабря остались позади. Коренная зима потеснила глухозимье. За речкой Ветлянкой на широкой ослепительной рав-

нине под нарастающим солнечным потоком вовсю заискрились снега. И хотя вокруг стоит тишина, чувствуешь во всём потаённую жизнь. Стоит только внимательнее взглянуть.

На лесной поляне этому помогают белоснежные её страницы. Они, как протоколы. Строчки различных следов разбегаются вкривь и вкось.

Неутомимый Сергей Иванович поясняет:

— Глядите, — он показывает на т-образные знаки — четвёрки заячьих следов, — в сторону дикой яблони пошёл. Я его однажды около неё заставал. Корой питался, косой. Пойдёмте по его следу. Покажу вам красавицу дикушку. — Глубоко проваливаясь в снег, он первый прокладывает лыжню. Мы с Алёшкой следуем за ним.

А слева в лесу уже отчётливо слышна работа дятла. Где-то совсем рядом выводит свои трели синица-лазоревка. И начинает казаться, что до весны рукой подать.

По рыхлому снегу и мелким зарослям непросто спуститься в тихую низину, поросшую ветельником. Когда спустились — обомлели. Как сказать об увиденном?! Разве же словами Гоголя:

«И одним цветом белым рисует зима. Бедный цвет, но... Какая изобретательность... Эти роскошные завесы, снеговые глыбы, покрывающие от корней до верха большие и малые дерева; это множество жемчугу и брильянтов, сверкающих при свете солнца, как будто выточенных из слоновой кости, это многозначительное безмолвие и тишина, этот полумрак днём и полусвет ночью».

Много раз останавливаясь, очарованные увиденным, мы насилу пересекли низину со сказочными деревами и выбрались на край её. И тут на выходе прямо перед нами взлетели куцехвостые куропатки. Целая стайка!

Не успели мы прийти в себя, как увидели яблоню. Она стояла в сторонке от лесной чащи, из которой только что выбрались.

— Вот оно как! — обронил Сергей Иванович, — ни одного яблочка не осталось. Всё подчистую склевали.

И верно, яблоня стояла совершенно голая: ни листика, ни яблока.

— Дед! Голод не тётка! — озорно сказал Алёшка. — Всем есть хочется!

— Ты прав, конечно, — тоже весело отозвался дед, — вон, гляди! Зайчишка кору гладал.

— Тот самый, по следу которого мы на поляне шли?

— Возможно, — отозвался Сергей Иванович, — спроси!

— Кого? — удивился внук.

— Зайца, коль догонишь... Ты у нас шустрый...

— А-а-а... — отозвался Алёшка и, смеясь, нарочно упал в снег.

Ему стало весело. То ли от дедовых слов, то ли от обилия света на этой солнечной полянке, лицо его сияло. Когда встал, тронул лыжной палкой сосновую дремучую ветвь и враз обрушилась сверху снежная лавина.

— Не балуй, — сдержанно осадил его Сергей Иванович, — намокнет одежда, а до дома далеко...

Взглянув на меня, Алёшка провозглашает:

— А в январе солнце поворачивает на лето! Так дядя Саша мне сказал.

— Поворачивает, — соглашается Сергей Иванович, — да не сразу это будет. Январь — самый зимний месяц. Лютень!

Отряхиваясь от снега, Алёшка удивляется:

— Кто же такую стройную яблоню посадил здесь?

— Может, дятел, а может, снегири.

— Как так?

— А очень просто. Поедают птицы плоды, а потом семечки разносят с помётом. Где какое укоренится, там и вырастает дерево. Семена, которые заносят птицы, лучше всходят. Так птицы становятся лесоводами.

— Ничего себе, — удивляется Алёша, — никогда не знал, что такое бывает.

— А сейчас кто съел яблоки?

— Те же снегири, а может, свиристели налетели. Они стаями кочуют.

— Понесли в другие места семечки? — уточняет Алёшка.

— Выходит, так.

...Домой мы возвращались, уставшие. Этого не скрывал и Сергей Иванович. Быстро наступивший вечер подарил нам, когда мы вышли из леса, багровое солнце, готовое вот-вот исчезнуть за горизонтом. Сугробы стали отдавать синевой и сделалось намного холоднее.

...Во дворе Чураевых нас радостно встречала Настя. Снимая лыжи, Алёша тут же начал сбивчиво рассказывать ей о нашем походе и, самое главное — о яблоне.

Настя быстро сделала свои выводы:

— Значит, деда, если бы ты летом не убил коршуна, который нёс цыплёнка в когтях, он мог вырваться от него в лесу и вырасти

во взрослую курицу. А потом снести яички и получились бы дикие куры, да? Как с яблоней было бы?

— Придумщица ты, Настя! Да ещё какая! — Бабушка Вера шутя потянула Настю к себе.

Она, ойкнув, оступилась и черпанула в валенок снег. Дед тут же помог ей снять валенок. Вытряхнул сыпучий снег и скомандовал идти в дом. Настя стала возражать, но мы с Алёшкой поддержали такую команду.

Сначала она насупилась, потом спохватилась:

— А что же вы не набрали домой диких яблок? Вот здорово было бы! Как тогда грибов зимних насобирали...

— Я набрал, — посмеиваясь, ответил дед, — а баба Вера вареньев наварила. Стоят в погребе с осени.

— Какой ты, деда! — Настя, кажется, немного обиделась. — Знал про яблоню. Всё сделал и молчал? А Алёшка приехал — и сразу рассказал?!

* * *

Уже вечером я записывал в свою потёртую записную книжечку впечатления прожитого дня. И невольно отметил для себя, что какие бы события ни случались здесь со мной, всё же самые близкие сердцу из них те, которые связаны с Настенькой. Всегда интересно, что она сказала, как засмеялась...

И ничего тут не поделаешь...

И зима бывает красной

Встреча Нового года получилась у нас необычной. Сергей Иванович открыл нам свой секрет. Оказывается, осенью, после того, как мы уехали, он принёс из дальнего леса небольшую сосенку и посадил её за огородом, в низинке недалеко от берёзок.

— Не лучше ли поближе к дому? — засомневался я.

— Среди деревьев ей веселее будет, — авторитетно заявил Чураев.

Все загорелись встречать Новый год у пушистой маленькой красавицы.

— Правильно, — улыбался в усы Сергей Иванович, — зачем превращать ёлки в палки. Около живого деревца праздник веселее.

И начались наши предновогодние хлопоты. Сначала мы хотели протянуть провод и зажечь на новогодней ёлочке, так мы

стали называть нашу стройную сосенку, электрические лампочки. Алёшка запротестовал:

— Я знаю, как сделать бумажные цилиндры, внутри их поставить свечки — получатся фонарики!

— Не загорятся бумажные-то? — засомневался Сергей Иванович.

— Бумагу надо пропитать воском. Мы такие клеили в школе, — убеждал Алёшка так деловито, что становился похож на Сергея Ивановича.

Нам пришлось согласиться. И закипела работа.

Мы изготовили десять фонариков. Работали дружно: Алёшка клеил из альбомных листов небольшие бумажные цилиндрики с донышком. Мы с Настей пропитывали их воском, растапливая свечи, которые принесла нам Вера Михайловна. Потом Насте захотелось повесить на ёлку орешки, конфеты, печенье. Всё это надо было завернуть в цветную бумагу. Но зато как сосенка преобразилась!

Нам помогали приехавшие Ромка и Альберт Львович. Ромка выздоровел и выглядел сейчас молодцом. Они привезли петарды и установили их со всех четырёх сторон от сосенки.

Сергей Иванович и Андрей Иванович взялись переделывать снежную горку. Она теперь стала намного круче. Чтобы заледенела, мы полили её на ночь водой.

Маслянка, сработанная заранее, как конь, стояла во дворе под навесом. Дожидалась, когда на ней будут кататься.

На речке Ветлянке гулко ухал трескавшийся лёд. Мороз набирал силушку, а нам было нипочём. Совсем неожиданно порадовали нас в предновогодний день снегири. Первой их увидела Настя.

— Смотрите! Фонарики к нам прилетели. Сами!

Мы украсили сосенку, а они — берёзы. Степенные птицы сидели недалеко на берёзах. Под лучами солнца они выглядели празднично.

— Давно их тут не было, — удивился Сергей Иванович, — не иначе как тебе подарок.

— Это подарок для всех! — воскликнула Настя.

Она хотела было побежать к берёзкам с красными и дымчатыми фонариками на ветках, но Алёшка ухватил её за рукав:

— Куда?! Улетят твои фонарики! Давай за ними наблюдение устроим! Деда, помнишь, летом за жаворонками наблюдали. Теперь — за снегирями!

Мы стали во все глаза смотреть на важных чудо-птиц. Будто

кто-то развесил ярко-розовые и дымчато-серые роскошные бутоны. И эти бутоны были живые.

Вера Михайловна забеспокоилась:

— Вот непутёвые, без ушей останетесь! Морозище такой! Бегайте почаще в избу греться. Не хватало мне больных на Новый год!

— Они разные! И тихие такие! — продолжала удивляться Настя.

— Розовые — это самцы, а дымчатые — самочки, — негромко пояснял Сергей Иванович, — степенные. Это тебе не сорока-болтушка.

— Самчики, как матрёшки, румяные, — определила Настя.

Не успела она так сказать, как в морозном синем воздухе еле уловимо зазвучал мягкий и нежный напев. Пели и розовые, и дымчатые птахи. И стало так нежно на душе.

— Откуда они такие прилетают? — зашептал Алёшка. — И когда? Летом их не было.

— Снегири — северяне, — отвечал Андрей Иванович. — Прилетают к нам, я заметил, либо вот-вот перед самым снегом, либо с первой порошей. Кормятся рябиной, серёжками ясеня. Сейчас, гляди, перебирают берёзовые серёжки. Их вон сколько! Не пропадут, кругом сорная трава с семечками.

А у Насти своё на уме, об этом и сказала:

— Лето красное жаворонки приносят, а зиму, получается, — снегири. Они красные, значит и зима красная?!

— Ага, — откликнулась баба Вера, — красная! Как твои щёки. Я когда за свечками ходила в магазин, снегири на дороге кучкой сидели, в двух-трёх шагах. В другой раз пойдёшь со мной, налюбуешься. А сейчас: марш в избу!

До птиц было совсем недалеко. Видны были их пышное оперение, толстые коротенькие ножки. Чёрный хвост у снегирей длинный, а крылья — небольшие и тоже чёрные.

Когда птицы враз поднялись и улетели, Насте стало скучно. Денис предложил вместо птиц развесить на берёзе гирлянды с большими красными шарами. Стало повеселее.

Вечером мы дружно собрались все вместе и под огромным куполом бархатного иссиня-чёрного завораживающего неба начали зажигать наши самодельные бумажные фонарики. И тут удивил нас Альберт Львович. Он тайно нарядился Дедом Морозом и неожиданно лихо спустился к нам с самой верхотуры заледенелой горки, прямо к разнаряженной сосенке.

Настя стала у нас Снегурочкой. Дед Мороз положил большой мешок на снег и объявил начало праздника. Забавно было видеть Деда Мороза в больших валенках и красном халате, надетом поверх полушубка. Белая ватная борода у него сбивалась постоянно набок, но он успевал поправлять её рукой. Альберт Львович устроил такую викторину, что мы много смеялись. И много узнали!

Оказывается, стихи про ёлочку, которые начинаются словами «В лесу родилась ёлочка», написала школьная учительницы Раиса Кудашова ещё в 1903 году, более ста лет назад, когда нас никого не было. А агроном Леонид Бекман потом написал мелодию песни.

И ещё мы узнали, что есть самая-самая высокая ель в мире. Она растёт в горах, недалеко от иранского города Абаде. Этому дереву-гиганту будто более четырёх тысяч лет. Услышав такое, мы начали сомневаться. Но учёный дед Дениса и Ромки стал нас убеждать. Мы поверили.

Когда водили хоровод, пришёл Петя со своим неразлучным Жулькой. Петя зовёт так своего четвероногого друга за его привычку всё, что понравится, тащить к себе в конуру. Чёрным лохматым комочком мелькая на снегу, пёс начал весело и неугомонно лаять. А потом проявил свой характер: сорвал с ветки висевшую на длинной нитке пачку печенья в цветной упаковке и убежал с ней. Рассмешил нас.

В половине двенадцатого по московскому времени мы были все в доме Чураевых за праздничным столом. Взрослые ждали новогоднее поздравление Президента, а дети — пирог с яблоками. С теми самыми дикушками, которые так давно хотела попробовать Настя.

...Настя после чая с пирогами уснула на диване. Я перенёс её туда, где она обычно спит, в маленькую спальню за голландкой.

Проснулась она уже в новом году.

Звёздочка родилась

— Отец, кажется, Жданка нас вот-вот обрадует! — сказала Вера Михайловна, вернувшись со двора в избу.

— А по моим подсчётам, ей ещё дней десять ходить, — Сергей Иванович сказал так и пошёл уточнять свои заметки в записной книжке. Она лежит у него в старенькой тумбочке в спальне.

В этой книжке чего только нет! Не только все наши дни рождения записаны, но и дни рождения коровы Жданки, козы Мариши и Ариши. Я видел в ней запись о смерти его любимой собаки Цыгана.

А рядом даты рождения писателя Даниэля Дефо, написавшего о Робинзоне Крузо, и Алексея Толстого, который рассказал о детстве Никиты. Забавная записная книжка.

— Ну, вот, — говорит он, вернувшись на кухню, — сегодня только 279-й день. Ещё, наверное, недельку подождём.

— Недельку? Сходи-ка в хлев, посмотри на неё. Не прозевать бы с твоей бухгалтерией!

Сергей Иванович, не спеша надев полушубок, выходит на морозный воздух.

Алёшка продолжает вслух читать книжку про Робинзона Крузо. Мы с Настей слушаем:

«...Наступил декабрь, когда должны были взойти ячмень и рис. Возделанный мною участок был невелик...»

— Ничего себе: в декабре растут ячмень и рис? — недоумевает Настя.

— Робинзон живёт недалеко от Гвинеи, почти на экваторе. Там всегда тепло! — поясняет Алёша.

— И там никогда не бывает снега? — спрашивает Настя.

— Конечно.

— Как скучно, — заключает она, — не повезло ему.

Дверь открылась и крепко дохнуло холодом. Снимая большие рукавицы, Сергей Иванович сообщил:

— Жданка обнюхивает постель и мычит. Похоже, сегодня ночью отелится. Будет всем новогодний подарок. Хорошо год начинается! Надо дежурить теперь.

Мы дружно заявили о своей готовности нести ночную вахту.

— Да куда вам? Ложитесь спать. Мы сами с дедом управимся, — успокаивает Вера Михайловна.

* * *

Как можно спать, когда вот-вот должно случиться такое!

— Бабушка, — спрашивает внук, — вы хотели поменять Жданку на молоденькую корову? Не получилось?

— Уж больно привыкла я к ней. И деда уговорила не менять. Да и не очень Жданка старая. Ей девять лет. Вон, у Гришаевых, Зорьке двенадцатый исполнился, а она такого крепенького бычка принесла. Правда, телилась с трудом...

— Пойду посмотрю ещё. Неспокойно что-то, — сказав так, Сергей Иванович вышел.

* * *

Настя, не выдержав, уснула в полночь. И хорошо. Ибо мы с Алёшкой дочитали до того места, где на остров приплывают дикари. Робинзон приходит в ужас от того, что людоеды съели у костра своих пленников.

До двух часов ночи мы с Алёшкой ещё держались. Потом и он заснул. Я потихоньку вызволил из-под него книжку и пошел одеваться. Решил посмотреть, что творится в хлеву.

* * *

Самое главное случилось утром, когда Алёшка и Настя были уже на ногах. Вера Михайловна широко распахнула входную дверь и из сеней с новорождённым на руках в избу шагнул Сергей Иванович. Лицо его по-детски сияло. Он бережно опустил на пол около печки мокрого телёнка. Не убирая из-под него мешковину, отошёл к вешалке. Телёнок был ещё слабенький. Он даже не пытался встать на ноги.

— Как ты, мать, желала, так и случилось, тёлочка родилась, — раздеваясь, объявил хозяин.

— Вы тут посмотрите, а мне к Жданке надо, — отозвалась Вера Михайловна, — корову подоить надо. А то вымя огрубеет и Жданка не будет давать молоко.

Мы стали рассматривать тёлочку. Она была коричневая, а на боках, ногах и на лбу красовались белые отметины.

— Будто её кто сметаной облил, — подивился Алёшка.

— Звать-то как будем Жданкину дочку, а? — произнёс, убирая мешковину, Сергей Иванович.

— На лбу у неё белая звёздочка. Давайте тогда Звёздочкой и назовём, — предложила Настя.

— А ты что думаешь? — спросил дед внука.

— Я сначала подумал назвать Пестравкой, но Звёздочкой лучше!

— Так тому и быть, — согласился Сергей Иванович, — бабушке понравится.

А Звёздочке не терпелось. Она начала вставать. Ноги у неё, как на льду, разъезжались в разные стороны. Наконец ей удалось подняться. Пошатываясь, стояла и смотрела на нас. Изучала, кто мы такие.

— Мы ей тоже понравились, — определила Настя, — не убегает от нас.

Алёшке стало смешно:

— Куда ей бежать-то? Во двор, на мороз? Ноги, смотри, как спички, вот-вот поломаются.

* * *

Сергей Иванович извлёк из чулана лёгкое дверце и отгородил им от кухни закуток между стеной и печкой. Теперь эта территория принадлежала Звёздочке.

Вера Михайловна собралась доить Жданку ровно через каждые два часа.

А Звёздочку положено кормить три раза в день. Сначала тёлочка не умела сама пить молоко из посуды. Вера Михайловна начала её учить. Клала ей в рот палец и Звёздочка принималась, смешно чмокая, сосать его. Потихоньку Вера Михайловна, не убирая изо рта Звёздочки пальца, приближала его к миске с молоком. Звёздочка тянулась за пальцем.

Когда хозяйка убирала палец, тёлочка делала хватательное движение губами, чтобы поймать его и... попадала мордочкой в молоко. После таких занятий на третий день Звёздочка научилась пить молоко самостоятельно.

— Отец, помни: Жданке утром, в полдень и вечером пока только по одному ведру воды давай, не больше! А то как бы мастит не случился. Загрубеет вымя — намучимся.

— Помню, не волнуйся. Она уже хочет больше. Языком мне лицо лижет — просит. Я не поддаюсь.

— И хлебного пока не давай, только сено...

— Ладно, ладно...

— А ты, Алёшка, — важно говорит Настя, становясь похожей на свою бабушку, — не разбрасывай, как в летние каникулы, свои майки. Звёздочка может сжевать их и умереть. Или плохо будет расти, как козочка Мариша.

У Насти свой опыт. Она помнит, как летом телёнок Ветерок зажевал Алёшкину майку. Еле отобрали. А козочка Мариша проглотила поролон.

Алёшка хотел что-то сказать в ответ Насте, недовольно глянув на неё, но не решился. Наверное, побоялся помешать ей. Настя несла для Звёздочки миску с молоком и та, смешно чмокая большими губами, от нетерпения стукалась головой в загородку.

Необычный урок

Хорошо на уроки Сергея Ивановича собираться летом под развесистыми клёнами во дворе. А зимой — отлично в доме. В горнице и светло, и натоплено. Дождавшись, когда все рассядутся, Сергей Иванович начал свой урок.

— В прошлый раз мы читали про то, как Робинзон Крузо на необитаемом острове выращивал ячмень и рис. И возник вопрос: а если не окажется семян, что делать? Где и как добывать провизию? Допустим, кто-то из вас оказался один в лесу без запасов еды?

— В лесу можно кору есть, — быстро нашёлся Алёшка.

— Верно, — похвалил учитель, — мой дед рассказывал, что в голодные годы в нашей деревне ели заболонь.

— Заболонь — это лыко? — спросил Денис.

— Заболонь — наружные молодые слои древесины, — уточнил учитель.

И добавил:

— Известно, что в блокадном Ленинграде люди ели древесные опилки. Бросали их в воду, потом эту перебродившую кашеобразную массу ели. Заболонь можно есть в сыром виде, а если подольше поварить её, то высушивают потом кашицу на камнях, раскалённых на костре. Из такой муки можно печь лепёшки. Высушив и свернув в трубочки, заболонь заготавливают впрок.

Деревья дают разнообразную пищу. Сосна, например, имеет пять годных в пищу частей: нераспустившиеся цветочные почки, молодые побеги, заболонь, шишки и хвою для чая.

— Это деревья, а травы? — не терпится Насте.

— Вот всем известный лопух! Чем при случае не спасение?! — ответил учитель. — Его корни можно есть в сыром виде. Лопухи пекут вместо картошки. Молодые листья и стебли, пожалуйста, можете использовать в винегретах, борщах, бульонах... Если пожарить, пойдёт для приготовления напитка, подобного кофейному. Мелко изрубленные корни лопуха и щавель выдерживают два часа в небольшом количестве воды и получается кисло-сладкое повидло. Хороший салат получится, если листья сырой крапивы помоете и опустите минут на пять в кипяток. Потом её надо измельчить и смешать с нарезанными листочками щавеля, лесного лука.

Крапива по питательности не уступает бобам и гороху. Она вполне заменяет морковь, зелёный лук, щавель, смородину, вместе взятые. У неё много замечательных свойств.

— Деда, мама говорит, что вы с ней одуванчики ели, правда?

— Мы пробовали варить суп. Нам понравилось. Одуванчик считается жизненным эликсиром Из его поджаренных корней можно готовить кофейный напиток. А из листьев — хорошие салаты.

— У нас весь двор в одуванчиках. Мы такие богатые, да? — удивился громко Ромка.

— Не бедные, — согласился Сергей Иванович. — Очень вкусный кисель получается из плодов боярышника, черёмухи. А сколько в лесу камыша, Иван-чая, борщевика! Всё это съедобное. Только надо уметь пользоваться лесными дарами. Ещё можно употреблять в пищу подорожник, жёлуди, листья берёз...

— А мне жалко бедненьких одуванчиков. Они весёлые всегда. Так солнце любят! — вздохнув, пожаловалась Настя.

Её перебил Ромка:

— А животные? — вспомнил он. — Тоже?!

— Во всём мире около четырёх тысяч видов млекопитающих. Всё, что бегает, ползает, летает и плавает, за редким исключением может служить пищей, — ответил учитель.

Настя не выдержала, грустно спросила:

— Деда, человек живёт, чтобы только есть? Ему кто разрешил это? Когда-нибудь вокруг всё кончится. Что делать?

Учитель явно не ожидал такого вопроса. Он даже закашлялся.

— Человек ест, чтобы жить, — ответил он раздумчиво. — И трудом оправдывать свою жизнь. Вот таков мой ответ.

Сказал и молча, внимательно посмотрел на всех.

— Получил, голова? — спросил негромко Альберт Львович. — Внучка-то твоя грандиозно мыслит...

— Да уж... — неопределённо произнёс Сергей Иванович.

И уже в следующую минуту уверенным голосом произнёс:

— Эту тему мы продолжим в следующий раз. А сейчас речь про чай. Заваривать в чай можно душицу, землянику, крапиву, цветки и листья липы, малину, мать-и-мачеху, медуницу, рябину, чёрную смородину, шиповник, зверобой, мяту, ежевику, жасмин... Это всё растёт вокруг нас!

— А что же мы такой заварки не пробовали? — спохватился Алёшка, водя пальцем по оконному стеклу с морозными узорами. — Такое лето было у нас ароматное...

— Вернётся лето и попробуем, — пообещал Сергей Иванович.

Его поддержала деловитая Настя:

— Лето чайное придёт и... почаёвничаем тогда!..

Трактир «Жили-были»

Утром за завтраком Алёшка, взглянув в окно, сказал важно, как взрослый:

— Ночью сильно похолодало.

— А назавтра ожидается понижение температуры до минус двадцати градусов, — произнёс Сергей Иванович.

— Так резко! Птицы помёрзнут, — забеспокоился внук.

— Зимой птицы гибнут обычно не от холода, а от голода, — Сергей Иванович зорко посмотрел на ребят, — вы готовы помогать им? А то вчера синичка в окно стучалась. Просила о помощи.

Настя и Алёшка закивали головами.

Сергей Иванович продолжил:

— Давайте сделаем кормушку и вы будете следить, чтобы она была с кормом.

— Деда, мы сами сделаем кормилку? — удивилась Настя.

— Кормушку, — поправил Алёшка, — помнишь, нашу пахтанку? Как мы её делали?

— Да, — подтвердила Настя, — помню.

* * *

Во дворе работать холодно, поэтому материалы и инструмент дед принёс на кухню. И стал раскладывать их на полу.

— Мы сделаем кормушку, похожую на деревянный домик, — пояснил Сергей Иванович, перебирая жёлтые пролаченные ровные дощечки. — А крышу соорудим коньком. Кормушку прибьём к тому пеньку, который остался от нашей берёзы? Он в метр высотой, в самый раз. Не занесёт снегом. Согласны?

Никто не возражал.

— И назовём наш домик: трактир «Жили-были», — обрадовался Алёшка. — У нас в Москве есть такой. Там вкусно всё!

Всем понравилось название. Пришедший Денис уточнил:

— У нас в городе тоже есть, не только в Москве.

...И началось строительство.

— Может, и крючконосые клесты прилетят к кормушке. Не только синицы с воробушками. Ни разу клестов не кормил, — признался Алёшка.

— Навряд ли прилетят. Клесты в сосняке обитают. Это далеко отсюда, — засомневался я, — на севере.

— Если очень ждать, могут прилететь! — уверяет Настя.

Я не стал ей возражать.

— Птицы похожи на людей, — сказал уверенно Денис. — Я часто с дедом кормлю их в нашем парке. Там одна синица есть. Она сразу садится мне на руку и берёт семечко. Другая — с ходу хватает и — шмыг на ветку! А есть синица, толстая такая. Она, как Ирка в нашем классе. Ничего и никогда не берёт. Сидит в сторонке обиженная на всех. Все в чём-то виноваты у неё.

— Осторожная, — определил Алёшка, усердно надраивая наждачной бумагой напиленные дедом заготовки.

— Есть и синицы с разным характером. Всё, как у людей, — согласился Сергей Иванович.

Мне интересен разговор. Слушаю себе, выбирая ровные гвозди для фанерного днища кормушки. Строительство идёт! И урок идёт. На этот раз он получается о птицах.

— Каждая порода интересна, — продолжает Сергей Иванович, — вы заметили, как сверхосторожен воробей? Попробуй, поймай его! Если воробей родился на свободе и прошёл воспитание в своей среде — он навечно дикий. Не приручить! Это вам не синица или чижик! В неволе воробей чаще всего погибает. Живёт около человека, а — сам по себе.

— А где у синиц и воробушек дом? — спрашивает Настя. Она одна не участвует в строительстве кормушки. Сидит за широким столом и спокойно наблюдает. Дед с охотой пояснил:

— Гнёзда они устраивают в дуплах деревьев, за карнизом домов, в разных нишах построек. Используют для этого стебли трав, корешки разные, пух, шерсть, перья. С наступлением зимы стараются быть ближе к жилью человека.

Синицы — многодетные родители. У них в гнёздах я видел до десятка яиц. А воробьи за лето выводят птенцов не один раз. Великие труженики! Один раз я попробовал посчитать, сколько за час синица прилетает с добычей к гнезду. До пятнадцати раз в час — каждая! Представляете, сколько получается за день? И сколько они уничтожают насекомых — вредителей садов и огородов! Огромная работа!

Я по молодости интересовался: в наших краях обитают шесть или семь видов синиц. Самая известная — большая синица. Её зовут большак. Она доверчивая и шустрая. У неё жёлтая грудка и чёрная шапочка на весёлой головке. Она меньше всех боится людей.

Есть лазоревка. Эта поосторожнее. Водится белая лазоревка-князёк, иногда появляется чёрная синица-московка. Шустрые га-

ички с непременной чёрной шапочкой на голове всем известны, потом гренадёрки...

— Деда, а про воробушков расскажи ещё, — попросила Настя, — жалко их, сереньких...

Сергей Иванович живо откликается:

— Воробьёв я особенно уважаю за бесстрашие, с каким они охраняют свой дом. Они смело дают отпор разбойным стрижам, упорно отбиваются от скворцов. Если даже крепко получают, не покоряются сильному противнику. Сильная духом птица! Нет среди них серьёзных драк из-за корма. Когда кусок воробью по силам, схватив его, он улетает. И за ним никто не гонится, как это бывает у ворон.

— Без синиц и воробьёв вообще жить скучно, — веско произносит Настя.

Дед Сергей аж привстал, отложив ножовку на стул.

— Умница моя! Не ты одна это заметила. Когда-то в Америке не было воробьёв. Её жители страшно горевали по этому поводу. Потом привезли несколько пар птиц из Европы и выпустили на волю. Воробьи прижились. Теперь их там много и американцы с тех пор меньше стали скучать. А потом в знак благодарности за помощь в борьбе с прожорливыми гусеницами местные фермеры в городе Бостоне поставили воробью памятник.

Едва Сергей Иванович замолчал, как в окошко постучали. Потом послышалось: «Пинь-пинь-чэрж-чэрж, пинь...».

Все обернулись на звуки. За окном гомонили синицы. Одна постукивала клювом по карнизу, другая, издавая трескучий звук, билась в стекло.

— Ну, вот, красавицы! — рассмеялся дед Сергей. — Ждут — не дождутся. Голодно! А мы тут закалякались.

Примеряя ровную нарядную дощечку для крыши, скомандовал:

— Иди, Алёшка, в чулане из чиляка черпани в чашку подсолнечных семечек. Дай им, пока наш трактир не открылся!

— И я с ним! — забеспокоилась Настя.

Она соскочила с широкой лавки, задев локтем угол стола. Я заметил, что ей больно, но она смолчала. Не хотела отставать от Алёшки.

Голубь и вороны

Тяжёлая, сработанная из толстых широких досок входная дверь нехотя приоткрылась и в избу скользнула Настенька. На порозовевших от мороза и возбуждения щеках — слёзы.

Голос её дрожит:

— Вы сидите тут, а на дереве голубь погибает. Его вороны собираются склевать.

Мы с Алёшкой быстро оделись и втроём поспешили во двор.

Как такое могло случиться, никто из нас не мог понять. На самой длинной изогнутой ветке вниз головой висел голубь. Похоже было, что он одной ногой попал в обрывок сетки, занесённой ветром на дерево. Либо вырвался от ребятишек, которые держали его в неволе, и обрывок привязи, который остался на ноге, зацепился за сучок. Видно было, что голубь устал бороться за жизнь. Временами он отчаянно взмахивал крыльями и тогда каждый раз казалось, что птица вырвется из неволи. Но бесполезно. Вскоре он вновь повисал вниз головой, казалось, без признаков жизни.

Серые хитрые вороны рядком сидели на соседнем клёне и спокойно наблюдали за голубем. Они поняли: жертве от них никуда не деться. На дворе мороз, голубь долго не протянет.

Настя плакала. Я сходил в дом за ружьём.

— Ничего не получится, — проговорил подошедший Сергей Иванович, — ветку дробью не перешибёшь, а голубя можно погубить. Грех будет. И Алёшке залезть нельзя, ветка тонкая, обломится. Надо установить дежурство, чтобы вороны не набросились. Может, голубь сам освободится от плена.

Алёшка стал, размахивая руками, кричать на ворон. Они спокойно продолжали сидеть рядком. Знали, что в безопасности.

Голубь в который уже раз опять судорожно замахал крыльями. Мы, затаив дыхание, следили за его неловкой попыткой. Всё бесполезно. Птица скоро истратила запас сил и в очередной раз затихла.

— Он замёрзнет и умрёт, — в отчаянии вскрикнула Настя.

— Пока борется за жизнь, машет крыльями — не замёрзнет, — как мог, успокоил Сергей Иванович. — Что-нибудь придумаем, только бы не перестал двигаться. Мы должны ему помочь, эта птица особенная. Мне ещё мой дед говорил, что, у кого плодятся домашние голуби, у того не будет пожара. Этот голубь — наш. У него гнездо под коньком дома.

— Если он оторвётся и упадёт без сил на снег, то ушибётся, и его всё равно вороны заклюют! — глухо сказал Алёшка.

— Идите в дом, — обратился он ко мне и Насте, — сейчас мы покараулим с дедом, а потом вы нас смените.

— Нет, — запротестовала Настя, — я не мёрзну.

Так мы все и стояли. Никто не хотел уходить. Сергей Иванович поднял ружьё, намереваясь выстрелить по воронам. Они все не спеша поднялись и уселись на дальнем дереве, недосягаемые для выстрела. Сидели всё так же рядком. Терпеливо наблюдали и ждали, когда мы уйдём и они займутся добычей.

— Серые канальи, — совсем не удивившись поведению ворон, усмехнулся Сергей Иванович. — Умные. Мой одногодок Семён Коныч держал в доме ворону. Так она у него говорить, как человек, научилась. Калякала с ним.

— Как попугай? — спросила Настя.

— Попугай повторяет слова. Не понимает, что говорит. А она с понятием.

В следующий момент голубь вновь захлопал крыльями, да так сильно, что ветка вся заколыхалась. Показалось, что сейчас она отпустит птицу. Одна из ворон, самая крайняя, передвинулась, не взлетая, по ветке поближе, стала зорче, чем другие, смотреть на голубя. Ей не терпелось больше всех. У неё клюв, горло, голова, крылья, хвост и ноги были чернее, чем у её подружек. С металлическим блеском. Остальное: грудь, бока, спина — хотя и были серые, но чистые. Такая чистюля! Она показалась нам противнее всех.

Чуда не произошло. Голубь вновь затих. Его тельце с опущенными крыльями казалось совсем беззащитным.

— Вот она, зачинщица. Всех своих заводит. Они нашего Цыгана дразнили... Любит поиграть, — проговорил Сергей Иванович, показывая на ту ворону, которая приблизилась к голубю ближе всех.

— Как это? — удивился Алёшка.

— Хитрые. Подпускали его на земле к себе близко. Он бросался, глупый. Они взлетали. И так продолжалось, пока им не надоело. Они улетели, а охрипший Цыган ушёл в конуру ни с чем. Разок я ей кинул твёрдый, как железо, сухарь. Нарочно. Посмотреть, что будет делать?

— И что? — не отводя мокрых глаз от голубя, спрашивает Настя.

— А ничего! Подхватила клювом сухарь, размочила его в луже у колодца и пообедала. А потом каркала, да так звонко. По-моему, надо мной смеялась.

— Ой! — от радости вскрикнула Настя и присела на снег, — победил, победил!

Голубь, особенно резко замахав крыльями, оторвался от ветки и, не планируя, комом упал в снег. Не успели Настя с Алёшкой к нему подбежать, он, подобрав крылья, засеменил ото всех в сторонку. Алёшка догнал его, осторожно взял в руки. У птицы не было ран. И крылья были целы.

— Он замёрз, пошли в дом, — скомандовал Сергей Иванович.

Было спешно решено огромного рыжего кота Дормидонта для безопасности переселить в отапливаемый предбанник. Что мы и сделали с Алешей.

Голубя поместили на кухне.

Сначала он забился под стол. Там прижался к стене и не глядел ни на кого. Хлебные крошки и молоко словно не замечал.

Утром мы его не узнали. Он бодро бегал. Хлебные крошки, которые мы набросали на пол, исчезли. Мы радовались.

А в полдень, когда Вера Михайловна, войдя с улицы на кухню, не сразу прикрыла входную дверь, голубь мелкими шажками засеменил к порогу. И не успели мы что-либо сделать, как он оказался в сенях, где дверь обычно открыта. Алёшка метнулся за птицей. Послышалось хлопанье крыльев и чуть позже радостный голос:

— Полетел! Он полетел!

— Что же вы хотели? Это птица! Ей вольный свет нужен, а вы ей кухню уготовили. Всех обхитрил — и ворон, и вас. Опытный, видать! — сделала вывод Вера Михайловна. Мы молчали, вполне согласные с ней. А она скомандовала:

— Идите, несите из бани назад бездельника кота Дормидонта. Пускай молоко, которое от голубя осталось, допивает.

Нечаянная радость

Сегодня, когда мы собрались за широким столом на кухне, Настя вспомнила:

— Деда, ты обещал рассказать нам про журавлей.

— Раз обещал, куда деваться, — отзывается Сергей Иванович.

И пока Вера Михайловна хлопочет у печи, он начал свой рассказ. У нас ушки на макушке.

— Мне было тогда, наверное, столько же лет, как Алёшке. Родители держали гусей, штук пятьдесят. Моя забота была пасти это неугомонное стадо. Вот однажды сторожу я их. Был уже, кажется,

конец сентября. День серый, скучный. Я забрался на омёт. Гуси — на поляне. Гусята уже совсем большие. Гусак ходит среди них важный такой, неприступный. Я звал его Спиридоном.

— Почему? — спросила Настя.

— Дядька такой жил тогда на нашей улице, важный.

Я всё пел от скуки, а потом не заметил, как задремал в соломе. И вдруг зашумели крыльями над головой большие птицы. Я приподнялся на омёте — надо мной со стороны севера летели журавли. Они были так близко от меня, что я видел их умные глаза. Я не испугался, нет. Возрадовался сверх мочи. Радостное курлыканье заполнило всё вокруг. Птицы сели на поляну прямо к моим гусям. Я разволновался ещё больше: что сейчас будет?! Наш гусак такой свирепый! Эдакая красота против его злобы не устоит... Но странно. Гуси мои присмирели. Гусак стоял как бы в оцепенении, не двигаясь. Гусята робко жались ко взрослым. Всем им будто стало стыдно за свои неуклюжие тела. Стыдно, что не умеют летать. Поляна подо мной наполнилась клёкотом и шелестом крыльев.

Красивые стройные птицы радостно пустились в хоровод. Журавли, взмахивая грациозно большущими крыльями, вышагивали по поляне на длинных тонких ногах. Особенно выделялась одна пара, одетая словно в костюмы из заморского шёлка. Так слаженно они вытанцовывали по кругу, словно сговорились! Танцуя, они подпрыгивали, будто состязались: кто выше? Что это было? Я не знаю! То ли им очень понравилась полянка. То ли они давали прощальный какой концерт. Или учили гусей?! Показывая, какими можно быть красивыми, если у тебя есть крылья и ты не зажирел.

Гуси мои продолжали растерянно и молча стоять в сторонке, словно посрамлённые. А я был в восторге. Вершину счастья — вот что я тогда испытал, глядя с омёта на журавлей! Но такого мимолётного счастья, неизъяснимого словами... Ничего подобного в моей жизни потом не было. Всё будто во сне. Сердечко моё колотилось от восторга, как никогда. Танец длился недолго. Слаженно пробежав по поляне, журавушки взлетели.

Наверное, они сначала спутали направление, кружась в танце, потому полетели на север. Затем сделали круг над поляной, будто прощались. И, вытянувшись клином, подались на юг. Щемящее «кру-у-у-ууу» неслось сверху. Они тоже, как и я, расставаясь, грустили.

Потом в другие годы журавли пролетали несколько раз, может, те самые... Но всегда высоко.

Где зимуют ёжики?

— Деда, жаворонки, чечевицы, утки улетают в тёплые страны зимовать. Их зимой здесь нет. А куда деваются ёжики, ящерицы? Они тоже уходят от холода на юг? Пешком?

У Алёшки при таких словах Насти глаза сделались круглыми. Он выронил ложку из рук и весело рассмеялся.

— Совсем не смешно, — серьёзно сказала Настя.

— Ага, не смешно! Представь себе, как они перебираются через железные дороги, через реки. Гурьбой на юг!

Он сказал так и начал опять смеяться.

— Железные дороги потом люди понаделали, их раньше не было, — возразила Настя.

— А реки? Волга, например? Она, может, ещё раньше ежиков была! — смеясь, рассуждал Алёша.

— Реку можно переплыть, — уверенно сказала Настя.

— Ёжик переплывёт Волгу! — подивился Настиной фантазии Алёшка. — Никогда!

— Деда, скажи, куда деваются ёжики? — обращается Настя к Сергею Ивановичу.

— Ты только сейчас спохватилась, а раньше?

— Я не думала о них. Некогда было.

— Ну, тогда слушай...

И наш завтрак превращается в беседу. Вера Михайловна присаживается к столу. Тоже слушает.

— Очень трудно добыть пропитание зимой птицам и зверям, которые остаются с нами зимовать. Они страдают от голода. И каждый выживает по-своему. Кое-кто приспособился на самое голодное время засыпать, — говорит Сергей Иванович. — Ящерицы и лягушки, как только похолодает, зарываются в ил, в норы. Там они замирают до весны.

— Деда, а ёжики? — нетерпеливо спрашивает Настя.

— Ёжики, тушканчики, суслики спят в норах всю зиму.

— Выходит, они никогда не видели зиму?

— Получается, так, — соглашается Сергей Иванович.

— Бедненькие какие, — сказав так, Настя горестно вздыхает.

Нам тоже становится жалко зверюшек, которые не видели зиму.

— А кто их будит ото сна? — спохватывается Настя. — Они же могут проспать лето? И опять оказаться в зиме. Я один раз про-

спала. И в школу не пошла. Мама не разбудила, пожалела после болезни. А они как?

— Не проспят, — успокоил Сергей Иванович, — голод не даст.

— Молодцы! Придумали, как выжить, — не удержался от похвалы Алёша.

— Не они одни спят, и не только от холода, — продолжает Сергей Иванович. — Я читал, что в пустыне в неимоверную жару черепахи зарываются в землю на метровую глубину. Без пищи живут более полугода. Спят летом. На глубине — прохладно. Даже крокодилы в Африке и Южной Америке впадают в летнюю спячку.

— Деда, а есть птицы, которые спят? — спрашивает Алёша. Ему тоже, как Насте, оказался интересным рассказ деда.

— Есть, — отвечает Сергей Иванович, — но водятся такие, которые не спят, не улетают на юг. Да ещё и птенцов выводят!

— В морозы выводят птенцов? — громко удивилась Настя.

— Да! Это клесты. Они обитают севернее от нас, в хвойных лесах. Клеста не спутаешь ни с кем. Чуть побольше воробья. Хлопотун. Постоянно семечки из шишек добывает. Клюв у него примечательный. С загнутыми концами. Они торчат крест-накрест. Клёст рождается с нормальными клювом, но потом при добывании семян из шишек он у него искривляется.

— У дятлов от добывания корма бывает сотрясение мозга, а у клестов кривым становится клюв. Так непросто всем, — делает вывод Алёша.

— Я видел гнёзда клестов с птенцами и летом, и зимой. В гнезде самка сидит в мороз, не слетая. Чтобы не остудить яички, самец кормит её. Корм есть — мороз не страшен, — продолжает Сергей Иванович, — если клёст умирает, то очень долго тело его не гниет. И даже оперенье остаётся целым. Говорят, это оттого, что едят они семена хвойных деревьев, а в них — смола.

— И сейчас клесты есть в том лесу? — спрашивает Настя.

— Конечно, есть!

— Тогда пойдёмте смотреть их!

— Ну, прямо и загорелась, — не удержалась Вера Михайловна, — чай-то кто пить будет? Ёжики, что ли?

— Клесты живут страшно далеко, — сказал Сергей Иванович.

— А мне не страшно, — не унимается Настя. — Хочу увидеть загадочную птицу-клеста! Никогда не видела и не слыхала про такую. А мы сидим!

Серая озорница

Мне запомнился рассказ Сергея Ивановича о проделках с Цыганом умных ворон. Теперь стараюсь наблюдать за ними. И вчера был вознаграждён за это.

Из окна мне хорошо видна покатая крыша сельницы — сарая для хранения сена. Крыша у сельницы покрыта листовым железом. Уплотнившийся снег иногда большими кусками сползает по крыше. И шумно падает вниз.

Я заметил, что стайка ворон усаживается на самый конёк крыши и наблюдает за происходящим. Так длился не один день. А вчера на моих глазах одна из ворон явно начала играть. Вернее, проказничать.

Вытянув шею, она с самого конька, усевшись на оторвавшийся островок снега, скатилась вниз по крыше, как заправский наездник. Около самого края крыши взмахнула большущими крыльями и взлетела. Потом села и... пошла, не спеша, наверх к коньку, осматривая снег.

Там она клювом подолбила деловито, на самой верхотуре: небольшой ком слежавшегося снега оторвался и пополз вместе с ней вниз. У самого края она вновь взлетела. Остальные три вороны спокойно наблюдали за её проделками.

Так ворона скатывалась по крыше не менее пяти раз. Она была, очевидно, самая азартная.

Этого не видели Настя и Алёша. Они были в гостях у Дениса.

...Сегодня я вновь увидел проказы вороны и позвал ребят. Теперь-то уж мы посмеялись вместе, наблюдая за любительницей острых ощущений.

Мы тут же нашли имя для озорницы. Стали звать её Катюшкой.

Урок профессора

Сергей Иванович многое видел сам и немало слышал от своих родителей. Вот и знает теперь о разных растениях, птицах и животных столько, что удивляешься.

А дед Дениса Альберт Львович — профессор. Он прочитал много книг.

Ребята попросили его провести урок. И то, что он рассказал, меня ошеломило, кажется, больше, чем ребят.

— Я расскажу вам о том, что не написано пока в учебниках, — начал профессор. — Может, кое-что не совсем достоверно, но... Кто-нибудь слыхал об учёном Николе Тесле?

Мы все молчим.

— Я так и думал. Никола Тесла делал то, что никто и сейчас не может. Это был великий учёный. Он изобрёл первые электронные часы и двигатель, работающий на солнечной энергии.

На окраине Нью-Йорка в самом начале прошлого века по заказу Теслы была построена деревянная башня высотой с двадцатиэтажный дом. Её назвали Ворденклиф. В летнюю ночь 1903 года она чуть не свела с ума жителей Нью-Йорка. От её вершины на сотни миль вокруг сверкали гигантские искусственные молнии. Сделалось светло, почти как днём.

Мы слушаем профессора, стараясь не пропустить мимо ушей ни одного его слова. В необычной тишине он продолжает:

— А за десять лет до этого Тесла пропустил через своё тело электрический ток сверхвысокой частоты и огромного напряжения. В его руках не включенные в сеть лампочки ярко горели.

— Мальчики! — профессор посмотрел на Алешу и Дениса, — вам понятно, о чём я говорю? Как это необычно!

— Конечно, — ответил за обоих Денис, — здорово! Он мог сгореть. Смелый!

— И мне понятно, — заявила Настя, — это был волшебник.

— Вот именно: волшебник, — согласился профессор. — Ты сказала великолепно. Великий сербский ученый был волшебником.

Перед Второй мировой войной и в годы войны он вместе с другими учеными разрабатывал особо важный проект. Целью его было достижение невидимости американских кораблей. Никола Тесла умер в 1943 году. Но через полгода опыт провели. Под влиянием мощного магнитного поля, которое создавали генераторы, эсминец «Элдридж» исчез. Его вообще не стало, если верить публикациям в газетах. Он оказался в 350 километрах от того места, где стоял до того. Выключили генераторы — он вновь оказался на старом месте.

— А люди? — не удержался Алёшка.

— В газетах писали, что одни расплавились, другие пропали. Тесла верил, что с помощью электромагнитного поля можно перемещаться в пространстве и управлять временем.

— Как это — управлять временем? — удивился Алёша.

— Это значит, что можно дни и годы перелистать назад, как

листки календаря. И оказаться в прошлом. Поговорить, например, с Пушкиным, представляете?!

— С Робинзоном Крузо ещё! — подсказал Денис.

— С ним нельзя, — возразил профессор, — его писатель придумал. С тем человеком, который, как Робинзон, жил на острове, но носил другое имя, получается, можно.

— Сказка какая-то, — засомневался Денис. — Почему же после Теслы никто этого не сделал?

— Тесла знал тайну и унёс её с собой. В последние годы он занимался изучением космоса. И там у него были необычайные успехи. Он много оставил после себя интересного. Среди них гравитационный мотор, который включается раз в год при определенном расположении планет. Его автомобиль, который, получая энергию движения из вакуума, гонял со скоростью 150 километров в час.

При этих словах Алёша и Денис переглянулись и покачали головами.

— Энергию из ничего! Опять сказки! — произнёс Денис.

Рассказчик спокойно продолжал:

— В Белграде есть музей Николы Теслы. Можно убедиться. Дело за вами, подрастайте быстрее. Я давно хочу туда попасть.

* * *

Весь следующий день прошёл у нас под впечатлением рассказа профессора. Мы обсуждали с Алёшкой услышанное на все лады. Вечером перед сном, когда Настя уже спала, он фантазировал:

— Представляете, если бы Тесла сейчас жил? Он помог бы нам невидимками стать! На время. Сколько бы мы узнали о животных разных, птицах. Побывали бы среди них незамеченными. И в прошлые века бы могли вернуться. Всё изучить, со всеми поговорить! И написать самим точную историю всего! Как было!

Он переходит на шёпот:

— Или разведчиком-невидимкой быть — здорово! Любые планы врага узнать можно!

— Конечно, — соглашаюсь я, — заманчиво!

Вера Михайловна слышит наш разговор:

— Ну, совсем как маленькие, что с вас взять? На ночь глядя напридумали. Не заснёте. Вон, берите пример с Насти.

— Бабушка Вера не слышала рассказ профессора, потому так и говорит, — шепчет мне Алёша, — не верит!

— Ага, — соглашаюсь я, — не верит.

Домашнее задание

Январь — месяц суровый, а всё равно, как и ожидали, с его приходом стало уютнее, чем раньше. Чаще выглядывает солнце из-за туч.

Метелица сегодня утихла к полудню и небо явилось чистым. Оттого и в горнице Чураевых светло.

Идёт последний урок. Завтра гости разъедутся. Каникулы кончаются.

— Кто сегодня начнёт первый? — спрашивает Сергей Иванович и внимательно смотрит на нас — своих учеников. — Домашнее задание приготовили?

— Я прочитаю, — тихо говорит Алёшка, — у меня стихи!

Лицо его серьёзное. Он встал и произнёс:

— Стихотворение «Пуля».

Начал читать, не глядя в раскрытую тетрадь. Ладонь левой руки его скользит по клеёнке, на которой нарисованы большие ромашки.

Пуля нервная такая,
Полетит, всех убивая.
Всех убьёт и пришибёт.
Только боль её берет:
Как же ей всегда такой
Жить убийцей удалой?

Алёшка замолчал. И ладонь его присмирела. Наступила пауза.

— У меня спине холодно стало от твоих стихов. Никогда таких не слыхал, — первым не выдержал Денис.

Настя смотрит, не отрываясь, внимательно Алёшке в глаза. Молчит.

Сергей Иванович, потрогав большим и указательным пальцами усы, обронил:

— Ну, брат, даёшь! Не ожидал... Что это ты вдруг про пулю?

— Не знаю. Так вышло, — отозвался Алёшка.

Он больше ничего не сказал. Но мне, кажется, кое-что понятно. Я привёз с собой и подарил Алёшке книгу «Всадник без головы». Видно, он её прочитал и теперь переживает.

— Стихотворение хорошее, — сказал задумчиво Альберт Львович. Он сидел на диване и внимательно слушал Алёшку. — Я бы так не смог написать.

— Хорошее, — согласился Сергей Иванович, — но только мы договаривались о радостном писать. Садись. Молодец!

— Можно я прочту? — попросил Денис. — Только сидя, потому что у меня — повесть!

— Можно, — ответил Сергей Иванович.

— Повесть для маленьких ребят, — начал резво Денис. — Называется она «О чести и подвиге». Глава первая: «Тайный побег».

Денис горделиво посмотрел на Настю и продолжал:

— Как-то днём Рой — друг Сильвио — гулял у подножья горы с острыми пиками в колчане. Он мечтал о славе, то есть хотел совершить подвиг. Но Сильвио — его верный друг, был против этого. Он, Сильвио, не хотел, чтобы его друг Рой попал в беду. Но Рой отстаивал своё. Он не боялся опасности!

Денис так увлечённо и уверенно читает, что все внимательно слушают. Даже бабушка Вера вошла в комнату и остановилась у голландки. Хотела что-то спросить у Сергея Ивановича, но не решилась.

— И Рой однажды придумал вот что! Когда друг отправился на охоту на львов, он ушёл.

— А, батюшки, куда же он, Сильвио, на львов, глупенький, один-то? Пропадёт ведь! Ушёл... Видать, парень-то хороший... — не выдержала бабушка Вера. — И Рой — тоже один?!

— У мужчин этого племени была обязанность, — важно продолжал Денис, — ходить на охоту. Они добывали зверей и всякую дичь. И было правило: без добычи не возвращаться, иначе — позор.

При этих его словах Вера Михайловна горестно покачала головой и, непонятно, всерьёз или так, спросила:

— Жёны, что ли, такие строгие были?

Один Сергей Иванович улыбнулся при этих её словах, остальные терпеливо слушали:

— Рой ушёл далеко — в город Рич. Там, в этом городе, слабый вождь не мог спасти свою страну от набегов сильных врагов. Этой стране совсем бы конец пришёл, если б не Рой! Рой стал просить у вождя чести защитить его город. Вождь дал согласие. И Рой, отважный Рой, пошёл на битву вместе со своими друзьями-рыцарями. С ними он познакомился в городе Рич. Этих молодых людей звали Антонио, Мигель и Родригос.

Денис перевёл дух и, чуть помедлив, продолжил:

— Глава вторая. Называется «Мигель», — но, перевернув страницу, забеспокоился: — Эх, ты! Не те листы взял. То ли выронил, то ли дома оставил какие надо было...

— Как же теперь, если потерял, — забеспокоилась Настя, — мне так интересно!

— Не переживай, — успокоил её Денис. — У меня всё в компьютере. Я могу сбегать сейчас, — сказал так и посмотрел на Сергея Ивановича.

— Не надо, Денис. У тебя сколько в повести осталось глав? — спросил учитель.

— Две написаны, — ответил Денис, — и три в голове ещё.

— Вот как? Прямо писатель Жюль Верн. Вот и давайте завтра перед отъездом прочитаем обе главы. Принимается предложение?

— Правильно, — подал голос Альберт Львович.

— Что же будет с Роем? Он мне так понравился, — не терпелось Насте.

— Он сначала попадёт в плен, потом его спасут Сильвио и его друг Мигель, который придумает секретное оружие, — загорелся вновь Денис. — А потом... Они всех...

— Дениска, — вмешалась Вера Михайловна, — лучше всё по порядку, не торопясь, а то потом не интересно будет читать.

— Ладно, — сдался Денис.

И снова посмотрел на Настю:

— Настя, твоя очередь. Что приготовила ты? — спросил Сергей Иванович.

— Я свой рассказ не закончила. Он получается длиннющий такой...

— И когда же ты его завершишь?

— Не знаю, — ответила Настя. И добавила, сверкнув глазами: — Не хочу, чтобы он кончался. Это целая повесть обо всех нас. Как у дяди Саши в книжке «Под старыми клёнами».

— Такая длинная? — удивился Денис.

— Да. Приезжайте обязательно летом, тогда я вам прочитаю.

— И как твоя повесть называется, — спросил Алёшка.

— «Однажды в зимние каникулы», — ответила Настя.

— Ты не хочешь, чтобы кончались наши каникулы, — догадался Денис, — хитрая, поэтому не пишешь повесть до конца!

— Не хочу, — призналась Настя. — Не хочу, чтобы все разъехались, а я осталась без вас.

Денис сначала засмеялся, но, увидев серьёзное лицо Насти, примолк. Ему тоже не хочется расставаться. Это видно. Только он не готов признаться в этом.

И мне не хотелось уезжать.

Интересно, что Настя про всех нас напишет?

2005 г.

Сергеич и Сима

Глава 1. С неба на голову

Её подвело любопытство. Она бегала со своими подружками — бездомными кошками на крыше девятиэтажного дома около небольшого серого сооружения и, заглянув внутрь его, упала в вентиляционный канал, проходящий в стене кирпичного дома. Подружки убежали.

Известно, что кошки, падая с большой высоты, часто остаются живыми.

Она несколько раз ударилась о кирпичи, но ушиблась не сильно.

Пролетела до шестого этажа и застряла в стене на кухне Сергея Сергеевича.

Он в это время был дома. День только начинался, а хозяин был уже на ногах.

Сергей Сергеевич около сорока лет проработал на заводе, привык рано вставать. Немногие меняют привычки в свои семьдесят лет.

Он услышал жалобное мяуканье и пошёл на кухню.

«Что за наваждение? — думал Сергей Сергеевич. — Ночью снился завод, звучали голоса ребят, с которыми когда-то начинал работать, теперь вот это?»

Кошки на кухне не было, но мяуканье продолжалось.

Он приблизился к окну, на карнизе — никого. Повернулся в недоумении, рассеянно скользя взглядом по стене. И догадался.

Звуки доносились из вентиляционного отверстия, обрамлённого пластиковой узорчатой решёткой.

Хозяин всегда подозрительно относился к этому окошечку. Из него могли заползти в квартиру тараканы. Этих тварей он терпеть не мог. Но закрыть чем-либо отверстие не решался: вентиляция на кухне как-никак нужна. Зимой он заменил решётку, а заодно поставил мелкоячеистую синтетическую сеточку, и был этим доволен.

...Жалобное мяуканье продолжалось.

Сергей Сергеевич достал из шкафа в коридоре внушительных размеров отвёртку и, придвинув кухонный табурет к стене, встал на него. Побаливала поясница и он невольно морщился.

Его приличного роста вполне хватило, чтобы дотянуться и поддеть решётку...

Со второго раза решётка вместе с сеткой повисла на отвёртке.

Едва это случилось, как из отверстия сначала на плечо хозяина квартиры, потом на пол соскочило чумазое существо. И тут же оказалось около входной двери. Кошачьи глаза горели жёлто-зелёным огнём. Хозяин едва не свалился с табуретки. Придя в себя, медленно спустился на пол, щадя свою поясницу, и пошёл в коридор открывать дверь.

Кошка шустро выскочила из квартиры.

— Вот, холера! Как тебя туда занесло, — негодовал хозяин, направляясь ставить на место решётку, которая белела на полу посредине кухни.

* * *

Вечером мяуканье повторилось. Теперь оно сопровождалось настойчивым поскрёбыванием когтями.

Хозяин открыл дверь.

У порога сидела всё та же кошка.

С широко открытыми глазами она шагнула через порог и начала «бодаться» головой в ноги Сергея Сергеевича. На её языке это означало благодарность и проявление признаков доверия.

Хозяин не знал кошачьего языка, но кое-что понял.

Невольно отступил в квартиру, кошка последовала за ним.

— Жить тебе, видать, негде? Не обольщайся. В любовь с первого взгляда уже не верю. Могла бы и в коридоре ночевать... Не гонят.

Он расправил свернувшийся половичок у двери.

— Вот, попробуй здесь обосноваться до завтра, а потом что-нибудь придумаем. Сейчас принесу поесть. Ты от голода, поди, такая решительная.

Он с удивлением наблюдал, как кошка не сразу стала есть колбасу, а сначала неторопливо обнюхала её и лишь потом начала кусать.

Поразмыслив, Сергей Сергеевич на завтра не стал ничего откладывать.

Он вышел на лестничную площадку. Постучался к соседям напротив. Появилась грузная хозяйка квартиры.

— Лидия Ивановна, тут вот такие дела: кошка прибилась, упала, — сбивчиво начал он, — так-то симпатичная. Не возьмёте к себе. Можете посмотреть.

— Сергей Сергеич, у меня же аллергия. Я кошек на дух не переношу. И смотреть не буду.

— Ах, да, конечно, — спохватился запоздало сосед. — Вам нельзя.

— А сам-то чего? — спросила соседка.

— Да я никогда не держал их.

— Зачем взял?

Сергей Сергеич не успел сообразить, что ответить...

— У нас, слава Богу, на площадке никто не держит. Спуститесь на пятый этаж к Тершуковым, я видела, Николай дома, поддатенький слегка.

Сказала так и уверенно закрыла дверь.

— Тебе ни к чему, а мне нужна? — держа дымящуюся сигарету меж подрагивающих пальцев, удивился Тершуков на неожиданное предложение.

Он стоял в дверном проёме в одних трусах и вытянутой серой майке. Пройти в квартиру не предложил и сам не вышел навстречу.

Сергей Сергеевич почувствовал неловкость. А сосед хрипло вразумлял:

— Я весь день на работе, жена — тоже. Дети в техникуме оба, куда мне её?.. Раньше у моих родителей в деревне хоть пятерых на воле-то держать можно было. А здесь?.. Морока. Вон, восемь часов вечера, а жены нет.

Надолго натужно закашлялся. Потом произнёс:

— Сам займись, у тебя времени свободного хоть отбавляй... Ты же говорил, что совсем в деревню хочешь перебраться жить. Вот! В самый кон...

Больше кошку Сергей Сергеевич предлагать никому не стал. Хотел было позвонить давнему приятелю. Но передумал. Вспомнил, что у того сильно заболела жена. У всех заботы...

* * *

— Как же ты оказалась сиротой-то? — задумчиво говорил он, вернувшись в свою квартиру, — выгнали или сама ушла?

По голосу кошка чувствовала, что человек ей попался добрый и не оставит в беде.

Её бывший шумный хозяин переехал жить со своим большим семейством в другой город и оставил её одну совсем котёнком. Она прибежала домой, но было поздно: машина, груженная вещами, скрылась за большим домом.

Кошка помнила, как маленькая девочка называла её Лизой. Помнила лёгкую ладошку, когда она гладила её по голове.

Потом её уже никто не гладил.

Сергей Сергеич не помнил, когда он последний раз гладил кошку. В детстве... Подумал об этом и покачал головой.

Он молча решал важный для обоих вопрос.

И решил.

* * *

— Как тебя зовут, чумазая? — чуть позже, шурша над её головой газетой, спрашивал хозяин. — Глаша, Анфиса, Клара, Мурка, Лиза?

При слове «Лиза» она насторожилась. Это не ускользнуло от Сергея Сергеевича.

Он поспешил:

— Нет, нет, Лизаветы с меня хватит! Такое имя было у моей жёнушки... Может, Муркой назвать? Нет, старо. Давай я буду тебя звать Сима, а? У меня сестра старшая была Сима. Доброе имя! Сестра отзывчивая была. Меня любила. Ты разумеешь, что я говорю? Мне хочется, чтобы ты была доброй.

Кошка, внимательно слушая, сидела рядом.

— Начнём нашу жизнь сначала, — говорил он, — имя в жизни многое значит!

Хозяин знал, что говорил. У него была фамилия Мамин. Уже в третьем классе его стали звать Мамин-Сибиряк. А потом и вовсе приклеилось прозвище «Серая Шейка». Учился в школе, жил с этим несерьёзным утиным именем. Комплексовал, протестовал, а что толку?

— Ну, что? Симой будем называться? — облегчённо спросил хозяин. — Новое имя — как новая жизнь!

* * *

Так и начали жить в одной квартире неработающий пенсионер Сергей Сергеевич Мамин и кошка Сима. Был у Мамина сын Эдуард, неродной. Вернее, так и не ставший родным. Он обитал отдельно, на другом конце города.

Если Сима почти ничего не помнила из своего прошлого, то Сергей Сергеевич-то помнил.

В семейной жизни ему не повезло. Разные оказались характеры у супругов. Он — спокойный и деликатный. Она — взрывная, брызжущая энергией.

— Тебе постоянно нужны овации, — говорил он. — Но мы же не на сцене, не на манеже.

Когда она случайно узнала, что его в школе звали Серой Шейкой, то даже обрадовалась:

— Видишь, я не зря тебя зову Серый квадрат (она имела в виду это сочетание: Сергей Сергеевич). Каким ты был — таким ты и остался на всю последующую свою жизнь.

Он сердился на неё, но ничего поделать не мог. А с манежем будто накаркал. У неё были неудачные роды. Сын умер, не прожив и сутки. Через год она ушла от Сергея Сергеевича. Точнее, уехала с гастролировавшим в их городе цирковым гимнастом. Цирковая её жизнь через три года оборвалась. Гимнаст бросил её. Она с сыном вернулась к Серому квадрату.

Он принял и её, и чужого ребёнка.

* * *

— Знаем мы вас, — говорил хозяин, наблюдая, как Сима потягивается на половичке, — вы, кошки, любите только самих себя. Из меня, если зазеваюсь, попытаешься сделать прислугу. Но, видишь ли, я какой-то неподдающийся...

Сергей Сергеевич ещё что-то говорил. Потом выключил свет на кухне, в коридоре и стал укладываться спать.

— Однако твоё падение мне на голову — весьма знаковое событие... — Это было последнее, что он произнёс, уже лежа в кровати.

Глава 2. Необычные заботы

На другой день, осматривая Симу, Сергей Сергеевич обнаружил у неё блох. И вначале пришёл в смятение:

«Эдакое грациозное, изящное создание — и эти мерзкие твари?».

Но, поразмыслив, успокоился. Решил выкупать кошку. Он не знал, что Сима терпеть не может такую процедуру. Она не любила быть мокрой.

Сергей Сергеевич почувствовал её настороженность и начал уговаривать:

— Симочка, это вынужденная мера. Избавимся от этих паразитов, тебе же легче станет. Иначе как? Тараканы, блохи — это ужасно! Иначе прогоню на улицу!

Кошка не реагировала на его слова. Но и не убежала от него. Сидела посередине коридора. Смотрела, как он вначале налил воду в ванну, потом принёс с кухни большую тряпку и расстелил на дно.

— Видишь ли, у нас, людей, новобранцев в армии всегда прогоняют через санпропускник. В обязательно порядке! Я бы и без блох твоих должен был догадаться помыть тебя. Чуешь, о чём толкую?

Хозяин, продолжая говорить, потихоньку посадил Симу по брюхо в воду, придерживая её за передние лапы.

Она упёрлась задними лапами в тряпку на дне и, кажется, держалась устойчиво. Это понравилось Сергею Сергеевичу.

— Какая молодчина! — радовался он за неё, а может, заодно и за себя, за свою неожиданную сноровку.

«Если попадёт вода в уши, её тогда сроду не заманишь в ванну», — забеспокоился он. Сам же потихоньку правой рукой начал пытаться намыливать ей спину.

Он видел, как несколько шустрых тварей засуетились у кошки на шее. Морщился, но купать продолжал.

Сергей Сергеевич сменил в ванне три раза воду. Надеялся, что таким образом избавится от паразитов. Вычёсывал их гребешком и собирал с мокрой шёрстки. Старался, чтобы на теле кошки не осталось мыла.

Сима терпела. Не сопротивлялась. Ей очень хотелось остаться жить около этого худого, высокого, с тихим голосом человека. На то была ещё одна веская и тайная причина. Ей было уже почти десять месяцев от роду. В жизни Симы эта весна была первой. Она бурно её провела и теперь впереди у неё назревали особые события...

Но об этом деликатном обстоятельстве чуть позже...

Наконец-то Сергей Сергеевич, отжав Симе окончательно шёрстку, завернул её в огромное зелёное полотенце. Начал вытирать, присев вместе с ней на диване.

...И вот она уже сидит на коврике у отопительной батареи в гостиной.

Отопление отключено. Но хозяин посчитал, что около батареи ей будет уютнее.

Кошка вылизывала себя с лап до головы, а хозяин, с брезгливой гримасой держа в руках мокрую свёрнутую тряпку с блохами, пошёл в коридор к мусоропроводу.

* * *

...Кошка, оказывается, очень любила спать.

Большую половину дня она продремала. Он несколько раз укрывал её своей жилеткой, оставляя снаружи одну голову.

Проснувшись, Сима вновь начала умываться.

— Кажется, это занятие у тебя самое любимое, — удивлялся хозяин, наблюдая, какие она принимает при этом причудливые позы. Те места, которые нельзя достать языком, она чистила лапками. Увлажняла их слюной поочерёдно и тёрла ими уши, подбородок, голову.

— Как же ты в подвале-то жила? Есть будешь? Чистюля!

Сергей Сергеевич поманил кошку на кухню. Там он мимоходом несколько раз повторил её новое имя: «Сима» и погладил по золотистой, мягкой шёрстке. Ей было радостно от его голоса.

Теперь кошка выглядела ласковой и тихой, не похожей на ту, какой была ещё несколько дней назад на улице.

Хозяин щурился, когда говорил или смотрел на неё. Ей это нравилось. В такие моменты она особо доверяла ему. А он и не замечал этой её слабости. Думал, что хорошее настроение Симы зависит только от её собственных причуд.

Рыжий окрас обещал быть кошке от природы спокойной, любящей домашний уют, флегматичной.

Но куда деть её бездомное детство? Оно-то часто и определяло её поведение. Новое имя и новый хозяин могли что-то изменить. Но на это необходимо время.

Хотя Сима и доверилась хозяину, многое для неё было непросто. В первую ночь, окружённая странными непривычными запахами и звуками, она попыталась забраться к нему в постель. Но он потихоньку взял её и отнёс к порогу. Она поскучала немного, потом уснула.

На вторую ночь кошка уже не делала подобной попытки. Приняла его права.

Права-то приняла, но хозяином в полном смысле Сергея Сергеевича она не торопилась признавать.

* * *

Каждый день теперь приносил новое открытие. И хозяину, и кошке.

Оказалось, что Сима терпеть не может лифт. Сергею Сергеевичу приходилось, выгуливая её, спускаться и подниматься на шестой этаж по лестнице. Это для него было непривычно.

В первый день, когда они шли вниз, кошка обнюхала чуть ли не каждую дверь на их пути. Хозяин, набравшись терпения, ждал, сообразив, что это, очевидно, для неё важно.

На удивление Сергея Сергеевича, дверь квартиры, в которой Сима теперь жила, она определяла, когда они возвращались, безошибочно. Он порадовался этому, не мешая ей скрести когтями по старенькому коврику у порога.

Чтобы она не рвала когтями обивку мебели в квартире, он достал с балкона корзину, которую когда-то сплёл, на удивление жены и сына, сам. Сергей Сергеевич был заядлый грибник. Корзина оказалась кстати. Ёмкостью ведра на полтора, крепенькая, с каркасом из алюминиевой проволоки, она прослужила более трёх десятков лет.

Он любил эту вещь. Корзина-то из того времени, когда Сергей Сергеевич был ещё молод. Тогда он, жена и сын были, казалось, единое целое. Ему в те годы так хотелось, чтобы их объединяла общая идея, заряженность на походы, на путешествия. На жизнь! И верилось, что так и будет...

Но... как-то всё не складывалось... а что и было, прошло...

Осталась холодная созерцательность и этот вяло текущий образ жизни в четырёх стенах.

После смерти Лизы отношения с сыном у Сергея Сергеевича теплее не стали...

Теперь раз в месяц сын бывал у него. Но так, по-дежурному...

Когда Сергей Сергеевич доставал корзину с балкона и ставил её в прихожей, Сима, склонив голову набок, наблюдала за хозяином. Указав пальцем на корзину, он, усмехнувшись, сказал:

— Дери на здоровье, чего уж там...

Говорил, а сам ещё был под впечатлением еле уловимого запаха ивняка, из которого была сплетена корзина. Этот запах он почувствовал, как только стал мыть корзину в ванной тёплой водой. Запах исходил тонкий, едва уловимый. И неповторимый, как всё, что было связано с прежней жизнью.

Он похмыкал, бодрясь, и попробовал переключиться в мыслях на другое.

* * *

Ему было непонятно, почему Сима жуёт вначале листья цветов на подоконнике, а потом у неё начинается рвота, и ему приходится за ней убирать. Сердился на неё. Называл любопытной дикаркой. Он не знал, что это не любопытство. Поступала она так для того, чтобы удалить из желудка шерсть, которая туда попадает при вылизывании.

Неизвестно ещё, кто больше делал для себя открытий с момента возникновения этого их союза — он или она?

Сима, например, деловито изучая новое своё жилище, проявляла себя порой совсем неожиданно. Ей зачем-то понадобилось погулять по полкам шкафа с фарфоровой и хрустальной посудой. Грациозно вышагивая, она не задела ни одной вещицы. Ей это понравилось.

То вдруг забралась на верх платяного шкафа и долго оттуда наблюдала за хозяином. Ему было неуютно себя чувствовать под прицелом её зелёных, изучающих сверху глаз, но он терпел. Когда она ловко и безбоязненно спрыгнула оттуда на подоконник, он невольно оценил это:

— Вот тарзанка!

И погладил её. А она будто этого и ждала. Самозабвенно замурлыкала.

...А как он был удивлён, когда выяснилось, что Сима любит слушать классическую музыку, особенно Моцарта!

— Откуда у тебя такое воспитание? Ты же с улицы, — недоумевал Сергей Сергеевич. — Или вы, кошки, все такие? Не знал...

Записи классической музыки он собирал давно. Теперь был рад, обнаружив родственную душу.

Глава 3. Нелегко быть послушной

Сима оказалась заядлым охотником. Она гонялась за каждой мухой и комаром, которые залетали в квартиру. Бывало, что настигала добычу. При этом делала головокружительные прыжки по комнате.

Если добыча от неё ускользала, она заглядывала в лицо хозяину, будто говорила: «Извини, не получается навести полный порядок. У меня же нет крыльев».

Порой ему казалось, что, отлавливая насекомых, она избавляется от посторонних, ревнует его к ним.

«Чудеса, — ворчал он, — не схожу ли я с ума?». Мягко улыбался и не бранил её. А она тёрлась около него. Поднявшись на задних лапах, обнимала ногу хозяина лапами и мелодично мурлыкала.

Когда Сергей Сергеевич садился за стол с газетой, она устраивалась на кресле рядом с ним. В такие минуты молчание продолжалось недолго. Сейчас, глядя на Симу близорукими грустными глазами, хозяин рассуждал:

— Я вот люблю тигровый окрас. Можно было бы сказать, Симочка, что ты тигрового окраса. Но этот оранжевый оттенок и совсем нет тёмных полос... Одним словом, ты — рыжая! Но как тебе идёт эта роскошная белая манишка! И белые чулочки на передних лапках! Ясно, что ты беспородная, но так элегантно сложена!

Он был прав. Перед ним сидело создание с изящным мускулистым телом, плотной короткой шерстью и стройными длинными ногами. А подушечки лап у неё цвета молочного шоколада!

Сима и во сне красива. Когда она спит, у неё подрагивают глаза, уши, лапы. То ли такой чуткий сон, то ли снится удачная охота...

А Сима смотрела на него прищуренными светящимися миндалевидными глазами, мурлыкала доверчиво, и ленивый взгляд её, казалось, говорил, что она согласна с любыми его определениями. Они её как бы не касаются. Сама знает, какая она! И ей этого достаточно.

А то вдруг смотрела на него округлившимися глазами в упор.

Будто говорила: «Неизвестно ещё, какой породы ты сам... Поживём — увидим...».

Или сворачивалась в клубок и выглядела расстроенной и озабоченной.

— Что ты грустная такая? Тебе стыдно за твоих блох? За то, что ты — беспородная? — спрашивал он вполне серьёзно, — выбрось из головы! Как ты такая уцелела? Где твои хитрость, коварство? Без них на улице нельзя! Всё ластишься да мурлычешь...

...Он отложил на левый край стола шуршащую, пахнущую свежей краской газету. Снова взглянул на Симу. Кошка смешно подёргала носом, ей непривычен был запах краски.

— Я скажу тебе по секрету одну вещь, только никому не говори, — Сергей Сергеевич слегка улыбнулся, — не смотри, что я такой важный. Это внешне. Родители — сельские. Всю жизнь учился да работал. А что толку? Щенок у жизни. Многое не могу, не понимаю. Многое упущено с детства. Семья и та не сложилась. Тебе одной только и можно пожаловаться... Вроде положительный весь, а что-то не так...

Он гладил её своими длинными чуткими пальцами, проводил ладонью по шее, спине.

— Сима, Сима... В моём детстве у родителей была кошка. У нас с женой не водились. Ей всё ни до кого было. Сама у себя на

первом плане. Я — вечно на работе. Когда? Пятнадцать лет был начальником большущего цеха. Только после шестидесяти перешёл в мастера. Вот и выходит, что попала ты к человеку, которому всегда было некогда ...

* * *

Однажды, ближе к вечеру, в квартире появился уверенный, весь в чёрном, широкоплечий и розовощёкий человек. Сергей Сергеевич называл его сыном.

Когда они разговаривали, сын несколько раз беспокойно выглянул в окно.

— Да никто не тронет твой «воронок», — усмехнулся хозяин.

Сима запрыгнула на подоконник и посмотрела во двор. Там стояла большая чёрная машина с затенёнными окнами. Утром её не было.

Этот человек с большими блестящими часами на руке сразу не понравился Симе. Он брал бесцеремонно её в кольцо больших рук и пытался заставить прыгнуть через этот барьер. Громко выкрикивал тонким лающим голосом:

— Оп, оп! Оп-она!

На третий раз она не выдержала. Нетерпеливо напряглась и начала крутить ушами. Затем быстро бросилась через барьер с выпущенными когтями, оцарапав ему кисть левой руки. Тут же выступила кровь.

Сима удалилась на кухню. Там она прохаживалась одна. Хвост её застыл в нижнем положении, что явно выдавало разочарование.

— А, чёрт! Она не бешеная? — суетился сын, рассматривая царапину.

— Ну, что ты говоришь? Сейчас я дам тебе йод, — успокаивал Сергей Сергеевич.

Самоуверенный «дрессировщик», обрабатывая ранку, возмущался:

— Ну, и к чему тебе эта дикарка? Её же многому надо обучать, она с улицы! Придётся её выгуливать. Запахи пойдут. Домашней кошке нужна особая пища. Когда и где тебе её брать?

— Ты знаешь, я поражён, — говорил Сергей Сергеевич. — Она пользуется унитазом. Фантастика! Я раньше от приятелей слышал о таком, но не ожидал... Видимо, её обучали в детстве.

Сын на слова отца не отвечал. Ему важнее, что он сам говорил. И, конечно, во многом был прав, утверждая, что «кошка — это не

собака», от неё нельзя ожидать «собачьего» поведения. В отличие от собак, кошек бесполезно заставлять полностью повиноваться. Они иначе устроены... Не выгонишь сразу — привыкнешь поневоле. Это как зараза.

И так далее, так далее...

— Шестой этаж! Не закроешь балкон — она вывалится, — убеждал Эдуард, — у моего друга так было. Забылась и бросилась за воробьём. Упала на асфальт. Лечил полгода. Сетку теперь на балконе соорудили. Зачем тебе эти хлопоты? — Он говорил громким голосом, будто извещал о надвигающейся катастрофе. — И потом, с твоим-то сердцем гулять по этажам?..

— Мы скоро с ней уедем в деревню. Там всё проще, — отвечал Сергей Сергеевич. — Там начнётся у нас с ней новая жизнь. Глядишь, насовсем останемся.

Сима не выходила из кухни, ждала, когда шумный гость исчезнет. А тот напоследок, нарочно топоча тяжело ногами, объявился в проёме кухонной двери, не на шутку напугав Симу.

— Попалась! — словно пролаял он. — Зачем на базаре кусалась?

Не видя возможности к отступлению, Сима выгнула дугой спину и прижала уши к голове. Послышалось её негодующее шипение.

— Смотри, она приготовилась нападать!

Гость притворно закрыл лицо руками и попятился назад.

— Вот это дикообраз! — Он неожиданно громко свистнул.

— Эдуард! Ну, когда ты повзрослеешь? Нельзя же так, — подал голос Сергей Сергеевич. — Так кого хочешь можно разозлить. У тебя закоренелая нелюбовь к животным. Это ненормально.

Когда сын Сергея Сергеевича ушёл, Сима преобразилась. Она вернулась в комнату к хозяину. Движения её стали мягкими, хвост поднят вверх, что означало явную радость. Вполне возможно, обрадовалась предстоящему отъезду в деревню. Но как она могла это почувствовать?..

...На следующее утро Сергей Сергеевич помогал Симе умываться. Поглаживая её, пробежал своими чуткими пальцами по её меху. Кошка сидела у него на коленях, сияющая. Расчёсывал он её пальцами, потом лёгкими движениями деревянного гребешка.

Сима выгибала спину, показывая, что ей приятно, а он потихоньку старался достать гребешком до самой кожи. Проверял пальцами: нет ли после прогулки во дворе комочков грязи, соринок.

Оба так быстро привыкли к этой процедуре, что проделывали теперь её ежедневно.

Глава 4. Жизнь в деревне

В деревню они приехали в середине июня.

Он любил это время года. Нравилось первое цветение шиповника, калины. Июнь — румянец года. Как не любить! В это время все летние птицы в сборе. Слушай и радуйся!

Луг и опушка леса в цветах. Белое, красное, васильковое! Родное раздолье дышит в полную грудь!

Сергей Сергеевич тихо радовался своей, как он говорил, отчине.

Радовалась и Сима.

Мир, в котором она оказалась, удивлял её на каждом шагу. Такого в городе она не видала. Здесь люди жили в небольших деревянных домах. На крышах домов были сооружения, похожие на те, в одну из которых она свалилась на кухню к Сергею Сергеевичу. Из них часто по утрам шёл дым.

Повсюду пахло съедобным, особенно молоком. Мычали коровы.

Людей было меньше. Не как в городе, но много кошек и собак. Коровы и лошади поразили её. Она впервые видела таких добрых и больших существ. Их любили. Это было заметно по всему.

Ей любопытно было стоять вечером у ворот, в то время, когда стадо коров возвращалось с выпаса. Коровы сильно пылили, но она не уходила до тех пор, пока не появлялся за стадом пастух. Этот человек был особенный: загорелый, усатый и в шляпе. За ним всегда с тихим шелестом тянулся длинный кнут, кнутовище висело на плече. Когда он пошевеливал кнутовищем, кнут извивался, как уж. Это Симу завораживало. Иногда пастух взмахивал кнутом и получался резкий неожиданный звук. Как выстрел! Такого она раньше не знала. При стаде всегда была большая лохматая дворняга. Пастух звал её просто: Собака!

Наверное, она была не очень злая, но, когда приближалась, Сима предусмотрительно уходила через штакетник в палисадник. И вела свои наблюдения оттуда.

Порой лохматый пёс подбегал к изгороди. И кошке делалось страшно. Хотелось быть невидимой. Она прижималась плотно к земле, уши загибала назад, притягивая их к голове. Вот-вот готова была задать стрекача, всегда зная, что в одном месте, если даже калитка во дворе закрыта, есть спасительное отверстие. Через него беспрепятственно можно удрать.

...Каждый раз одну и ту же пёструю корову соседка впускала к себе во двор. Чуть позже садилась около неё и упругие струйки молока начинали бить в большое светлое ведро.

Сима с интересом наблюдала.

— Ладно, ладно, — заметив кошку, говорила нараспев соседка, — достанется и тебе, раз любишь молочко-то. Вот придёт твой хозяин, налью литру.

Сима гуляла, как водится у кошек, всегда сама по себе, даже теперь, в новой обстановке. Дом хозяина и его сад она с первого дня посчитала личной территорией и потихоньку её обживала. Периодически обходила «свои» владения. И отмечала царапинами или мочой.

Дом с потемневшими наличниками, в котором она жила, Сима обследовала в первые дни после приезда. Обнюхала всё, что находилось на «её» территории: сарай, баньку, навес в дальнем углу двора.

В первый же день Сергей Сергеевич определил ей место. Небольшую тёмную овчинку он положил на закрытой верандочке, которую называл сенями.

— И света тут много, и пол неплохой. Холодно не будет. На улице-то лето! Не понравится, переберёшься в дом, не возражаю.

Симе понравилось. В стене веранды, внизу, у самого пола, было небольшое отверстие. Для неё в самый раз, а собаке не пролезть! Это она сразу отметила. Можно в любое время суток выходить на улицу и возвращаться обратно. Здорово!

...Сергей Сергеевич — человек вдумчивый. Он принёс от соседей прошлогоднего сена, поместил его в старую наволочку. Помял в руках, пробуя: не туго ли, не жёстко? Решил, что в самый раз, и положил подушечку на овчинку со стороны стены.

Она сидела и смотрела на его действия. Что-то соображала своим кошачьим умом.

Резкая смена обстановки не беспокоила её. Сима молода и любопытна. А вокруг столько интересного.

Неожиданно она обнаружила на «своём» пространстве в глухом уголке в конце озера щёголя удода. Расписные перья и задорный хохолок незнакомой птицы так её удивили, что она остановилась, как вкопанная. Уши её торчали вертикально, кончик хвоста непроизвольно шевелился. Опомнилась только, когда красавчик, не спеша, скрылся.

Возвращаясь в дом, она обошла стороной шиповный куст, около которого песчаные осы устроили своё гнездо. Сима накануне

наблюдала, как они ловят мух. Она видела, как в свою норку осы затащили большого паука. Потом следила за быстрыми щурками, которые гонялись за осами. Поймав, они уносили их в свои норки в обрывистом дальнем берегу озера.

Каждый тут промышлял по-своему. Там, где жила раньше, такого она не видела.

...Соседний дом справа был дряхлый. Окна заколочены крест-накрест досками. Там никто не жил. Кроме мышей в подполье.

А слева жили соседка с коровой, собака Цыган и самое главное: хозяин, похожий, как определила Сима вначале, на Эдуарда. Он в первый же день несколько раз назвал её Серафимой. Это было для неё непривычно. Сергей Сергеевич её так не называл. А когда сосед потрепал её за шею, а потом игриво слегка сжал там пальцы, послышалось рычанье.

— Сергеич, ты кошку или собаку привёз? Гордячка! — Голос у него был такой же тонкий, как у Эдуарда, неприятный, — рычит, как мой Цыган!

Он весь был сейчас похож на Эдуарда. Только не было у него на руке больших блестящих часов. И машина его была светлая и маленькая.

Сима вывернулась из цепких рук и выскочила во двор. Хвост у неё подрагивал. Сосед её рассердил.

...Утром Сергей Сергеевич вышел в сени. Сима просыпалась. Вальяжно потянулась, попеременно оттягивая то одну, то другую ногу. Зевнула, искоса посмотрев на хозяина. Лицо Сергея Сергеевича купалось в улыбке. Грациозно развернувшись, Сима начала умываться.

— Ну, видишь, как хорошо! Новый день — новые радости! Что нам ещё надо? — рассуждал вслух Сергей Сергеевич. — А на соседа не обижайся. Он грубоват, но настоящий. Не подведёт. У нас с тобой на донышке где-то завелась интеллигентность. А он — попроще.

Сергей Сергеевич старался, как мог, говорить мягко и ласково. Понял уже, что Сима ничего не делает просто так. Всему есть причины. Только вот не всегда они ему ясны...

Кошка умывалась и искоса поглядывала на него.

— Уйду, уйду сейчас. Не буду мешать! — И добавил, будто себе: — Помнится, мы договаривались, что ты должна быть доброй. Сима — значит добрая! Не забывай!

День начинался с приятного голоса хозяина. Симе от этого было уютно и спокойно.

* * *

Часто кошки и собаки не могут жить дружно.

Сима была совсем маленькой, когда оказалась в подвале, где ей пришлось обитать. Там она и познакомилась с таким же рыжим, как она, щенком. У него не было имени. Они росли вместе. Вместе добывали пищу. Охотились на мышей. Он, правда, больше мешал. Ловила она, иногда отдавала добычу ему. Щенок был немного шалопай, часто упускал мышь. Сима в таких случаях сердилась на него, но недолго. Нет, с собаками дружить можно! Смотря какая собака, конечно.

Поэтому Сима не испугалась, когда Сергей Сергеевич позвал её с собой к соседям, у которых жил Цыган. Цыган так Цыган!

* * *

Они вошли во двор соседей. Под навесом машины не было. Она стояла почему-то в сарайчике.

Сима прошла под навес, буйно укрытый и с боков, и сверху диким виноградом. Её влекло к себе тёмное пятно на бетонированном полу. Пока Сергей Сергеевич, остановившись на дорожке, разглядывал что-то на клумбе, она хотела было лизнуть приятно пахнущую жидкость.

Появившийся около сеней хозяин опередил:

— Не смей, Серафима! Это антифриз!

Его голос насторожил Симу. Она подняла голову. А сосед продолжал шуметь:

— Моя дурёха нализалась и померла. Это же химия! Сами делаем — сами мрём.

...Нельзя заставить кошку полюбить собаку. Это Сергей Сергеевич понимал. Но ему так хотелось, чтобы Цыган и Сима жили дружно.

Кошки и собаки говорят на разных языках. И это знал Сергей Сергеевич.

...Цыган был на цепи. Увидев это, Сима несколько успокоилась. И потом, посередине двора росло большое дерево, есть куда сигануть, если что...

Цыган с любопытством посматривал на Симу. Пёс не чувствовал к ней вражды. Он мог возбудиться, если бы Сима сама начала нервничать. Собаки часто становятся агрессивными, когда кошки удирают от них. Но Сима не суетилась. Спокойно шла за хозяином.

Вскоре все вчетвером: Сергей Сергеевич, сосед Дмитрий, Цыган и Сима стояли около сеней. Цыган вилял хвостом, он готов был дружить. А у Симы были вертикально поставлены уши. Ей хотя и было страшновато, но тоже любопытно... Сергей Сергеевич заметил это и, довольный, улыбнулся.

Два хозяина немного о чём-то поговорили меж собой, потом, позвав Симу, пошли в дом.

Цыган покорно остался у сеней сторожить...

Глава 5. Новость — так новость

Наступило время, когда Сергей Сергеевич уже не мог представить своё житьё-бытьё без Симы, без постоянного обмена с ней взглядами. Ему нравилось смотреть, как она, блаженно свернувшись в клубочек, дремлет на стареньком кресле. Он привык не сердиться на неё, когда кошка, играя, пряталась от него куда-нибудь под кровать и не появлялась оттуда, если даже, налив молока в металлическую миску, он звал её.

Иногда она внезапно прыгала ему на плечо, когда он проходил мимо старенькой белёной печки. Так она развлекалась. Он прощал ей эту шалость. Как прощают шалости своим внукам.

Внука у него не было. Сыну с ним было неинтересно, это он знал. Много ли оставалось у стареющего человека привязанностей...

Оказавшись в свои шестьдесят пять лет на пенсии, он вначале маялся без серьёзного дела. Потом за три с половиной года привык и к безденежью, и к одинокой жизни, и к болезням.

Не жаловался...

Самостоятельность Симиной натуры он уважал. Сима легко отзывалась на игру. А Сергей Сергеевич заметил, что взаимопонимание между ними быстрее возникает во время игры. Это стало для него очевидным.

«Они не говорят лишь от того, — размышлял он, — что, если бы начали это делать, им бы пришлось сказать, какие мы, люди, бываем глупыми. А им этого не хочется делать, к чему портить отношения?»

У Сергея Сергеевича в его семейной жизни, задолго до того, как не стало жены, а Эдуард захотел жить отдельно, не было того, что называют семейным очагом. Ему теперь приходила в голову мысль, что, если бы у них была кошка, то не случилось развала семьи: не ушла жена, не наступило бы такого отчуждения с сыном. Ведь не одна же его постоянная занятость всё это разруши-

ла? Чего-то не хватало такого в его семье, о чём сразу не скажешь. Какого-то цементирующего вещества, может быть. Того, что придаёт и крепость, и прелесть отношениям. «Не хватало душевности, — определил он запоздало. — Слишком я был деловит во всем и однозначен, ценил только масштабное».

Рассуждая так, он то соглашался с собой, то невольно качал головой: «Ты просто стареешь, вот и все дела».

А у Симы — свои заботы.

Сергей Сергеевич, как и большинство людей, заблуждался по поводу того, что все кошки очень любят молоко. Ничего подобного, Сима молоко не любила. А хозяин старался. Через каждые два дня обязательно ходил к соседям за молоком.

У Симы часто после того, как поест молока, было расстройство желудка, особенно, если ела тут же и мясо. Она отыскивала зелёную травку и щипала её, чтобы вызвать рвоту. Лечилась так.

Хозяин не мог понять, в чём дело.

Что-то её подталкивало, чтобы не отказываться от молока, но ела она его без охоты.

Помогал Симе справляться с молоком ёжик. Он проник однажды ночью со двора через то самое отверстие, которое служило Симе. Как потом оказалось, ёжик жил в подполье сеней. В том самом дальнем углу, куда Сима ещё не успела добраться и обследовать его.

Ёжик вёл себя на удивление уверенно. Он считал, очевидно, что сени или верандочка эта — его территория.

Пока она отвоёвывала, контролировала, метила свою территорию то мочой, то трением головы или хвоста, то царапаньем когтями, чтобы соседские кошки знали, где чьё владение, этот деловитый колючий комок с остренькой мордочкой, нарушая все кошачьи правила, разгуливал ночью, где хотел.

Сначала Сима вознегодовала. Но ёжик оказался добродушным и они быстро подружились. И даже было не обидно, когда он начал есть её молоко. Ёжик бегал ночью по полу, сильно топая, фыркал. Она просыпалась, но не серчала. Ей даже иногда становилось скучно, когда он не приходил. А однажды утром хозяин вышел и ёжик не испугался, не убежал.

— Ну, вот, давно мы не виделись! — обрадовался Сергей Сергеевич. — Где пропадал-то, господин Шварцнеггер?

Ёжик трогал своим чутким носом тапочки хозяина и издавал непривычные для Симы звуки. Оказывается, хозяин и ёжик были друзьями.

* * *

Днём, играя с Симой, Сергей Сергеевич обнаружил, что она беременна.

— Ничего себе, время действительно имеет свойство сжиматься. Так стремительно вершатся события. Не успеваю! Вприпрыжку бегу... — бормотал он, по-детски улыбаясь.

— Вот он, результат кошачьих концертов, которые вы в городе устраивали на крыше, — говорил он, — более месяца уже прошло, как ты свалилась в трубу. Верно... был конец мая, всё сходится...

Так открылось то, что сильно волновало Симу. Тайное стало явным.

— А я смотрю, ты стала какой-то другой, уж не заболела ли, думал, — он слегка нажал пальцами Симе на живот ещё раз. — Ну, да, легко прощупывается. У тебя соски стали розового цвета, а я в голову не взял... И есть ты стала побольше, я думал, от свежего деревенского воздуха.

Хозяин обрадовался новости. Сима это видела. И успокоилась. А Сергей Сергеевич все удивлялся:

— Вот почему ты прибилась ко мне в городе, а потом в деревню поехала — тебе рожать надо! Помощник необходим. Обстоятельная какая! Умница! Ценю... ценю... Этот наш союз не по расчёту, а по великому инстинкту...

И он многозначительно поднял на уровень лица руку с прямым указательным пальцем:

— Великому инстинкту!..

Глава 6. Старый да малый

Несмотря на теперешнее Симино положение, она была активна. Так много вокруг того, что она видела впервые.

...Совсем рядом с домом, за огородом, раскинулось круглое с песчаными берегами озеро. По берегам стоят высокие дубы. В дубраве всегда особый воздух. Свежий и острый.

Шуршание дубовой листвы под ногами и дробные постукивания дятла в кронах старых деревьев завораживают Симу. Она считает эту территорию своей и особо ревностно следит за теми, кто нарушает определённые ею границы.

* * *

На ежей, постоянно попадающихся тут, она не сердилась. Они такие забавные и деловитые! Впервые она увидела здесь насекомых с двумя парами сильных перепончатых крыльев, при помощи которых они летали. Да так быстро! Она видела, как они ловко ловили на лету добычу. Ей было интересно и завидно. У стрекоз большущие глаза. Это её тоже удивило.

Не могла она равнодушно смотреть на бабочек. Её завораживали и дневные, и ночные красавицы. Эти лёгкие создания почти одинаковые, только у ночных, в отличие от дневных, тела более толстые. Она гонялась за ними. Но безуспешно.

Более всего ей нравилась рыбалка на озере. Едва Сергей Сергеевич вечером начинал собираться удить рыбу, она с широко открытыми глазами и вертикально поставленными ушами начинала ходить за ним. Хвост её в это время был непременно поднят вверх. Радовалась тому, что предстояло.

Сергей Сергеевич и сам любил рыбалку. Он каждый раз садился на одно и то же место, там, где камыш примят и в песчаный берег воткнута ивовая рогулька, обросшая зелёными веточками. Карасики, сорожка, краснопёрка здесь прикормлены заранее, поэтому рыбалка почти всегда удачная.

Но ей вскоре оказалось мало быть просто наблюдающей. Там, где не было камыша, на небольшой песчаной косе, она стала охотиться на рыбок сама. И весьма успешно. Её терпеливое ожидание заканчивалось молниеносным броском. Сима ловко прижимала на мелководье зазевавшегося карасика или краснопёрку.

Урча, притаскивала добычу к хозяину, и он, растроганный тем, что она отдаёт ему пойманную рыбу, гладил её по спине. Показывал свою добычу в ведёрке с водой, приговаривая:

— Выбирай, какая на тебя глядит, кормись сама...

Она не торопилась выбирать, знала, что хозяин о ней никогда не забудет.

Часто можно было видеть весёлую картину: объединённые общей удачей на рыбалке, они дружно вышагивали от озера к дому. Оба довольные! В такие моменты над головой Сергея Сергеевича торчали бамбуковые удочки, над головой Симы — её весёлый рыжий хвост.

— Кажется, вас водой не разольёшь, — смеялся сосед Дмитрий, попавшийся им в дубняке со свежесрезанным банным веником. — Старый да малый.

— Такие вот мы! — за обоих отвечал Сергей Сергеевич. И его голубые, совсем не старые глаза за толстыми линзами очков, светились ясно, под стать июньскому небу.

* * *

Чуть правее колодца, над изгородью на длинной жердине возвышалась потемневшая старая скворечница с сучковатой рогулькой над крышей. Сима заметила, как хлопочут там скворцы со своим семейством. Вскоре наблюдать за скворцами ей стало скучно. Они летали, как заводные, в дальний конец огорода, добывали червей. Их трудно подкараулить, они порывистые.

Воробьи — другое дело. Они сидят обычно рядышком на земле, на ветках, на ограде.

...Всё-таки в этот день Сима настигла добычу.

Стоя у окна, Сергей Сергеевич хорошо видел, как это произошло. Утром он наблюдал, как она потешно охотилась за кузнечи-

ками, а потом...

Он увидел Симу около амбара. Она скользнула вдоль стены, прижимаясь животом к земле. Мелкими перебежками кошка добралась до ближайшего от цели укрытия — старой кошёлки. Цели её он не видел, но догадывался, что она, скорее всего, у корневища разросшегося винограда.

За своим укрытием Сима готовилась к атаке. Перебирая задними лапами и шевеля нетерпеливо кончиком хвоста, она ждала момента. Затем, прижав тело к земле, заскользила ближе к винограду. Когда расстояние сократилось до одного прыжка, поджав передние лапы, она прыгнула. В её лапах оказалась мышь.

То ли так случайно получилось или таков кошкин приём, но мышь оказалась вновь на свободе. Серой тенью бедняжка метнулась в сторону, Сима в броске успела, играючи, легко схватить её. Почти тигровая окраска Симы, уверенность движений — всё напоминало грозного хищника, на какой-то момент оказавшегося миниатюрной кошечкой.

Сергей Сергеевич был изумлён. Оказывается, у Симы двойной образ жизни. В доме она внимательная, ласковая и отзывчивая, а на воле — опытный независимый хищник. Осторожный и уверенный. И ведёт себя, будто у неё нет никакого хозяина...

Чуть позже с удовлетворением подумал: «Вот так, если оставить её одну, когда необходимо будет куда-то уехать — не пропадёт! Молодчина!».

Глава 7. Разговоры о жизни

Разговоры с Симой стали для Сергея Сергеевича ежедневной потребностью.

— Что, Сима, так смотришь на меня? Много сижу за столом? Не могу без чтения.

Он начинал поглаживать Симу по спине. Она мурлыкала под его чуткими пальцами. В такие минуты между ними возникала особая связь, для которой слов не подобрать.

Сима сидела на левом краю письменного стола и внимательно слушала. Она испытывала состояние полного душевного комфорта, о чём свидетельствовал её послушный хвост, обёрнутый вокруг тела.

— Знаешь ли ты, моя дорогая, отчего у нас, у людей, беды? —

хозяин покрутил в руках очки и в упор посмотрел на Симу.

Глаза её тут же округлились. Она внимательно слушала.

Он не выдержал её взгляда. Ему показалось, что вся живая и неживая природа смотрит на него золотисто-зеленоватыми Симиними глазами и ждёт.

— От того, что нет у нас порядка в общем доме. Мы вышли из чьего-то повиновения и, как малые дети, многое натворили своим незрелым умом. Это я теперь начинаю понимать.

Сима грациозно зевнула.

Он положил ладонь на газету.

— Наш чрезвычайный министр Сергей Шойгу — молодец. В своём докладе на год заранее сказал, что с нами будет. Какие аварии ждут. Хотя бы так нас образумить. Всё то, что может случиться — дело наших рук.

Он потянул из-под Симы газету, кошка передвинулась. Потом и вовсе спрыгнула на пол, нехотя пошла к креслу. Ей нравилось сидеть на газетах. Эта её привязанность была непонятна Сергею Сергеевичу. Он всё полагал, что когда-нибудь дознается, в чём причина.

Сима будто чувствовала важность того, что говорил хозяин. Она не ушла, а улеглась на кресло и стала смотреть на Сергея Сергеевича. Не зевала.

Он продолжал:

— Мы все больше и больше отрываемся от природы. Но мы же часть её?!

Сергей Сергеевич в последнее время много думал о том, что сейчас говорил, поэтому повторялся. Он и без Симы разговаривал вслух. Сам с собой. Это помогало думать.

Теперь, монотонно говоря с Симой, споткнулся о мысль: «Как Рубцов пронзительно чувствовал, откуда мы все вышли!».

Он дотянулся рукой до книжной полки. Достал небольшой красный томик стихов, который приобрёл перед отъездом из города. Быстро нашёл запомнившиеся строки. Негромко задумчиво прочитал:

С каждой избою и тучею,
С громом, готовым упасть,
Чувствую самую жгучую,
Самую кровную связь.

— Поэт не просто так сказал. Он, как и Есенин, — Божья дудка!

Кошка молча наблюдала за хозяином. Сергей Сергеевич уже привык к её изучающему взгляду.

— Странно тебе, почему я раньше об этом не думал? Не знаю. Дела вершил! Как белка в колесе... Стихи читал только в юности... Да вот теперь — на пенсии.

Он поднял вверх над головой очки. Взгляд Симы последовал за рукой с очками. Сергей Сергеевич встал. Кошка спрыгнула с кресла и потянулась.

— Пора спать, — сказал он и пошёл открывать ей дверь.

Видно было, что Сергей Сергеевич хотел сказать что-то другое, но передумал.

Сима последовала за ним.

Не в первый раз ему показалось, будто общается он не с животным, а с человеком.

Глава 8. Обида

Не всегда между Симой и Сергей Сергеевичем устанавливалось единодушие.

Утром, когда он готовил себе завтрак, она появилась на пороге с мёртвой синицей. Такого он не ожидал.

— Ах, ты, проказница. Что же ты делаешь? Тебе не хватает еды?

Он не знал, что ещё говорить.

Сима положила синицу на пол и выжидательно смотрела на хозяина. Ей непонятно, почему он недоволен.

— Чтобы это было в последний раз! Ты же мышиный лев! Вот и громи серых!

Сергей Сергеевич ладошкой слегка пошлёпал кошку по мордочке, так, для порядка. И строго посмотрел ей в глаза. Сима не понимала его и не чувствовала за собой никакой вины.

Она так любила подолгу подкрадываться, наблюдать за добычей. В ней жил охотничий инстинкт. Была она совсем ещё молодая, ей нравилось играть. И охота для неё — часть игры.

Симе было не понятно, почему её хозяин, Сергей Сергеевич, сам не ловит синиц? Она принесла пойманную птицу, чтобы он оценил её подарок.

— Если не прекратишь ловить птиц, — говорил между тем Сергей Сергеевич, — то повешу тебе на шею колокольчик. Не сможешь тогда охотиться даже на мышей, поняла?

Ничего Сима не поняла. Потопталась на месте, села и, как ему показалось, высокомерно отвернулась.

— А вот этого делать не надо бы. Ты же не глупая, я знаю, — говорил с лёгкой насмешкой хозяин.

Голос Сергея Сергеевича стал ещё строже:

— Больно ранимая. Так нельзя!

Сима, ощущая уже угрозу, насторожилась. Её пугал пристальный взгляд Сергея Сергеевича. Возникало желание укрыться от этого взгляда, не видеть его. Она потому и отвернулась, что не могла смотреть в не дружелюбное сейчас лицо. А он воспринял это по-своему. Кошка вышла в сени. Мёртвая синица осталась лежать у порога.

Сима легла на свою подстилку. Широко раскрытыми глазами смотрела прямо перед собой. Ударив пару раз лапой с выпущенными когтями о пол, наконец, успокоилась. Закрыла глаза.

«Что же мне с тобой делать? — раздумывал тем временем Сергей Сергеевич, доедая яичницу. — Охотилась бы только на мышей, и все дела...»

Дверь в сени оставалась открытой и он говорил, зная, что она его слышит:

— Вы, сударыня, существо независимое, конечно... Что вам мои замечания?..

Он ещё что-то говорил. Но она уже не слушала его. Не понимала его иронии. Она не умела возражать, устраивать сцены. Сима — кошка. Если ей не по нутру что-то, то она просто отворачивалась, как сейчас. Лгать не в её характере.

...Ворчать-то Сергей Сергеевич ворчал, но помнил: с того момента, как появилась Сима в его жизни, ему стало легче жить. Его сердце, не раз основательно дававшее о себе знать, теперь болело реже.

...Если бы он ведал, как непросто было Симе.

...Оказавшись совсем маленькой на улице и начав жить самостоятельно по подвалам, Сима многого лишилась из того, что могло быть в её характере изначально, что устанавливается в общении между людьми и котёнком.

Но она была теперь взрослая. И постигала многое заново, вдогонку. Словно училась в вечерней школе, как это бывает у людей.

Глава 9. Очаровательные глазки

Симе нравился этот человек. Когда он приходил к Сергею Сергеевичу, ей становилось веселее.

Хозяина он звал, как все местные, коротко, Сергеичем. Будем и мы его так называть.

Ожидая от гостя ласки, Сима опрокидывалась на спину, откидывала передние лапы, оставляя их повисшими в воздухе. Это — приглашение погладить ей брюшко. Очаровательные глазки, так чаще всего звали гостя, безоговорочно отзывался на это.

Своё прозвище он получил давным-давно. Наградили его им, похоже, с усмешкой. Каким он был в молодости, теперь уже мало кто помнил. Сейчас он старик. Брови у него косматые, а глаза усталые и серые. Но какие песни за ним тянутся...

Между гостем и кошкой быстро возникало радостное взаимопонимание. В эти моменты глаза её обычно полуприкрыты. Такими они становились и у гостя.

В первый же свой приход он галантно рассыпался перед Симой в комплиментах и спел для неё свою любимую песенку. Подобного в Симиной жизни ещё не было.

Очаровательные глазки,
Очаровали вы меня...

Голос у него, когда он пел, становился совсем молодым. Негромкий, выразительный, обволакивающий...

Теперь, при появлении в их доме такого гостя, она ждала, когда он снимет со стены старенькую гитару и запоёт. Гитара, когда не было гостя, висела на стене около голландки и тоже скучала. Очаровательные глазки, в отличие от хозяина, курил. Особенно неприятно пахли его пальцы, но Сима прощала ему это.

Хозяин дома и гость — одноклассники. Их родители жили раньше в этой деревушке по соседству. Это иногда так много для людей значит. К тому же, Фадеич долгое время преподавал, учил ребят истории в школе. Было о чём этим двум хорошим людям поговорить, Сима им не мешала. Притом, ещё давным-давно, в молодости, Фадеич был ветеринаром. Он любил животных.

Она всегда перед его приходом теперь умывалась и приглаживалась.

Но вот беда: старинные приятели часто говорили о чём-то серьёзном и тогда Симе становилось скучновато.

— Нет, Серая Шейка, — держа чашку чая в ладони, говорил гость, — ничего уже не вернёшь. Никакой слитности с природой у человека теперь быть не может. Жили мы в младенчестве язычниками, теперь выросли.

— Но не поумнели, — вставил тихо, но внятно Сергеич.

— Это, скорее всего, верно.

Его большие и чёрные брови шевелились. Сима стала за ними наблюдать. Ей было забавно. Брови полезли вверх, на лоб. И их хозяин почти выкрикнул.

— Человека надо ниспровергнуть с пьедестала, на который он забрался, возомнив себя царём природы.

Сима даже вздрогнула при последних звуках. Так они были произнесены, жёстко и громко.

Сергеич молчал. Сима смотрела на него, будто спрашивала: что же ты не отвечаешь, не можешь?..

— Приглашают в школу вновь начать преподавать, — говорил тем временем Фадеич. — Я должен детям нести разумное и доброе. А я этого уже не могу. Мне хочется кричать! — брови у Фадеича легли туда, где им положено быть.

Он замолчал, но ненадолго. Сказал, как пожаловался:

— А разумно ли кричать детям? И такое? Ведь им жить надо! Как и мне! После моего инсульта года не прошло...

Похоже, в его окружении мало кто мог слушать старика долго и он приходил выговориться к своему приятелю Мамину.

Не дождавшись ответа, вновь спросил:

— А если детишки не будут знать с ранних лет об этом, какими они вырастут?

Сима вышла в сени.

— Поостынь, — спокойно сказал Сергеич, провожая взглядом Симу. — В тебе большое нетерпение. Не зря мы тебя в школе Утюгом звали.

— Меня за другое так звали, — по-мальчишески запальчиво проговорил Фадеич.

— Ну... Николай, не сердись, — улыбнулся Мамин. И продолжил: — Всё человечество копило то, о чём ты говоришь. А ты хочешь в одночасье, один всё разом решить, всех образумить? Я думаю, человек повернётся лицом к природе, настанет такое время.

— Настанет ли? — покачал головой Фадеич.

Вошла Сима и села на пороге.

Гитара по-прежнему висела на стене. Сима зевнула. Она спокойно смотрела, как гость, задев на столе локтем чашку, опрокинул её и намочил рукав фланелевой рубашки.

Очевидно, он вспомнил свою первую профессию. Спросил неожиданно:

— Ведомо ли тебе, умная твоя голова, как крепко можно приручить кошку к себе?

— Я и так о ней забочусь.

— А она? — переспросил гость.

— То целыми днями около меня, в глаза заглядывает. А то вдруг надолго пропадает. Где носит её?

— А ты попробуй одно средство.

— Что за средство такое?

— Испытанное. Возьми кусочек мяса, подержи его у себя под мышкой и пусть потом она его съест. Всё! Кошка как присохнет к тебе.

— Ну, вот, буду я ещё ворожить. На старости лет-то, — буркнул Сергеич, ставя Симину миску на порог.

Наблюдая за Симой, его приятель удивился:

— Послушай, в первый раз вижу, чтобы кошка ела чеснок!

— Она ещё и горчицу ест.

— Что?

— А вот то! Мы такие, да, Сима?

— А знаешь ли ты, дружище, учёные установили, что на подушечках лап твоя кошка, как и все, имеет потовые железы. Есть они у неё ещё на щеках, губах, вокруг сосков. И через лапы кошки получают нужную им информацию. Грязь и вода на лапах воспринимаются ими как помеха. Кошка очищает постоянно свои лапки, отряхивает их или облизывает...

Николай Фадеевеич говорил так, а Сима в это время, оставив миску, тёрлась о ногу гостя и старалась заглянуть в лицо.

— Ну, достаточно пометила? — довольно спросил он.

— Что ты у неё спрашиваешь?

— Так она же нанесла на меня свои метки. У неё специальные железы расположены по обе стороны лба, между ушами и глазами. Есть такие же вокруг губ, на хвосте. Я ей понравился. Она потёрлась и отметила меня. Не в первый раз. Это знак привязанности. Теперь я — часть её территории!

Он одобрительно смотрел на Симу:

— Вот ведь, практической пользы от кошек никакой. Но пра-

вы англичане, считая, что Бог создал кошку, чтобы человек мог наблюдать красоту в чистом виде. И заметь: кошки не обманывают. Дурных примеров с людей не берут!

Он так говорил, а Сима всё тёрлась около его ног и ждала, когда же он снимет со стены гитару и запоёт. Ей так нравилась песня про очаровательные глазки...

Глава 10. Пополнение семейства

Наступила середина июля. Многие птицы в хлопотах, надо поднимать на крыло своих птенцов. У Симы свои заботы. Последние три дня она отказывалась от еды. Живот её за неделю заметно увеличился.

Очаровательные глазки легко прощупал у неё три головки котят.

Сима, не обращая никакого внимания на своих помощников, искала место, где можно устроить гнездо.

— Это обычные всё дела, — успокаивал Очаровательные глазки и Симу, и приятеля. — Не надо волноваться. И гнездо мы определим, не суетитесь.

Сергеич отыскал деревянный ящичек на чердаке и, довольный, водрузил его в сенях под широкую лавку. На дно его положил подстилку.

Бывший ветеринар одобрил его действия.

— Некоторые кошки «стесняются» присутствия человека, — пояснял он, — а некоторые, наоборот, в таких случаях рады тому, чтобы кто-то был рядом. Посмотрим, как Сима поведёт себя.

Гнездо получилось уютное и безопасное. Ящик отгораживал Симу своими прочными деревянными боковинами со всех сторон. Сверху — широченная лавка. На неё Сергеич набросил старенькую ватную куртку. Свисая, она скрывала от посторонних глаз и Симу, и ящик.

Симе понравилось гнездо.

Она перестала бегать по комнате в поисках нового места.

* * *

Через неделю Сима сделалась отрешённой и притихла... Забралась в ящик и будто пропала, забыла про всех.

...Утром Сергеич обнаружил около Симы в ящике трёх котят.

Всё прошло пока, как авторитетно заверил пришедший Николай Фадеевич, без каких-либо осложнений.

Спокойное поведение Симы подтверждало это. Она деловито заканчивала вылизывать последнего — серого, с белыми мордочкой и лапами котёнка. У появившихся ранее и отчаянно рыжих шёрстка была уже сухой.

* * *

И начался у Симы и её хозяина новый, особый порядок отсчёта времени, который связан был теперь с ростом котят.

...Уже через две недели у них раскрылись уши. Открылись и глаза, но пока незрячие. Прошла ещё неделя и котята стали видеть. У всех новорождённых глаза были до своего срока одинакового цвета — голубые. Когда наступила третья неделя, котята начали пробовать коровье молоко.

Теперь Сергеич называл свои неказистые сени «рыжим общежитием». Примерно через месяц после рождения у котят прорезались зубки. Ему нравились все котята, но особенно последний, тот, который был не похож на всех, не рыжий. Трогательная белоснежная окраска мордочки ниже глаз, передней части туловища и всех четырёх лап сильно выделяла его из остальных.

И сама Сима, как заметил он, чаще всего занималась именно им. Он был менее, чем остальные, подвижен. Но его манера поведения была особенно трогательна и забавна... С первого же утра он получил от Сергеича имя Малыш.

Остальным хозяин пока имена не придумал. Звал временно Рыжиками.

У Малыша он отметил своеобразные чёрточки характера: тот каждый раз припадал только к одному материнскому соску. Он реже нападал в общих играх на собрата с укусами. Чаще набрасывался на хвост своей матери, которым она, слегка подёргивая, возбуждала любопытство своих детёнышей. Сима заботилась о закреплении охотничьего инстинкта любимых чад... Все трое оказались большими любителями приключений. Просыпаясь поутру полными сил и веселья, они готовы были потрогать всё, что окружало их.

* * *

Вскоре они уже затевали игры, вовлекая в них и мать. Сима охотно откликалась на шумные затеи. Как маленькие дети, котята

не могли оставаться без активного внимания Сергеича. Наблюдая, порой, при игре с ними за непрерывной сменой выражения их мордашек, он радовался, как ребёнок.

«Мудрость жизни состоит в наблюдении того, как растут дети», — вспомнил теперь Сергеич когда-то услышанную фразу.

Раньше он не очень задумывался над ней. Воспитание его приёмного сына проходило с такими зигзагами, что он мало что из этого вынес. Теперь же в кошачьем окружении он видел всё будто другими глазами.

Радостно было не только от факта владения этим шумным жизнелюбивым сообществом. Тихая радость теперь исходила от ощущения непобедимости и нескончаемости жизни, невзирая на все болячки, старость, неверие, заумные рассуждения и прорицания...

...Отныне у него в специальном ящичке образовался целый арсенал приспособлений для игры с котятами. Появились там клубок пряжи и теннисный мяч, и привязанная на длинную нитку варежка...

Едва он входил в сени, сразу оказывался в окружении своих питомцев с высоко поднятыми хвостами.

Он баловал котят. Вносил разлад в педагогический процесс Симы. Если котята позволяли себе излишнюю назойливость, Сима могла запросто дать им оплеуху. Надо знать своё место! У Сергеича на подобное рука не поднималась. Он оставлял за ней такое право. Она — мать!

Когда он видел, как Сима убегает на озеро и приносит для котят добытую крохотную плотичку или сорожку, он восхищался её материнской самоотверженностью. Поражался тому, сколько у неё забот, а она ищет себе новые.

* * *

Было одно обстоятельство, которое вначале сильно беспокоило Симу. В широкой половой доске, прямо около ящика, темнело небольшое, с мышиную головку, отверстие.

...В первый раз, когда из этого отверстия послышался лёгкий шелест, она подумала, что это ёжик, который куда-то пропал и давно не появлялся.

...Сима не поняла, как это случилось. Не видела, как он оказался рядом. Не почувствовала, как вместе с её котятами, приложившись к соску, начал сосать молоко. Это был большой, уверенный

и спокойный в движениях уж. Ужей она никогда не видела. Сима оцепенела от страха. А гость спокойно продолжал своё дело. Когда насытился, не спеша удалился. Так повторилось несколько раз. В последующие появления ночного гостя её уже так не трясло.

Потихоньку она, кажется, начала привыкать к его посещениям...

Глава 11. Беда

Раньше, когда появлялся сын хозяина Эдуард, Сима уходила из дома и, пока он не уезжал, не возвращалась. С тех пор, как родились котята, при его появлении забивалась в свой ящик. Не выходила сама и старалась не отпускать детенышей. Чувствовала опасность.

На этот раз он приехал, когда Сергеич ушёл в магазин за продуктами. И Сима была в отлучке. Эдуард решил сделать то, что давно задумал...

Обнаружив со двора дверь в сени закрытой, Сима сразу почувствовала недоброе. Она метнулась к лазу, которым всегда пользовалась. Он был закрыт изнутри курткой. Она заметалась вдоль стены дома и, приметив не закрытой на шпингалет створку окна, передними лапами надавила на стекло. Молнией сверкнула через кухню в сени. В ящике был один Малыш. Рыжиков не оказалось. Она выскочила через окно во двор.

...Эдуард шёл с шевелящимся мешком к пруду. Дико зарычав, она бросилась к нему. Он мотнул ногой, Сима отскочила в сторону. Потом вновь приблизилась. Она хотела вцепиться в толстый, пахнущий машиной его ботинок. Он схватил подвернувшуюся увесистую железку и замахнулся. Сима отстала. Шла за ним мелким кустарником, не чувствуя, как выдирается с боков шерсть.

У воды он завязал мешок узлом, сделав перед этим два отверстия для выхода воздуха. Потом мешок прицепил к железке. Размахнулся обеими руками деловито, не спеша... После, глядя, как расходятся широкие круги на воде, молвил с кривой усмешкой:

— Всем облегчение теперь! А то зверинец развёл. Сам за собой уж не в силах... а тут... Ракам хороший подарочек...

Когда она приплелась в дом, отец и сын разговаривали на кухне. Дверь была открыта.

— Хватит тебе и одного, куда? Сам же говорил, не знаешь, что с ними делать.

— Да, но не так же? — необычно глухим голосом отвечал Сергеич. — Благодетель...

— А как, если у всех тут по две-три кошки? Никому они не нужны. Я сделал обычное дело, на которое ты, конечно, не решился бы. Ты у нас тонкая натура... Но в деревнях всегда котят топят.

— Мне на тебя тошно смотреть!.. Не понимаешь, в какое время живёшь, не ведаешь, что творишь. И по ней, и по мне хлестанул, — голос Сергеича стал ещё глуше.

— Опять двадцать пять. Мне что? В город, что ли, их везти усыплять. А разница? Всё равно каюк!

Сима, пошатываясь, ходила вдоль стены. Слушала такие разные голоса. Потом забилась под лавку около ящика. Легла там, устремив взгляд на дверь, откуда должен был появиться этот редкий и страшный гость. Гнев и раздражение распирали её. Порой из-под лавки доносилось прерывистое завывание.

Отныне неприязнь к Эдуарду в ней закрепилась во сто крат сильнее, чем прежде. Как все кошки, Сима не умела забывать обиды...

Народная библиотека Самарской губернии

* * *

Тихий и настойчивый уж продолжал по ночам навещать Симу. Тёмной, еле слышной лентой шелестел около неё. Она привыкла к нему. С тех пор, как не стало её огненно-рыжих котят, когда он прикладывался к её соскам, ей становилось даже легче. Но и ужа вскоре не стало.

...Деловитый ёжик появился после своей долгой отлучки. И подкараулил ужа. Он был опытным охотником.

* * *

Иногда наведывался Очаровательные глазки. Бодрился, пробовал шутить. Надолго его на такое не хватало. Он в последнее время начал быстро терять зрение. Это его печалило.

— Послушай, твоя Сима и ты становитесь похожи друг на друга, — говорил он. — У неё походка твоя стала, нетвёрдая. И даже взгляд твой. Не веришь? Подобное с животными бывает...

— Фантазируешь? — отвечал негромко Сергеич. — Тогда почему твой бык-полуторник не похож на тебя? Хвост пистолетом, а ты?

— Наверное, потому, что он не Сима, — гнул своё Фадеич.

Сергеич теперь частенько ложился на старенький диван. Побаливало сердце.

А Сима каждый день бегала к озеру. Часто можно было её видеть за огородами между могучих дубов. Казалась она там, среди деревьев, теперь маленькой и беззащитной. Как её сгинувшие Рыжики. Теперь, после исчезновения котят, она часто подходила к хозяину, глядела ему в лицо, искала его взгляд. Будто хотела что-то сказать. О себе ли? О нём ли?

А Сергеич всё реже поднимался с постели. Часто клал в рот под язык круглую белую таблетку.

Она вяло смотрела на синиц, порхающих за окном. В былые времена Сима садилась на подоконник и наблюдала за добычей. Уголки губ у неё тогда оттягивались назад. Челюсти смыкались, получались ритмичные звуки — так выражалась её разочарованность по поводу недосягаемости птиц.

Теперь ей было не до них. Он заметил, что она старается своего единственного Малыша надолго одного не оставлять. Берёт беднягу за шкирку и перетаскивает с места на место за собой. А тот меланхолично повинуется.

— Что ты так привередлива? — говорил он будто сам себе. — Боишься и последнего потерять? Бедная.

Сегодня повторилось обычное. Сергеич включил старенький телевизор «Горизонт» и прилёг на диван.

Сима с Малышом пристроились рядом под столом. Дружная поредевшая семейка коротала летний долгий вечер.

Через некоторое время Симу стало что-то беспокоить. Она как бы очнулась от спячки, вышла из-под стола. Прислушиваясь, стала разглядывать чёрно-белый экран. Потом, схватив за шиворот Малыша, подтащила его к закрытой двери. Стала тревожно мяукать. Вначале Сергеич не обратил на это серьёзного внимания. Слишком уж часто теперь Сима перемещала своего дитятю с одного места на другое.

Просьба выпустить повторилась. Он нехотя, с трудом встал и толкнул дверь. В это-то время у старенького телевизора и взорвался кинескоп. Хозяин в первый момент подумал, что кто-то разбил оконное стекло. А вскоре уже собирал осколки экрана телевизора. И не только с пола. На диване, с которого только что встал, их оказалась большая часть. Выходит, Сима спасала от неприятностей не только себя и своё чадо, но и своего хозяина.

Глава 12. Текущий момент

— Хотите, я вам анекдотец расскажу? Про вас! — обнимая правой рукой лаковую стать гитары, произнёс Очаровательные глазки.

— Валяй, — согласился Сергеич.

— Это вместо таблеток, — успокоил гость. — Веселее будет. Он древний, но забавный.

Однажды решил Лев съесть Кошку. А она опередила. Пригласила его к себе домой в гости. Придя к ней и увидев человека, Лев спросил: «А это кто такой?» — «Это — человек, мой слуга. Он мне пить приносит, еду...» — «Если у неё такой сильный слуга, то какова она?» — удивился Лев. И потихоньку удалился с глаз долой.

...Так что, Сергеич, дорогой, ты ей не хозяин. В слугах у неё ходишь, — нажимал гость.

— Верно, в слугах, — согласился Сергеич. — Но только я ей помощник никудышный. Беду в своём доме допустил. Она вся испереживалась после страшной утраты. Похудела. Ну, дай Бог, отойдёт, может. Я так болею за неё.

Весёлости анекдот не добавил, Сергеич размышлял вслух:

— Я вот гляжу теперь на Симу и готов почти согласиться с тобой. Человек может добить природу. Как жить тогда?

— Придётся переселяться на другие планеты. Одну загадили... Не нам, конечно. Мы с тобой не долетим, рассыплемся. Одна космическая пыль от нас останется, — отозвался его приятель.

Однако Сергеич настроен на серьёзный разговор:

— Бегство в космос? Бред! — внятно проговорил он.— Ни одна планета во Вселенной не заменит человеку Землю. Где ещё есть такая дубрава, как здесь, у нас? Где найдёшь такое озерцо, как наше Дубовое. Там, где-то в космосе, будем уже не мы, наши слепки!

Очаровательные глазки не перебивал своего приятеля, слушал.

— «И на Марсе будут яблони цвести» — пели? Ведь так?! Заблуждение! Не будут! Надо сохранить цветущими сады на Земле. Но как сделать, чтобы молодые всё это сейчас поняли, а не когда окажутся в моём возрасте, через пятьдесят лет? Тебе в школу надо всё-таки вернуться. Ты здесь единственный, кто может хоть что-то сделать.

— Моя благоверная, Клавдия, всё говорит о каре, которая нас всех постигнет. — Сказав так, Очаровательные глазки подошёл к окну. Задумчиво посмотрел во двор. И негромко произнёс: — Я не ведаю, как погибнет мир. Как меня не станет — знаю. Мой инсульт всегда со мной...

Сергеич слегка взмахнул рукой:

— Николай, будет тебе... Поскрипишь ещё...

— Попробуем, — отозвался приятель.

И продолжил свои рассуждения вслух:

— Я где-то читал: «Смерть человека — это как выход из трамвая. Сойдёшь на своей остановке и заметят это только те, кого толкнул либо кому уступил место...». Торопиться надо в добрых делах.

— Что это у тебя торчит блестящее из кармана, всё не спрошу? — спросил Сергеич.

— Перехожу, как теперь модно говорить, на оргтехнику. — Он вынул и показал внушительную лупу в полиэтиленовой светлой оправе. — Зачастил в райцентр. Оформляю инвалидность по зрению. Решился. Льготные лекарства буду получать. Один глаз совсем почти вышел из строя, другой на тридцать процентов всего видит...

...Но поживу... Другие-то живут. Такова задачка на текущий момент. Помнишь, как говорилось в одном неплохом советском романе: «Надо было жить и исполнять свои обязанности».

На моём языке это звучит теперь так: «Надо отрабатывать свою пенсию»... Хоть и с гулькин нос она...

Глава 13. Предательство

Сегодня опять возник в доме Сергеича Эдуард. И объявил новость:

— Отец, я перебираюсь за границу, в Чехию. Хотя ты всегда был против.

— Совсем? — не удивившись, спросил Сергеич.

Эдуард стоял лицом к окну, делая вид, что ему гораздо интереснее происходящее во дворе, а не в этой низенькой с потемневшими обоями комнатке.

— У меня договорённость с фирмой на год. Потом видно будет. Хочу остаться.

— Не пропасть бы тебе там, чужая сторона...

— Это тут бояться надо. У нас бедлам. В этой стране долго порядка не будет.

— В этой? — как эхо, повторил отец.

— Не будем придираться к словам. Спорить не хочу. Наговорились с тобой об этом. Нахлебался... Дожидаться старости такой, как твоя здесь, не хочу.

— Так, значит?..

— Да, приехал проститься. Квартиру я оставляю знакомому, машину — тоже.

— Что ж, вольному воля, — только и сказал Сергеич.

Они ещё потом говорили. Но недолго.

— Значит я теперь совсем один, — не удержался Сергеич. Голос его дрогнул.

— Ладно, отец! Ты всегда был независимым. Не прибедняйся. Вон, Сима с тобой. Затаилась в сенях, только и ждёт, чтобы я слинял.

Заслышав своё имя, Сима ещё больше забеспокоилась. Хвост её застыл внизу у пола.

— Когда уезжаешь?

— Намеренно не говорил, чтоб не волновать. Через два дня самолёт из Шереметьева, завтра отчалю в белокаменную.

Эдуард с напускной весёлостью подал руку. Сергеич медленно протянул свою. Когда гость выходил из дома в сени, видел, как Сима припала к полу. Голова её опущена, глаза расширились. Издав горловой звук, похожий на вой, она готова была к нападению.

— Чёртово отродье, — визгливо выкрикнул розовощекий и поторопился на улицу.

* * *

Ночью Сима спала неспокойно. Слышала, как ворочался в кровати хозяин.

Утром Сергеич не встал с постели. Поднялся только в полдень. Вышел потихоньку во двор. Сосед оказался дома. Сергеич подошёл к забору, тихо позвал... Сима тёрлась около его ног.

Пока шёл сосед, хозяина пронзила резкая боль за грудиной. Он побледнел ещё больше, слабеющими руками стал хвататься за узкий штакетник...

* * *

На своей дребезжащей машине сосед увёз Сергеича в город. Вернувшись уже совсем вечером один, зашёл, гремя ключами, в сени, положил рядом с ящиком кусок докторской колбасы:

— Теперь недели на две я ваш и кормилец, и поилец, — тихо, не как всегда, сказал он.

Такой его голос ещё больше насторожил Симу.

Глава 14. Тоска

Прошла неделя с той поры, как не стало в доме хозяина. Сосед каждый день приносил еду. Но не еда волновала Симу. Она тосковала. Отсутствие хозяина не давало ей покоя.

Сима перестала по утрам умываться, хотя так любила это делать. Перестала охотиться, даже на рыбок. Она теперь не ходила на озеро. Она привыкла, что хозяин с удовольствием помогал ей наводить порядок. Помогал избавляться от выпавших волос. Всегда начинал с поглаживания, пробегал пальцами по её меху, пригласив к себе на колени.

Теперь ничего этого не было.

«Надо ждать», — слышала она, когда забегала к соседу во двор и старалась оказаться у него на пути.

Сосед Дмитрий куда-то всегда торопился. То что-то привозил, то увозил на своей машине. Хозяйка звала его «мой челночок». Сима недоумевала, почему он уезжает утром и вечером возвращается, а Сергеич — нет.

Приходил днём Очаровательные глазки. Но притихший и не весёлый, как прежде.

— Потерпи, Сима, — говорил он тусклым голосом. — Вот утихомирю болячки, поеду к нему. Вернусь, расскажу.

Потом спохватился:

— А может, тебя взять с собой, а? Возьму, пожалуй, изболелась...

Он ушёл и опять наступила тоска. Время шло, а ничего не менялось.

Сегодня рано утром у колодца Сима наткнулась на крупную жабу. Она сидела под широким листом мокрого лопуха. Возникший азарт встряхнул было кошку. Она оживилась. Но медлительность и неуклюжесть жабы показались ей подозрительными. И она вспомнила, что в городе была у неё подобная встреча. Тогда Сима вцепилась зубами в шею похожей жабы, обнаружив её неожиданно на газоне. Получив рану, жаба выпустила яд из бугорков, расположенных по обе стороны её толстой шеи. Сима тогда тут же отбросила добычу от себя, настолько мерзко стало во рту.

Жаба плюхнулась на землю и спокойно спряталась в траве. У Симы после таких воспоминаний сейчас не было желания связываться с этой неповоротливой коварной тварью.

* * *

Кошки не любят резких перемен в жизни.

Сима начала чувствовать неполадки в своём здоровье.

Очень хотелось видеть доброе лицо хозяина.

Одна отрада: оставшийся её единственный котёнок. Хотя ему чуть больше месяца, заботливая мать уже пыталась его кое-чему научить. Он оказался смышлёным. Обычно только к возрасту в десять-двенадцать недель взрослые кошки успевают обучить своих чад, как умываться, как правильно есть.

Сима эти уроки уже начала давать единственному теперь котёнку.

Малыш нравился соседу. И она, похоже, чувствовала, что, если даже на время покинет его, он не пропадёт...

Малыш ел уже самостоятельно. И был на удивление послушным. Ей ни разу не пришлось его наказывать. Он не боялся отлучаться от матери и часто выбегал из сеней во двор.

* * *

Сима понимала, что начинать искать своего хозяина надо с его квартиры в городе. С той, в которую однажды упала. Эту квартиру она хорошо запомнила.

В ней следы, запахи... Они могут помочь.

Надо действовать! Её окружают хорошие люди, но они заняты своими делами.

Она перестала бывать у соседей.

Приехавший их внук любил шумные развлечения. Часто звучала теперь весёлая громкая музыка, не так, как в их доме при хозяине. Такая музыка была для неё невыносима.

...Но ноги сами привели её к соседям. Дмитрий возился в сенях.

— Не волнуйся ты, беспокойная душа. Здесь он загнулся бы, не успей мы вовремя добраться до врачей...

Она смотрела на него большими, округлившимися глазами, слушала.

— Там, где сейчас Сергеич, миллион людей. Не дадут пропасть! Город всё-таки! Иди и жди дома, — уже строго произнёс сосед.

Сима слушала его, смотрела ему в лицо...

Она не видела, чтобы он улыбался и прищуривался, когда глядел на неё, как это делал хозяин. Его широкие брови, глаза и рот были суровы. Всё это не давало успокоиться.

Когда шла обратно, услыхала в дубраве дробный стук дятла. Но не помчалась, как раньше, на этот звук. Наблюдать за дятлом ей теперь было не интересно.

Она возвратилась в свои сени. Села у окна и стала смотреть на дорогу. Дорога уходила далеко-далеко туда, где деревья становились маленькими и земля смыкалась с небом.

Там где-то был её хозяин.

Туда его увезла машина.

Эта машина теперь стояла под навесом. Её хозяин был дома, хозяин Симы отсутствовал.

Ей трудно понять, почему это так...

* * *

Не стало в доме хозяина и на кухню повадилась забегать большая проворная крыса.

Если бы нам и очень хотелось, всё равно, о крысах ничего сказать хорошего не смогли бы. Такой уж это зверь.

И вот теперь эта крыса своими твёрдыми зубами прогрызла с улицы нору, а потом отверстие в полу и хозяйничала там, где лежало продовольствие.

До этого она успела загрызть у соседей кролика и двух цыплят. Сима терпеть не могла эту тварь с наглыми прищуренными глазками. И крыса избегала встречи с кошкой.

Так получилось, что они не разминулись. Сима была не только ловкой, но и смелой. К тому же, защищала дом своего хозяина.

...Она с отвращением, но всё же вытащила убитую ею в изнурительной схватке жирную крысу из кухни во двор и оставила в углу около изгороди.

Не могла есть эту мерзость.

Пошатываясь, обессиленная, пошла к колодцу, где стояло корыто с водой. Её мучила жажда. Саднило в правой, крепко оцарапанной ноге, чуть выше колена.

* * *

Утром, едва рожок смуглого пастуха в выцветшей за лето шляпе заиграл в конце улицы, собирая, как обычно, бурёнок в стадо, умер Очаровательные глазки.

Сима почувствовала его смерть раньше всех. Ещё родня его спала, жена поднялась выгонять корову, а он лежал на верандочке в односпальной кровати с панцирной сеткой и спокойно смотрел неживыми глазами в дощатый, с большими трещинами потолок (сколько раз собирался перестелить доски, не успел). Настиг всё-таки Николая Фадеича инсульт.

Сима сначала металась в сенях, не в силах успокоиться. Потом выскочила во двор и побежала к дому умершего...

Глава 15. Успеть!

Прошло ещё три дня. Наконец-то рана у неё на ноге затянулась. Сима вышла из дома на рассвете.

...В первый день, пока Сима бежала просёлком, ей удалось, почти не задерживаясь, поймать двух кузнечиков.

С жадностью, не позволив себе поиграть с ними, она съела их.

На другой день повезло больше. Около маленького стожка сена она поймала мышь. В сене попискивали её сородичи. Стожок, очевидно, был облюбован полевками для зимовки. Можно было поживиться ещё. Но ей было не до того. Она пошла быстрее. Усы её были напряжены и растопырены во все стороны, помогая ориентироваться в пространстве.

...Стоял уже конец августа и лес заметно стал другим. Смолкли в листве птичьи голоса. Летние певцы теперь сбивались на опушках в стаи. Им предстояло лететь в дальние края.

Два следующих дня она ничего не ела.

Иногда порхали разноцветные бабочки над её головой, но она не радовалась им, как раньше, во дворе Сергеича.

В глазах её была тоска. И в то же время — решимость. Ей надо было торопиться!

Она не приближалась к людям, чтобы с их помощью подкрепиться. Надеялась только на себя. Но голод брал своё...

В пригороде, перед окнами приземистого бревенчатого дома в кустах сирени чирикали воробьи. Их оказалось много!

Сима стремглав метнулась от сложенного из железнодорожных шпал сооружения к опрокинутому ведру под кустом и затаилась. Она вся задрожала от предвкушения так необходимой ей сейчас удачи.

Сима выбрала своей целью добродушного воробья, сидевшего на самой нижней ветке. Напряжённо ждала, когда лист сирени повернётся так, чтобы их взгляды не встретились. Только в такие моменты она нападала на жертву.

Вдруг за спиной Симы раздался громкий лай. Лохматый и противный дворняга, лежавший до этого с закрытыми глазами у крыльца дома, опомнился. Подскочив к Симе, он зарычал. Застигнутая врасплох, она, не видя путей к отступлению, отпрыгнув от ведра, изогнула спину и зарычала, сделавшись необычно устрашающей. Пёс опешил и отпрянул к крыльцу. Сима воспользовалась его замешательством и юркнула в пролом низенького зелёного заборчика.

Она не сильно испугалась нечёсаной дворняги. И не упала духом. Домов с палисадниками было много. Значит есть, где поохотиться. И верно, у крайнего от железной дороги дома ей повезло.

Там, под акацией, тоже была туча воробьёв. И не было дворняг. Шумливая птичья ватажка вскоре уменьшилась на одного своего нерасторопного собрата.

Но дождь воробьи всё-таки «нашумели».

Сима переждала ливень в завалившейся набок пустой тёмной мазанке и вновь продолжила свой путь.

И в сумраке, когда человеческий глаз теряется, она шла. Кошки лучше, чем люди, видят в темноте...

...У железнодорожной платформы с ней случилась беда.

Она оказалась между двумя грохочущими встречными составами. Сима никогда не видела поезда. Эти два длинных чудовища были похожи для неё на огромных отвратительных гусениц, пахнувших железом и чем-то ещё более отталкивающим и непривыч-

ным... Заметавшись между ними с горящими круглыми глазами, она порезала битым бутылочным стеклом левую переднюю лапу.

Долго заниматься собой, зализывать рану она не стала. Поковыляла на трёх лапах в город. Кровь сочиться перестала, но Сима не решалась наступать раненой лапой. Держала её навесу.

У неё были свои ориентиры. Они ей указывали путь. Множество запахов, от которых она уже начала отвыкать, окружали её теперь.

Одни — помогали, другие — мешали.

К городу она подошла в начале второй недели своего пути. Позади была дорога длиной почти в тридцать километров. Сима сильно похудела и постарела.

Её бывшая раньше великолепной рыжая шёрстка висела по бокам грязными клочьями. На спине, куда она не могла достать лапами, вцепились в свалявшуюся шерсть жёсткие репьи. Взгляд её стал блуждающим.

* * *

Получалось так, что ей предстояло преодолеть автомобильный мост через реку.

Этот мост она никогда не видела. Когда ехала в машине в деревню, могла бы обратить внимание. Но Сергеич заботливо укладывал её в корзину на заднем сиденьи, вот и проглядела.

Направляясь по берегу вдоль воды к мосту, сообразила, что в реке могут быть рыбки.

Река оказалась странной: столько много воды, а рыбок нет. Не так, как в деревне.

Напрасно она вглядывалась, семеня по мокрому песку. Добыча не просматривалась. Впереди, метрах в трёх от себя, она приметила маленького лягушонка. Тут же, ступив в сторону от воды на сухой песок, притаилась, решив, что наконец-то ей повезло...

Но в следующий момент сильная боль обожгла левую пораненную ногу.

— Попал! — беспечно воскликнул кто-то.

Сима повернула голову. Мимо шли мальчишки с удочками.

— Ну и балда, что попал, — отозвался длинный в белой майке.

— Да ладно. Она бродячая, — сказал тот, который был в куртке и намного ниже ростом. — Болтается без дела.

Глядя на него, Сима издала звуки, похожие на рычание.

— Видишь, какая злюка! — как-то даже с радостью сказал мальчишка в курточке.

Рыбачки прошли мимо. Сима поплелась своей дорогой к мосту. В тени железобетонной сваи ей попались два дождевых червя. Она с жадностью их проглотила.

На мосту было много машин. Сбоку оказалась дорожка, по которой спешили люди. Их было мало. Все они торопились, поэтому не обращали на неё внимания.

В самом конце моста две женщины красили ограждение. Одна из них, круглолицая, увидела Симу и стала искать что-то в кармане куртки, но кошка шмыгнула у них между ног и быстренько, как могла, удалилась. Не верилось Симе в случайную доброту. Слишком дорого это может стоить.

* * *

После моста, на перекрёстке, она чуть было не попала под колёса автомобиля.

Всё решили секунды. Она удачно проскочила меж колес. Симе явно не хватало опыта городской жизни. Откуда ей было знать людские правила, да и не воспринимала она красный цвет. Различала только зелёный и голубой.

Уже начинало смеркаться. В городе зажглись фонари. И в этом сонме огней светились теперь особым светом глаза Симы. Они излучали необычный свет. Кажется, очень важный для неё. Будто в городском шуме глаза её, свет её глаз дополнительно к её кошачьему слуху и нюху помогали отбирать необходимые ей звуки и запахи.

Эти светящиеся и ночью, и днём живые источники света служили ей отменно.

Симе необходимы были звуки, присущие её прежнему, городскому дому. Они связаны были с её хозяином.

Теперь, когда она пересекла реку, ей стало ясно, что хозяин дома. Эта уверенность не давала ей задерживаться на городских мусорках, благодаря которым она могла бы утолить голод.

Долгий путь Симе непривычен, поэтому она сильно устала. От волнений и от того, что не умывалась, у неё завелись блохи. Они беспокоили её.

* * *

Она едва держалась на ногах, когда подошла к знакомому дому. Он был всё такой же!

Но дверь оказалась другой, новой. И она выглядела непри-

ступной. Сима обнюхала её. Кругом было железо. Щели маленькие. Надо спешить! У неё сильно забилось сердце.

Вспомнилась труба на крыше, через которую она попала впервые в квартиру Сергеича.

Люди отгородились друг от друга железными дверями. Что теперь делать?.. Дверь неожиданно открылась. Сима ринулась в проём. Но крепкая нога отбросила её в сторону. Выходивший грузный человек недоумевал:

— Вот ведь развелось кошар!

Её здесь не все знали. Она оказалась чужой. Грузный и громкий человек ушёл. Сима залегла за урной для мусора, стала выжидать.

...Наконец дверь открылась. Вышли он и она. Молодые. Трогая друг друга, они приостановились. Сима ползком шмыгнула в дверь. Едва оказалась по другую сторону порога, забыв о боли, обо всём, молнией метнулась на шестой этаж.

Она увидела знакомую дверь! Старую, не прочную. Выкрашенную светлой краской.

Сима стала неистово царапать дверь и мяукать. Сергеич услышал её царапание и голос, но из-за слабости встать не мог. Он терял сознание.

...Соседке надоели кошачьи вопли и она вышла на площадку.

Сима уставила на неё свои светящиеся жёлто-зелёные глаза. Обе какое-то мгновение молчали.

— Ты чего балуешь? — начала было зло полная женщина, но широко раскрытые зрачки кошки заставили её замолчать.

В кошачьих глазах были страх и безмерная мольба. Схватившись за грудь, соседка выдохнула свою догадку:

— А, батюшки, неужто помер?..

Бросила своё рыхлое тело назад в квартиру. Вернулась на площадку с незнакомым Симе мужчиной, высоким и худым.

Трясущимися руками пыталась открыть дверь, приговаривая:

— Хорошо, что сын-то его, уезжая, оставил мне ключи эти. А я никак не передала их Сергеичу, не успела... И в больницу не успела. Скоро так выписали... Приступ стенокардии, мыслимо ль торопиться?..

Кому она говорила эти слова? Угрюмому худому мужчине или Симе? Непонятно. И зачем говорила?

Когда открыли дверь, хозяин лежал без движений. Боль притихла. Одолевала резкая слабость. Он не в силах был подняться. Его влажные руки и лицо поражали белизной.

Он понял, что умирает, и смирился.

Сима прыгнула к нему в кровать.

Скосив глаза, не двигаясь, Сергеич, не удивившись, сказал с усилием:

— А, Сима! — глаза его потеплели. — Извини, я тебя не бросил. Так получилось...

Сима придвинулась совсем близко. Её язычок нежно прикоснулся к его пальцам, потом последовало обтирание головой о плечо больного. Поглаживая лапкой бледную кисть левой его руки, Сима уже знала, что её хозяин будет жить...

— Там на полу таблетки, упали, — тихо сказал он. — Не смог...

— Что же это мы? — спохватилась женщина.

Наклонилась и подняла из кучки рассыпавшихся мелких таблеток две, положила ему в рот.

Он слабо улыбнулся непослушными губами.

— Знаю, Сима, ты благодарная, но чтобы вот так?!

Сильное мурлыканье подействовало на соседку:

— Эх, ты!

Она протиснулась на кухню к телефону и стала набирать номер «скорой помощи».

— Вот ведь как бывает! — говорила она, ожидая голос в трубке. — Она его нашла. И как вовремя!

Сима, поджав под себя лапы и обернув вокруг тела хвост, сидела, излучая счастье и покой.

Хмурый и молчаливый знакомый соседки пошёл на улицу встречать врача «скорой».

— Ты, Сима, от пыли стала серой. Вот поправлюсь, искупаю тебя, — сказал хозяин. — Как тогда, в первый раз. И Малыша твоего одного не бросим.

— Воды третий день горячей нет, а он — «искупаю», — подала голос соседка.

— А мы для чего? Не нагреем, что ли? — слабо ответил Сергеич. И, взглянув искоса в окно, молча ещё раз улыбнулся.

На улице, оказывается, был светлый солнечный день.

Жизнь продолжалась...

2006 г.
Январь-март

Обретение детства

Почему людям, даже самым взрослым, по ночам снится детство? Родители, школа, друзья и подруги самой первой, школьной поры жизни? Почему зелёный листок на дереве несёт в себе информацию о том, как светило солнце именно в первые дни его появления на свет? Почему само дерево в своей толще хранит память только о первоначальной, самой нежной поре своего бытия?

...Потом всё это уходит вглубь, обрастает кольцами лет, покрывается толстой корой, деревенеет. И уже ничего не пробьётся через эту кору, если уж только сама жизнь не отметит её неизгладимым рубцом.

Если бы деревьям снились сны, им, наверное, снился бы удивлённый мир маленького кленового ростка, а не обыденный шум семиметрового взрослого клёна.

Впрочем, когда под старыми деревенскими клёнами вдруг зазвучат весёлые детские голоса, даже эти клёны, привычно шумящие своей могучей кроной, в светлой полдневной дрёме незаметно погружаются в зелёный мир своего детства. А вместе с ними и мы, благодаря книге Александра Малиновского, которую писатель так и назвал – «Под старыми клёнами».

Оно, детство, у всех нас было и есть разное. У большинства, как у героя первых двух повестей книги Малиновского москвича Алёшки – городское, едва ли с пышными клёнами, скорее с чахлыми и уродливо обрезанными городскими деревцами под окнами. Но детство – категорический враг всякой обыденности и никогда не смирится со скучным и пыльным порядком вещей. Даже на десятом этаже высотного дома оно всегда будет уноситься мечтами к далёким синим морям и нетронутым тёмным лесам. И что за чудо, когда эти мечты сбудутся! Как сбываются они в книге «Под старыми клёнами». А ещё большее чудо в том, что обступают тебя в этом мире не пластмассовые радости заокеанского Диснейленда, а самая что ни на есть настоящая, тысячелетняя русская жизнь. С бодливой коровой Жданкой и ловлей раков в небольшой речушке Ветлянке, с таинственной птицей «козодой» и зимними грибами на деревьях, наконец, с Новым годом под морозным звёздным небом около заметённой снегами ёлочки. И главное – с настоящими детскими радостями

и горестями, теми, из которых навсегда вырастает наше уже взрослое чувство добра и зла. И только спустя годы и годы понимаешь, что впервые пробудилось оно у тебя в душе, на родине деда, в степной русской деревушке...

* * *

Герои первых двух («Под старыми клёнами» и «Однажды в зимние каникулы») повестей книги – дети. Они как бы взяты из жизни целиком, как бывает только в подлинной литературе. Маленький читатель неминуемо становится полноправным членом той пёстрой стайки детворы, что населяет страницы повествования. Рассказы об их похождениях и жизненных открытиях начисто лишены какой-либо нарочитой назидательности. И это очень важно! Потому что маленькие жители нашей земли необыкновенно чутки к любой фальши и великовозрастной снисходительности.

Более того, умудрённый жизнью повествователь сам становится полноправным членом их шумного, живого и непоседливого мира. Вообще, в первых двух повестях этой книги практически нет людей среднего возраста, только пожилые и маленькие, что называется «старый да малый». Поэтому и язык у разновозрастных обитателей этих страниц оказывается общий, и близки они друг другу – по сути ещё неживше и уже прожившие целую жизнь, – и интересны. Вместе стоят пожилой писатель и десятилетний мальчишка над напрасно подстреленной птицей, и чувствуют одно и то же. Вместе борются за жизнь попавшего в беду голубя, и для них эта беда, беда, мимо которой, скорее всего, прошёл бы, не заметив её, «взрослый» человек, для них она становится центром маленького и такого необъятного мира под старыми клёнами.

И, несмотря на то, повторюсь, что сами повести начисто лишены какой-либо отталкивающей назидательности, они нравственны. А не это ли, наряду с увлекательностью, сегодня, да и всегда наиболее важно в литературе для детей?

* * *

Третья повесть в книге Александра Малиновского называется «Сергеич и Сима». Это классическое повествование о человеке и его бессловесном четвероногом друге. Хотелось бы ска-

зать – классическое русское повествование, но перед глазами встают незабвенные рассказы о животных Сеттона Томпсона, выучившие не одно поколение людей, и не только русских, любви и жалости к «братьям нашим меньшим», и понимаешь – нет, это наше, людское, общее. И ответственность за весь мир с его лесами и реками вырастает из ответственности за жизнь маленького, подобранного тобой под дождём щенка.

Правда, у Малиновского речь идёт вовсе не о щенке, а о кошке…

Просто так бывает в жизни, что встречаются брошенная кем-то кошка и одинокий, а, по сути, тоже брошенный, проживший свою жизнь человек. Просто сваливается тебе на голову – в прямом смысле на голову – взъерошенный и испуганный комок шерсти, а оказывается, ты друга нашёл. Просто понимаешь, что мир есть добро, и оказанное хотя бы раз кому-то, даже бессловесному и несмышлёному – оно не уходит из мира. И не уходит от тебя. Просто ждёт где-нибудь за поворотом твоей судьбы. И когда с человеком происходит беда, добро возвращается, оно преодолевает десятки километров, чтобы в нужный момент оказаться рядом. Как делает это обыкновенная беспородная кошка Сима в повести Александра Малиновского.

Немного грустно, что на помощь человеку первой приходит кошка, а не люди. Тем не менее, это реальность современной городской жизни с её разобщённостью и безразличием. Но есть и другая реальность, превосходящая нашу грустную повседневность. Только этой реальностью всё ещё держится мир. Малиновский нигде не произносит слова «Бог», но, поверьте, везде говорит о Нём.

Алексей ШОРОХОВ,
г. Москва

Содержание

ПОД СТАРЫМИ КЛЁНАМИ 3
ОДНАЖДЫ В ЗИМНИЕ КАНИКУЛЫ 47
СЕРГЕИЧ И СИМА 93

Алексей Шорохов. Обретение детства 140

Александр Станиславович Малиновский

ПОД СТАРЫМИ КЛЁНАМИ

Повести для детей и взрослых

Самарская областная писательская организация
искренне благодарит за поддержку и помощь
в реализации проекта
«Народная библиотека Самарской губернии»
Ольгу Васильевну Рыбакову,
Лидию Алексеевну Анохину

Книга издана за счёт средств бюджета Самарской области

Руководитель проекта
«Народная библиотека Самарской губернии»
Александр Громов

Художник
Татьяна Твердохлебова

На титульной странице книги фото 1956 года,
сделанное Сергеем Ивановичем Рябцевым.
Автор книги — Саша Малиновский со своим дедом
Иваном Дмитриевичем Рябцевым.

Издание подготовлено издательством
«Русское эхо»
Самарской областной писательской организации
Адрес: 443001, г. Самара, ул. Самарская, 179,
телефон (846) 333-48-01

Подписано в печать 21.07.2009 Формат издания 60x90/16.
Объём 9,0 печ.л. Гарнитура Georgia. Бумага мелованная.
Печать офсетная. Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии Издательства ООО «Книга»
г. Самара, ул. Песчаная, 1, офис 404, телефон (846) 267-36-82